Федеральное государственной бюджетное учреждение науки
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
Российской академии наук
(СПбИИ РАН)

На правах рукописи

Фомин Антон Юрьевич

Российское офицерство и публичная политика: политические взгляды военнослужащих в отражении военной печати (1906–1914 гг.)

Специальность 5.6.1. – Отечественная история

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
Доктор исторических наук
Игорь Владимирович Лукоянов

Санкт-Петербург

2022

Оглавление

Введение 3
Глава 1. Газета «Военный голос» и ее сотрудники 29
§1. Предпосылки появления «Военного голоса»» 29
§2. Авторы и сотрудники редакции «Военного голоса» 36
§3. Политическая платформа «Военного голоса» 59
Глава 2. Капитан П. М. Михайлов и «младотурки» 102
§1. Михайлов – думский корреспондент 102
§2. Михайлов на службе в думской канцелярии 132
§3. «Младотурки» в Академии Генерального штаба 159
Глава 3. Военные пропагандисты в поисках «внутреннего врага» 175
§1. Полковник Ф.И. Сурин – историк и пропагандист 175
§2. Военное ведомство и официозная военная печать. 197
§3. Граф Л.Л. Толстой на службе военной пропаганды 206
§4. Идеология военных пропагандистов. 221
Заключение 227
Список использованных источников и литературы 234

Введение.

Актуальность исследования и постановка проблемы. Огромная роль солдатских масс в событиях 1917 года ставит изучение царской армии начала XX века в разряд одного из важнейших сюжетов истории дореволюционной России. При этом налицо недостаточное внимание к состоянию и поведению многотысячного офицерского корпуса во время острейшего политического кризиса. Только в Петрограде и его ближайших пригородах в 1917 году находилось по меньшей мере 60 тысяч обер- и штаб-офицеров, присягавших сначала Николаю II, а затем Временному правительству, но фактически уклонившихся от защиты как первого, так и второго.

В этой связи актуальным выглядит рассмотрение вопросов о состоянии умов командного состава императорской армии в десятилетие, предшествующее эпохальным революционным событиям. Наилучшим источником для изучения «состояния умов» военной среды является военная печать – ее голос в публичном пространстве и площадка для дискуссий по вопросам военной и общественной жизни. Таким образом, **объектом исследования** является офицерский корпус российской императорской армии. **Предметом исследования** служат политические взгляды и политическая культура военнослужащих, выражавшиеся как в их публицистических текстах, так и в практической деятельности.

Целью данного исследования является изучение политических требований и политической культуры российского офицерства в период между Русско-японской и Первой мировой войнами. Рассматривая межвоенный период, можно сфокусироваться на отношении кадрового офицерства к разворачивавшимся в то время политическим процессам. Для достижения заявленной цели необходимо решить следующие задачи:

1) Проанализировать дискуссии в военной печати на предмет заложенных в них политических требований и установок.

2) Проанализировать случаи участия военных в политической борьбе. В том числе рассмотреть неформальные контакты военных с думскими политиками (в этом отношении особый интерес представляет деятельность т. н. кружка «младотурок» во главе с генералом В. И. Гурко и А. И. Гучковым).
3) Выявить приобретавшие политическую окраску конфликты внутри военного сообщества.
4) Изучить противоборство различных групп военной элиты, показав их идеологические разногласия.

Хронологические рамки исследования ограничиваются главным образом периодом 1906–1914 гг. – временем становления и развития системы т.н. думской или третьеиюньской монархии. Отдельные сюжеты, рассматриваемые в работе, относятся к 1905 г. За верхнюю границу взято начало Первой мировой войны. Со вступлением России в войну изменились как отношения армии и общества, так и политические реалии – изучение этого периода является задачей самостоятельного исследования.

Степень изученности проблемы. Лояльность армии и ее профессионального ядра – офицерского корпуса была жизненно важна для монархии Романовых, являлась одним из ключевых факторов ее существования. При этом официальная точка зрения, согласно которой офицер уже по определению являлся «преданным слугой державного вождя армии», перенеслась и в работы историков. Представляется, что этот тезис, по крайней мере, нуждается в подкреплении специальными исследованиями. Позиция, занятая в дни отречения Николая II как большинством «рядового» офицерства, так и военной «верхушкой» (все командующие фронтами, за единственным исключением, высказались в пользу отречения императора) заставляет усомниться в том, что политическое мировоззрение военных ограничивалось незамысловатой формулой «за веру, царя и отечество». Пресловутые «косность» и «кастовая замкнутость» военной среды, на которые указывают историки, не могли оградить офицерство от веяний времени. В

историографии особенно мало внимания уделялось вхождению в сферу публичной политики военнослужащих. Революционное брожение 1905–1906 гг. частично затронуло и вооруженные силы. Однако при чтении работ историков невольно создается впечатление, что стены казарм, кадетских корпусов, военных училищ и офицерских собраний напрочь ограждали своих обитателей от остального мира. Многие из этих штампов можно обнаружить в посвященных офицерскому корпусу работах П. А. Зайончковского[1]. Книгу «Самодержавие и русская армия», положения которой развивались в ряде статей, едва ли можно отнести к числу лучших трудов выдающегося историка. Говоря о политических настроениях офицерства, П. А. Зайончковский в основном ограничивается общими рассуждениями о консервативности и замкнутости военной среды. «Триединая формула “за веру, царя и отечество” определяла собою официальную политическую идеологию офицерства <…> русское офицерство было абсолютно не осведомлено о политической жизни страны, и все общественные вопросы, волновавшие интеллигентную молодежь того времени, проходили мимо него»[2], – утверждал он. Вопрос о политических воззрениях офицерства не составлял для П. А. Зайончковского исследовательской проблемы. Положения о тотальном консерватизме и политическом невежестве офицеров даются у П. А. Зайончковского в форме не требующих доказательства непреложных истин, причем основой для этих суждений в первую очередь служат ссылки на воспоминания военных деятелей рубежа XIX–XX вв.

В более поздней статье о состоянии офицерского корпуса русской армии накануне Первой мировой войны П. А. Зайончковский повторяет эти положения, хотя и указывает на влияние, оказанное на настроения части военной элиты событиями Русско-японской войны и революции 1905-1907 гг. Согласно Зайончковскому, для периода третьеиюньской монархии

[1] Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903 гг. М., 1973. С. 233–234; Он же. Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны // П.А. Зайончковский (1904–1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 24–69.
[2] Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия… С. 233–234.

зафиксировано распространение оппозиционных и даже революционных взглядов среди офицеров Генерального штаба и гвардии. Впереди строевых и штабных офицеров в этом отношении шли представители военной интеллигенции, однако даже эти группы были захвачены оппозиционным движением лишь в небольшой своей части, а за пределами столицы, имели место лишь отдельные революционные казусы, тогда как традиционный монархизм основной массы офицеров не претерпел каких-либо изменений[3].

В. Д. Поликарпов в своей монографии повторил тезисы П. А. Зайончковского в еще более жестких формулировках[4]. Само заглавие работы Поликарпова – «Военная контрреволюция в России» – говорит о том, что политические взгляды офицерства рассматривались им через призму отношения к революционному движению. Обильное цитирование трудов В. И. Ленина на протяжении всего текста свидетельствует о том, что, по мнению историка, лидер большевиков давал вполне объективную оценку политической позиции и роли кадровых военных. На страницах его книги 1990 года издания верную политическую оценку офицерства дают большевики: «уже на опыте революции, в конце 1906 г., большевики пришли к заключению, что "как классовый социальный состав офицерства, так и интересы офицерства как профессиональной военной касты заставляют их стремиться к сохранению постоянной армии и народного бесправия", поэтому "в происходящем буржуазно-демократическом перевороте офицерство в целом играет роль реакционную"»[5]. Это лишь один пример, тогда как автор на протяжении всего своего труда дотошно и последовательно изобличает контрреволюционность и классовую отчужденность офицерства от солдатских масс при помощи ссылок на точку зрения партии и ее вождя.

Для конца 1980-х годов подход Поликарпова, в основе которого лежал не объективный анализ источников, но схоластическое цитирование

[3] Зайончковский П.А. Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны… С. 24–69.
[4] Поликарпов В. Д. Военная контрреволюция в России: 1905–1917 гг. М., 1990.
[5] Там же. С. 115.

«классиков», уже в значительной степени являлся анахронизмом. Его работа написана в стиле характерном скорее для советской историографии более раннего (1960-70-е годы) периода.

Л. Г. Бескровный – один из крупнейших специалистов по истории российских вооруженных сил XIX–начала XX в. – акцентирует внимание на том, что офицерский корпус императорской армии комплектовался преимущественно из представителей «правящих классов». В его трактовке при переходе от «феодально-крепостнического» строя к капиталистическим отношениям царское правительство всячески противилось демократизации офицерского корпуса. Офицерам-разночинцам стремились привить дворянские идеалы чести и преданного служения самодержавному монарху. В соответствии с традициями советской историографии Бескровный отводит часть своего труда общественному движению в армии. Строго следуя периодизации В. И. Ленина, Бескровный рассматривает дворянский, разночинский и пролетарский этапы революционного движения в войсках. Однако этот обзор лишь служит для него иллюстрацией того, что и в костной военной среде находились «прогрессивные элементы» – люди, готовые встать на борьбу за свободу народных масс[6].

В русле концепции Бескровного находятся некоторые работы других историков. А. А. Буравченков пишет о том, что до Первой мировой войны офицерский корпус российской армии, сохраняя свою дворянскую «классовую чистоту», являлся монолитной «опорой царизма»[7]. И. Васин противопоставляет солдат – «одетых в мундир крестьян и рабочих», охотно воспринимавших пропаганду большевиков, – командному составу армии, состоявшему из «верноподданных» представителей эксплуататорских классов[8].

---

[6] Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. М., 1973; Он же. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986.
[7] Буравченков А. А. Роль демократического офицерства в революции. Киев, 1990. С. 7.
[8] Васин. И. Армия и революция (Борьба московских большевиков за солдатские массы в трех революциях). М., 1973. С. 18.

При оценке трудов П.А. Зайончковского и других советских историков о русской армии необходимо учитывать влиявший на историографическую ситуацию политический контекст того времени. Их работы должны были быть выдержаны в идеологически нормативной – критической по отношению к царскому офицерству тональности, содержать скрывающие сложность предмета обобщения, опирающиеся на суждения «классиков». Иначе они бы просто не имели шансов на публикацию. Несмотря на их недостатки, работы П.А. Зайончковского заложили историографическую основу для изучения русской армии и ее офицерского корпуса.

Попытку частичного отказа от традиционных догм предпринял современный исследователь И. Н. Гребенкин. У него офицеры из ярых реакционеров превращаются в аполитичных конформистов и сторонников сильной (но необязательно монархической) власти в соответствии со своими профессионально-корпоративными интересами[9]. Свои положения Гребенкин выдвигает в полемике с другими авторами (в основном перечисленными выше) и не подкрепляет конкретными аргументами. По существу, он лишь совершает некоторую корректировку традиционных точек зрения, исходя из собственного опыта изучения российских вооруженных сил. В более поздней работе И. Н. Гребенкин подтверждает свой выдвинутый ранее тезис: «…в политической субкультуре офицерства продолжала преобладать установка на пассивную лояльность властям, порождавшая неопределенность ориентиров и растущее ощущение изоляции от наиболее активных групп российского общества»[10].

Другой современный исследователь – Е. Ю. Сергеев попытался выделить характерные черты «склада ума» царского офицерства. Сергеев перечисляет такие «стереотипы военного мышления» как монархизм, православная религиозность, вера в особую историческую миссию и особый путь России,

[9] Гребенкин И.Н. Российское офицерство и политическая жизнь России в начале XX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. 2009. Вып. 3. С. 220–228.
[10] Он же. Долг и выбор: русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. М., 2015. С. 467.

аполитичный консерватизм, антидемократизм, «этноцентризм» и «интолерантность» ко всему нерусскому, сочетающиеся при этом с «высоким, европейским культурным уровнем»[11]. Представляется, что эти категории скорее снова воспроизводят сложившиеся в научной литературе и исторической памяти стереотипы об офицерстве, нежели адекватно описывают реальность.

А. Е. Савинкин утверждает, что российское офицерство в качестве особой касты придерживалось т.н. «отечественной идеологии», выражавшейся в патриотизме и самоотверженном рыцарственном служении родине, о котором писал придерживавшийся консервативных и националистических взглядов философ И. А. Ильин. Свои умозаключения Савинкин стремится подкрепить цитированием самого широкого круга авторитетных авторов: от Д. В. Давыдова, А. С. Пушкина и Ф. М. Достоевского до М. И. Драгомирова и А. И. Деникина[12]. Так Савинкин характеризует мировоззрение русского офицера: «Предметный патриотизм (И. Ильин), ответственное, сознательное служение во благо Родины — ключевые составляющие характера русского офицера. Его девиз — «Победа», причем победа, малой кровью одержанная. Быть победителем — идеал русского офицера. Вслед за незабвенным А.В. Суворовым и почти неизвестным ныне генералом русского Генерального штаба Анатолием Дмитриевичем Шеманским, скажем: “победоносность должна быть основным качеством офицеров-начальников”[13]». У Савинкина офицерство, волне ожидаемо, оказывается главным антагонистом враждебных России революционных сил. Кадровое офицерство по определению несовместимо с революцией, с политическим протестом, «враги» российского государства об этом прекрасно осведомлены и платят «военному сословию» непримиримой ненавистью: «Революционные силы по существу никогда не рассчитывали на офицерство, враждебное им из-за своей отечественной

[11] Сергеев Е. Ю. "Иная земля, иное небо...". Запад и военная элита России. М., 2001. С. 71–87.
[12] Савинкин А. Е. Заветные идеалы русского офицерского корпуса // Офицерский корпус Русской Армии. Опыт самопознания. М., 2000. С. 535–609.
[13] Там же. С. 551.

идеологии. Они уже давно вынесли ему приговор как носителю побед, укрепляющих “антинародный режим”, как руководящей силе армии, которую предстояло разложить, как оплоту государства. Принадлежность офицерства к дворянскому сословию и военной касте считалось при этом далеко не главным ”преступлением”»[14]. Как нетрудно догадаться, «отечественность» для Савинкина служит прямым синонимом «русскости». Таким образом, верное славным традициям прошлого царское офицерство, в его интерпретации, являлось носителем «русского духа», наивысших и главнейших ценностей национальной культуры.

О. М. Михайленок разделяет идеи Савинкина об «отечественности», как основе мировоззрения офицерства. В политическом плане «отечественность» выражалась в монархизме: «Политическая программа российского офицерства была проста и ясна. Перефразируя известное выражение "человеческая душа – христианка”, можно сказать, что “офицерская душа – монархистка”»[15]. Для Михайленка офицерский корпус играл в истории России едва ли не провиденциальную роль: «российский офицерский корпус с его традициями беззаветного служения родине был душой армии, ядром военной организации, главной административно-охранительной силой. Патриотизм и профессионализм офицеров в значительной степени определял судьбу отечества <…> Погоны носили многие знаменитые поэты и писатели, композиторы и художники <…> Вожди армии – выдающиеся офицеры – играли исключительную роль в смутные времена и годины испытаний»[16].

Специалист по истории белого движения С. В. Волков также считает дореволюционное офицерство замкнутым служилым сословием, верным своим особым традициям и воспитанным «в духе безграничной преданности престолу и отечеству»[17]. П. Д. Симашенков с уверенностью констатирует, что

[14] Там же. С. 559.
[15] Михайленок О. М. Государство и армия в России. 19–21 века. М., 2006. С. 273.
[16] Там же. С. 269–270.
[17] Волков С. В. Российское офицерство как служилое сословие // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. М., 2000. С. 524.

приверженность офицерства самодержавному строю «не смогли поколебать ни поражение в Русско-японской войне, ни Первая русская революция, ни более чем скромные заслуги Николая II как державного вождя и полководца»[18]. По мнению В. Н. Суряева, офицерство в силу монархических пристрастий и искренней беззаветной любви к отечеству было убеждено в том, что деятельность революционных и оппозиционных политических сил была направлена на подрыв и уничтожение «исторических и духовных основ бытия России»[19].

Современные российские исследователи все чаще смотрят на революцию 1917-го года с перспективы имевших «роковые» последствия для страны тактических просчетов правительства. При чтении их работ создается впечатление, что революционных потрясений и последовавшего за ними хаоса гражданской войны легко можно было избежать при более эффективном администрировании, лучшем использовании возможностей существовавшей государственной машины. Дискуссии о глубинных причинах революции и объективных сложностях в развитии страны отбрасываются в сторону – на первый план выдвигаются субъективные факторы, с помощью которых можно дать простое и ясное объяснение причин краха империи Романовых[20].

Если для одних воспринимаемая как данность поддержка офицерством самодержавия безусловный минус – признак реакционности и отсталости военной среды, то для других столь же неоспоримый монархизм офицеров является признаком искреннего и глубокого патриотизма, верности долгу, государственной мудрости. Для историков, придерживающихся последнего взгляда, офицеры императорской армии – герои и мученики, представители «здорового», государственнического начала в жизни страны. В отличие от корыстного чиновничества, кадровые военные – благородные рыцари,

[18] Симашенков П. Д. Деятельность органов власти по укреплению морального духа офицеров русской армии в межвоенное десятилетие (1905–1914 гг.). М., 2015. С. 27.
[19] Суряев В. Н. Армейское офицерство и революция 1905–1907 гг. в России // Codrul Cosminului. 2015. Вып. 21. С. 131.
[20] Айрапетов О. Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию. М., 2003; Хутарев-Гарнишевский В.В. Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913–1917 гг.

бессребреники, для которых высшей ценностью является беззаветное служение Родине, возможность пожертвовать для нее жизнью. Материальные ценности вызывали у них лишь презрение.

Этот упрощенный, идеализированный образ, сконструированный под воздействием ультраконсервативных, национал-патриотических идеологических установок, имеет мало отношения к действительному положению вещей. Для данных авторов изучение вопроса сводиться к нахождению в прошлом примеров для военно-патриотического воспитания нынешних поколений. Политическая конъюнктура и прикладные задачи отодвигают на задний план объективное, всестороннее изучение вопроса. Другими словами, эти работы не всегда в полной мере отвечают всем необходимым методологическим принципам исторического исследования. Например, С. В. Волков указывал, что «Офицерский корпус и по существу своему объединял лучшее, что было в России в смысле человеческого материала»[21]. Он же писал, что «офицерский корпус, служивший основой российской государственности, после большевистского переворота стал, естественно, ядром сопротивления антинациональной диктатуре»[22]. А. И. Каменев указывал, что «офицерская профессия — это своего рода апостольство и подвижничество»[23].

В свою очередь, для советских историков проблема политических взглядов офицерства редко имела центральное значение. В различных областях истории вооруженных сил имелись существенные достижения. Но вопрос о политических предпочтениях кадровых военных (зачастую рассматриваемый в качестве второстепенного) легко решался в соответствии с идеологическими установками. Можно сказать, что этот вопрос даже по-настоящему не ставился – ответ на него был уже заранее известен. В этом также заключается несомненный методологический изъян.

---

[21] Волков С. В. Российское офицерство как служилое сословие… С. 519.
[22] Там же. С. 526.
[23] Каменев А. И. Офицер — профессия идейная // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. М., 2000. С. 463.

В этом ряду выделяются работы некоторых зарубежных историков. У. Фуллер отметил идеологическую неоднородность офицерского корпуса и подробно проанализировал конфликты военной верхушки с гражданской администрацией, обусловленные различным пониманием функций вооруженных сил у профессионалов и «штатских»[24]. Тот же автор, на примере дела полковника Мясоедова, рассмотрел борьбу за влияние между различными группами военной элиты, привлекавшими на свою сторону политиков и публицистов[25]. Б. Меннинг обратил внимание на неблагоприятные политические факторы, препятствовавшие воплощению идей «прогрессивной» части военной элиты[26]. Дж. Стейнберг развил эту тему. По его мнению, мощное влияние придворно-аристократических традиций и консервативный дилетантизм императора мешали профессионалам получить контроль над вооруженными силами[27]. Монография Дэвида Рича о формировании и функционировании российского Генерального штаба (структурно относился к подразделениям Главного штаба) в последней трети XIX века ценна тем, что автор указывает на научный, технократический подход, внедряемый Генеральным штабом в российскую практику военного администрирования[28]. Он также указывает на негативную роль политического фактора – систематическое деструктивное вмешательство в военную сферу верховной власти и малокомпетентных придворных кругов, неудачную кадровую политику, характеризовавшуюся игнорированием профессиональных качеств при назначении на высшие командные должности. Указанные тенденции только усилились при Николае II, ревностно относившемся к своим военным прерогативам. Последний царь (в отличие даже от своего отца, доверявшего выдающемуся стратегу Н. Н. Обручеву) был неспособен подобрать экспертов, которым можно было бы эффективно

[24] Fuller William C. Jr. Civil-Military Conflict in Imperial Russia 1881–1914. Princeton, 1985.
[25] Фуллер У. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009.
[26] Menning B. Bayonets before Bullets: The Imperial Russian Army, 1861–1914. Bloomington, 1992.
[27] Steinberg. Jh. All the Tsar's Men: Russia's General Staff and the Fate of the Empire, 1898–1914. Washington, 2010.
[28] Rich D. The Tsar's Colonels: Professionalism, Strategy, and Subversion in Late Imperial Russia. London, 1998.

делегировать свои полномочия, и придерживаться последовательной политики[29]. Все это не давало Генеральному штабу взять вооруженные силы под свой контроль и в полной мере развивать рациональное планирование. Дж. Санборн выдвинул тезис о «прогрессивизме» части российской военной верхушки. Под этим термином подразумевается приверженность технократическому, основанному на научных данных управленческому подходу. Ценность этого наблюдения заключается в том, что в политическом смысле военный «прогрессивизм» увязывается со столыпинским курсом умеренных реформ[30].

Следует отметить, что и более широкая нежели политическая культура офицерства тема – участие вооруженных и военного ведомства во внутренней политике, лоббирование ими своих интересов на институциональном уровне – так же была не слишком востребована исследователями. Однако в ряде работ все же затрагивается прохождение мероприятий, связанных с военной реформой, через представительные учреждения. Канадский историк Д. Схиммельпенник ван дер Ойе подготовил интересный очерк о взаимодействии членов комиссии обороны III Думы с военными экспертами[31]. А. П. Дягтереву принадлежит обзор рассмотрения военных вопросов в Государственной думе[32]. В кандидатской диссертации Г. Ю. Афанасьев касается дискуссий между сторонниками приоритетного развития сухопутных сил и поборниками создания мощного флота[33]. Наконец, К. Ф. Шацилло рассматривал сотрудничество военного ведомства с народным представительством в бюджетной сфере[34]. Работы этих авторов в основном написаны в русле давно устоявшегося в мировой и отечественной исторической науке

---

[29] Ibid. pp. 218–229.
[30] Санборн Дж. «Малые реформы» в эпоху Прогрессивизма: случай российской армии // Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916. СПб., 2021. С. 349–365.
[31] Схиммельпенник ван дер Ойе. Д. Отношения между военными и гражданскими в III Думе // Последняя война императорской России. М., 2002. С. 10–42.
[32] Дягтерев А. П. Военные проблемы в деятельности Государственной думы России (1906 – 1917) // Армия и общество. М., 2000. № 1. С. 105–112.
[33] Афанасьев Г. Ю. Воссоздание императорского российского флота в дебатах III Государственной Думы и общественных дискуссиях 1906–1912 гг.: автореф. дисс. на соиск. учен. степ. к. ист. н. СПб., 2010.
[34] Шацилло К. Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М., 2000.

институционального подхода, в рамках которого особое внимание уделяется роли и функционированию ведомств, государственных учреждений, их специальным интересам и внутренней логике развития.

Нельзя обойти вниманием и некоторые последние работы. В 2017 году Д. В. Пирогов защитил кандидатскую диссертацию по теме «Вопросы подготовки русской армии к войне в военной периодике 1905–1917 гг.»[35]. В его фокусе находится важная проблема публичного обсуждения мероприятий по укреплению вооруженных сил на страницах специальной прессы. Пирогов показывает, что в указанный период военная печать являлась площадкой важнейших дискуссий о будущем российской армии. Развивавшееся по пути все более глубокой профессионализации военное сообщество нуждалось в компетентном обмене мнениями, возможности оказывать влияние на механизм принятия решений. Обращение к печати, как к голосу профессионального сообщества, как ни странно, оказывается во многом новаторским приемом для исследований в области истории российских вооруженных сил.

Следует отметить также кандидатскую диссертацию А. А. Чиркова[36]. В связи с тем, что в современной историографии все большее внимание уделяется «механике» функционирования российских представительных учреждений в 1906-1917 гг., он задался целью всесторонне изучить деятельность, сформированных в Государственной думе Комиссий по обороне. Разумеется, в диссертации затрагивается вопрос о взаимодействии народных представителей с военным ведомством на институциональном уровне, однако не менее важными оказываются контакты депутатов с выступавшими во многом как частные лица офицерами-военными экспертами. Депутаты и их «военные советники» неизбежно выходили за рамки технических вопросов, создавалась почва для формирования

[35] Пирогов Д. В. Вопросы подготовки русской армии к войне в военной периодике 1905–1917 гг. дисс. на соиск. учен. степ. к. ист. н. М., 2016.
[36] Чирков А. А. Думские комиссии по обороне: состав, задачи, результаты деятельности (1907–1917 гг.). дисс. на соиск. учен. степ. к. ист. н. М., 2016.

политической солидарности между депутатами-членами партий и офицерами Генерального штаба. Чирков не является первым, кто обратил внимание на эти контакты и их политическую сторону (выше упоминаются соответствующие работы историков), но его исследование проясняет некоторые спорные вопросы, во многом подводит итог предшествующей историографии.

Наконец, существует ряд фундаментальных работ об офицерстве русской армии в период Революции и Гражданской войны, но в них редко с достаточной степенью подробности описывается предыстория, рассматриваемых явлений[37].

Приходится констатировать, что и по сей день исследователи редко обращаются к проблеме политизации офицерского корпуса русской армии после 1905 г. В значительной степени ими недооценен такой источник, как военная периодика. Для находившихся на действительной службе офицеров, чьи гражданские права были серьезно ограничены, занятие публицистикой являлось одним из немногих легальных способов участия в публичных политических дискуссиях.

Создается впечатление, что недостаточно изучен вопрос о социальном составе офицерского корпуса российской армии конца XIX–начала XX вв. Многие историки продолжают утверждать, что офицерский корпус (по крайней мере, до Первой мировой войны) в основе своей был дворянским, тогда как уже в 1890-е годы потомственные дворяне составляли лишь половину от общего числа офицеров. Впоследствии их доля продолжала уменьшаться. К тому же, как заметил еще П. А. Зайончковский, офицер-дворянин начала XX века фактически очень мало отличался от разночинца. Ведь тогда у подавляющего большинства офицеров (за исключением гвардии и прежде всего гвардейской кавалерии) уже не было земельной собственности.

---

[37] Wildman. A. The end of the Russian imperial army. The Old Army and the Soldiers' Revolt (March–April 1917). Princeton, 1980.
Каминский В. В. Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии. СПб., 2011; Ганин А. В. «Мозг армии» в период «русской смуты»: Статьи и документы. М., 2013; Ганин А. В. Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны. Противостояние командных кадров. 1917–1922 гг. М., 2019.

Вероятно, применительно к офицерскому корпусу начала XX века следует говорить скорее о специфической профессиональной и корпоративной, нежели дворянской идентичности.

В свою очередь, о том, что офицерский корпус российской армии представлял из себя в политическом (и культурном) отношении известно лишь в общих чертах. Затрагивающие данную проблематику исследования очень часто имеют серьезные методологические недостатки. К тому же их немного.

Российские военные историки традиционно занимаются изучением боевых операций, стратегии, тактики, вооружения, планирования и т. п.[38]. Социально-политическая и культурная проблематика истории вооруженных сил ускользает из их поля зрения.

Источники исследования. Первую группу источников составляют материалы военной периодической печати.

Итогом государственных преобразований 1905–1906 гг. стала легализация публичной политики. Различные социальные и профессиональные группы получили возможность открыто отстаивать свои интересы. Вопреки распространенному мнению, военные не составляли здесь исключения. После издания «временных правил» о печати от 24-го ноября 1905 г. в России начался настоящий газетный бум. Резко возросло и количество военных изданий. Освобожденная от жесткого контроля администрации военная печать превратилась в площадку для свободного обмена мнений, став частью автономной публичной сферы, как ее понимал Ю. Хабермас[39]. Публичное, в противоположность частному, связано с интересами общества как целого. Под обществом (публикой) понималась совокупность частных индивидов, сплачиваемую сферой массовой коммуникации, иными словами, публика –

[38] Например: Павлов Д.Б. Русско-Японская война 1904–1905 гг.: Секретные операции на суше и на море. М. – СПб., 2016; Карский А. А. 52-й драгунский Нежинский полк. Русско-японская война. СПб., 2021; Изединов А. А. На сопках Маньчжурии: в лабиринте странных решений. М., 2018; Генерал Куропаткин — государственный и военный деятель Российской империи. К 170-летию со дня рождения. Коллективная монография / под ред. В.П. Сальникова. СПб., 2018; Мультатули, П. В. Залесский, К. А. Русско-японская война 1904–1905 гг. М., 2015; Половинкин В. Н., Фомичев А. Б. Поход в бессмертие: анализ опыта Русско-японской войны. СПб., 2013.

[39] Habermas J. The structural transformation of the public sphere: an inquiry into a category of bourgeois society. Cambridge, 1989.

«общность тех, кто читает, пишет и интерпретирует»[40]. Таким образом, член публики – тот, кто участвует в общественной дискуссии, процессе формирования общественного мнения. На страницах военных изданий (даже в официальном «Русском инвалиде») не существовало служебной иерархии. Обер-офицер мог открыто спорить с генералом. Полемика в военных изданиях велась на общих основаниях: она подразумевала равенство участников, различия между ними определялись лишь убедительностью аргументов[41].

Основную часть «пишущей публики» составляла образованная элита – выпускники высших военно-учебных заведений: Николаевской академии Генерального штаба, Александровской военно-юридической академии, Николаевской инженерной академии и Михайловской артиллерийской академии. Военная печать являлась голосом профессионального сообщества. Через обращение к периодике можно изучить политические предпочтения офицерской корпорации (во всяком случае, ее «пишущей» части). Офицеры были серьезно ограничены в гражданских правах, но их публикационная активность никак не регулировалась юридически, (кроме запрета на участие в «противоправительственной агитации»). При этом армия принадлежала к числу т.н. «тотальных институтов», стремившихся контролировать и регламентировать все сферы деятельности военнослужащих[42]. Не являлась исключением и частная, семейная жизнь. К примеру, известно, что младшие офицеры могли заключать брак только с разрешения командира[43]. Имели место и попытки установить жесткий контроль над выступлениями военнослужащих в печати. В 1907 г. Совет государственной обороны рассматривал проект «правил о порядке надзора за литературной деятельностью военнослужащих»[44]. При Главном штабе предлагалось

[40]Турбина Е. Публика: краткий очерк понятия // Публичная сфера: теория, методология, кейс стади. Коллективная монография под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. М., 2013. С. 25–34. С. 26.
[41] Шартье Р. Культурные истоки Французской революции. М., 2001. С. 31.
[42] Гофман Э. Тотальные институты. М., 2019. С. 31–157.
[43] Bushnell J. The Tsarist Officer Corps, 1881–1914: Customs, Duties, Inefficiency // The American Historical Review, Oct., 1981, Vol. 86, No. 4. pp. 758.
[44] Переписка с канцелярией военного министерства, Главным военно-медицинским управлением, Главным штабом и Главным интендантским управлением об аттестациях и наградах офицеров и чиновников, о порядке надзора за литературной деятельностью военнослужащих… // РГВИА. Ф. 830. Оп. 1. Д. 126. Л. 41.

учредить специальную комиссию для рассмотрения литературных произведений военнослужащих, нарушающих военную дисциплину, нормы «военной этики» и наносящих ущерб «требованиям и интересам военного ведомства»[45]. Комиссию предполагалось наделить правом вынесения дисциплинарных взысканий – вплоть до увольнения провинившихся со службы[46]. Проект не был реализован, вероятно, ввиду потенциального недовольства наиболее образованной, «пишущей» части офицерства такой мелочной опекой со стороны начальства. Однако во избежание неприятностей по службе офицеры нередко предпочитали публиковаться анонимно или используя псевдонимы. Для них публицистика была практически единственным способом законного участия в общественно-политической жизни. Для военных закон делал недоступными те формы самоорганизации, которые в начале XX века активно осваивали представители интеллигентных гражданских профессий. Университетские профессора, земские служащие, врачи и учителя собирались на профессиональные съезды, создавали общества, ассоциации и союзы[47]. В то же время единственной площадкой, на которой опосредованно мог «звучать» голос военного сообщества, являлась печать.

В фокусе исследования находятся наиболее политизированные военные издания – официальные (газета «Русский инвалид»), официозные (получавшие казенное финансирование) и «независимые». До революции 1905–1907 гг. военная печать была представлена прежде всего официальными изданиями военного ведомства – газетой «Русский инвалид» и журналом «Военный сборник». «Русский инвалид» являлся не только старейшей (первый номер вышел в 1813 г.), но также наиболее известной и читаемой военной газетой России. В начале XX века ее номера регулярно рассылались по библиотекам офицерских собраний, войсковым штабам и военно-учебным заведениям.

[45] Там же.
[46] Там же.
[47] Туманова А. С. Общественные организации в России. Правовое положение. 1860–1930-е гг. М., 2019. С. 146–150.

Практиковались «групповые читки» в штабах частей, собраниях офицеров, среди нижних чинов и т.д. Учащиеся военно-учебных заведений, а в некоторых случаях и действующие офицеры, должны были реферировать статьи военных изданий, в том числе и «Инвалида»[48]. Содержание официального отдела газеты, в котором размещались приказы по военному ведомству, так или иначе доводилось до сведения офицеров и нижних чинов усилиями командования разных уровней. Первым «независимым» военным изданием России принято считать журнал «Разведчик», появившийся в 1889 г. «Разведчик» не получал прямого казенного финансирования (хотя и зависел от рекомендаций Главного штаба к распространению в войсках) и не ассоциировала себя ни с одной из официальных структур (будь то министерство или штаб округа). Его бессменным издателем и редактором был отставной капитан В. А. Березовский. Поначалу военное ведомство прохладно относилось к начинанию Березовского – издание спасло то, что оно старалось держаться в стороне от политики. «Разведчик» воспринимался скорее в качестве полу-развлекательного иллюстрированного журнала. С ликвидацией в 1905 г. предварительной цензуры и фактическим установлением явочного порядка учреждения периодических изданий в стране начался газетный бум, затронувший и военную печать. Острая полемика по мотивам Русско-японской войны оживила в том числе страницы официального «Русского инвалида». В 1906–1907 гг. в стране стали массово появляться новые военные издания. А. И. Деникин даже назвал это явление «военным ренессансом»[49]. Большинство из них стремилось заручиться финансовой поддержкой властей и продемонстрировать свою полезность для военного ведомства. Однако некоторые (прежде всего, газета «Военный голос») не боялись вступать в открытую конфронтацию с правительством и Военным министерством. Русско-японская война наглядно продемонстрировала недостатки русской

[48] Белогуров С. Б. История военной периодической печати в России, XIX–начало XX вв. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. д. ист. н. М., 1997. С. 38–43.
[49] Деникин А. И. Путь русского офицера. М., 2012. С. 199.

армии и ее офицерского корпуса. Нарастающая тенденция к повышению профессионализма, углублению специальной подготовки и применению научных знаний в военном деле и военном управлении вступала в конфликт с доставшимися от XIX века традициями, аристократическим духом, а в конечном итоге – с консервировавшим архаичные формы политическим строем империи. Охватившее общество стремление к политическому участию, свободе публичных дискуссий, созданию институтов представительства и контроля за бюрократической вертикалью во многом затронуло и военную среду. Офицерство нуждалось в публичном осмыслении итогов войны. Конфликты между поколениями (главная ответственность за военные неудачи лежала на старшем генералитете), между консервативным аристократическим гвардейским офицерством и более профессиональными, усваивавшими рациональные технократические подходы офицерами Генерального штаба теперь могли выплеснуться на страницы приобретшей в 1905 г. относительную свободу печати. Получили свое отражение и претензии армейского строевого офицерства, делившего тяготы войны с нижними чинами и недовольного привилегиями обеих названных выше групп.

Вторую группу составляет ведомственная документация из архивохранилищ Москвы и Санкт-Петербурга. В делах различных фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) содержатся данные о программе и финансировании периодических изданий, документы, отражающие политику военного ведомства в области печати, свидетельства политической активности офицерства и генералитета, информация о конфликтах внутри военной корпорации и т.д. В рамках данного исследования задействованы ф. 1 и ф. 29 (Канцелярия Военного министерства), ф. 400 (Главный штаб), ф. 2000 (Главное управление Генерального штаба), ф. 830 (Совет Государственной обороны); ф. 868 (Комитет по образованию войск при Военном совете), ф. 962 (Верховная комиссия для всестороннего расследования обстоятельств послуживших причиной несвоевременного и недостаточного пополнения военного

снабжения армии), ф. 970 (Военно-походная канцелярия Его Императорского Величества). Делопроизводственная документация из фондов РГВИА позволяет изучить выработанные военным ведомством принципы политики в отношении печати, а также проанализировать стратегии взаимодействия с властями, выстраиваемые частными издателями.

Кроме того, в диссертации задействованы источники личного происхождения – дневники и мемуары военных деятелей изучаемой эпохи. Помимо известных воспоминаний фигур первого ряда (военных министров А. Ф. Редигера, В. А. Сухомлинова, А. А. Поливанова и др.) в работе используется обнаруженные в ходе архивных изысканий мемуарные свидетельства, ранее не вводившиеся в научный оборот.

Методология исследования. Предлагаемая работа находится в русле исследований публичной сферы и публичной политики. Периодическая печать является важнейшим институтом публичной сферы (пространства публичной коммуникации, создающего ткань общества). Изначально публичная полемика развивалась в неполитических формах – строилась вокруг литературных, научных и профессиональных вопросов. Механизмы рациональной критики, выработанные в ходе публичного обсуждения литературных произведений, неразрывно связанного с распространением печатного слова, постепенно переносились на сферу политики. Эта схема применима и к российской военной печати. Революция 1905–1907 гг. открыла для военного сообщества (пускай и ограниченную) возможность обсуждения политических вопросов на единственной доступной ему публичной площадке – на страницах печати.

Некоторые разделы настоящего исследования можно отнести к истории идей. В них прослеживается генеалогия и эволюция пользовавшихся популярностью у офицеров и развиваемых ими политических концепций и понятий. В этой связи предпринимается попытка выделить оказавшие на них влияние интеллектуальные направления и проследить их европейские корни.

В диссертации использовался основополагающий для любого исторического исследования метод критики исторических источников. Под которым подразумевается перекрестное сопоставление свидетельств, установление исторического контекста создания различных источников и заложенных в них нарративов, выявление прагматических интенций их авторов, анализ формуляра однотипных документов.

Кроме того, в работе применялся просопографический метод написания «коллективной биографии». В ряде случаев была предпринята попытка создать коллективный портрет некоторых групп военных. Этот подход позволил обнаружить корреляцию между близостью политических взглядов и служебным опытом, материальным положением, образованием. Члены групп, придерживавшихся определенной политической платформы, нередко имели схожие карьерные траектории и социальные характеристики, были объединены совместной деятельностью и имели общий опыт переживания исторических событий.

Научная новизна исследования. Большинство сюжетов, затронутых в ходе работы над диссертацией, впервые становятся предметом специального исследования. Обращение к военной печати как к основной площадке для публичных дискуссий военного сообщества позволило осветить круг политических проблем, волновавших различные группы офицерства, а также вписать их требования и предложения в общий политический контекст России начала XX в. Представляется, что результаты, полученные в рамках данного исследования, могут стать существенным вкладом в разработку проблематики политизации русского офицерства в условиях становления политической системы думской монархии. Важнейшим фактором политизации офицерства стало поражение России в войне с Японией. В период между двумя войнами в России шли сложные внутренние процессы. Ослабление обороноспособности страны и падение престижа вооруженных сил совпали с внутренними потрясениями и перестройкой политической системы. В этих условиях профессиональные военные стремились к скорейшему восстановлению

оборонительного потенциала и модернизации вооруженных сил. Для достижения этой цели многие из них пытались использовать возможности, предоставленные обновлением государственного строя.

Привлечение широкого круга источников позволило показать, что на месте прямолинейного, выравниваемого по единому образцу, цементируемого воинской дисциплиной консерватизма, о котором пишут многие историки, на деле существовало многообразие политических взглядов и настроений, характерное для общества в целом. Иерархичность и строгая армейская субординация как будто подразумевали, что офицеры не могут открыто не соглашаться с начальством и рассуждать о вопросах, не имеющих отношения к их служебным обязанностям. Однако в действительности военная среда демонстрировала активный интерес к политической жизни, изобретала различные тактики политического участия, позволявшие обойти формальные запреты. Младшие по званию не боялись публично рассуждать о предметах, по уставу находившихся в компетенции старших и самой верховной власти. Некоторые офицеры обнаруживали склонность к политическому теоретизированию, предлагая свои проекты переустройства общества. Другие настолько тонко разбирались в политической конъюнктуре, что искусно использовали ее в служебных интригах. Военная среда презирала «сервильность» и доносительство, трепетно относилась к своему достоинству, а потому во многом не принимала попытки навязать мелочный контроль за политической благонадежностью, время от времени предпринимавшиеся властями. Большинство военных считало оскорбительными сомнения в их патриотизме. Однако этот патриотизм далеко не всегда выражался в аполитичности, верноподданном почитании воли верховного вождя армии и примитивном послушании начальству. Крайне правое офицерство, стремящееся показать свою абсолютную лояльность существующему строю, в действительности проявляло не меньшую политическую активность, чем либерально настроенная его часть, так же выходя за формальные рамки дозволенного уставом и законами. В то время как либеральная часть

склонялась к парламентаризму, правые выдвигали собственные разнообразные предложения по исправлению государственного строя и решению политических проблем. При этом в условиях крайней ограниченности легальных форм занятия политической деятельностью не могло сложиться развитых, устоявшихся форм политического участия. Однако возраставший интерес к политическим проблемам и осознание их значимости для судьбы вооруженных сил подталкивали военную среду к поиску инструментов влияния на процесс принятия решений и способов публичного высказывания.

Положения, выносимые на защиту:

1. Военная среда не была изолирована от общества, господствующих в нем тенденций и раскалывающих его конфликтов. Политизацию военных следует рассматривать в контексте общего повышения уровня политической активности и политической сознательности всех слоев общества, характерного для XX в. Офицерская служба не подразумевала тотальной замкнутости в своей профессиональной сфере и равнения политических взглядов по единому, угодному властям образцу. Офицерский корпус не был однороден в плане своих политических пристрастий, представляя собой в этом смысле отражение общества, частью которого он являлся. Попытки властей сдержать политизацию общества потерпели неудачу, то же во многом относилось и к военной среде.
2. Получившая бóльшую по сравнению с предшествующим периодом свободу военная печать, являлась своего рода голосом военной среды. Военная периодика служит основным источником сведений о вопросах, интересовавших офицерство, а также царивших в его среде политических настроениях. Анализ публикаций военной печати и разворачивавшихся на ее страницах дискуссий показал живой интерес офицерства к политическим событиям и политическим проблемам, объединяющий его с другими образованными группами населения.

3. Важным фактором политизации части военных являлась обнаружившаяся в ходе Русско-японской войны неспособность царского правительства поддерживать военное могущество России. Прежде всего это касалось интеллектуальной элиты русской армии – офицеров Генерального штаба. Сознание угрожающего международного положения страны в условиях кризиса ее вооруженных сил привело многих из них в сферу публичной политики. Уже само профессиональное видение нужд и интересов армии сталкивало их с архаичным режимом, казавшимся препятствием на пути успешной модернизации вооруженных сил.
4. В период между двумя войнами офицерство вместе с обществом осваивало ранее недоступные приемы политической борьбы и способы заявлять о своих требованиях. В России шли сложные внутренние процессы. Неэффективность военной машины государства и падение престижа воинской службы совпали с внутренними потрясениями и перестройкой политической системы. «Обновление» государственного строя существенно расширило возможности репрезентации интересов различных групп населения в публичном пространстве. Военные не оставались в стороне от этого процесса. Некоторые из них открыто становились в оппозицию к правительству, декларируя в печати «радикальные» требования об установлении ответственности военного министра перед народным представительством, другие стремились к неформальному участию в работе Государственной думы, доверительному сотрудничеству с депутатами и политическими партиями, пытаясь сделать их своими союзниками в борьбе против тормозившего модернизацию армии влияния придворных сфер.
5. Если одни группы офицерства вовлекались в политические конфликты, пытаясь добиться реформ и изменить порядок принятия решений, то политическая мобилизация других происходила по линии борьбы с революцией. В их понимании неудача России в войне с Японией была

не закономерным итогом изъянов военной подготовки и стратегического планирования, а случайностью, следствием неудачного выбора начальников. Революция для них также не вытекала из предшествующего развития страны, а явилась плодом деятельности враждебных России сил – таинственных чужеродных заговорщиков, сумевших идейно подчинить себе русскую интеллигенцию и с ее помощью взволновать народ. Подобные представления были распространены среди гвардейского офицерства. Кроме того, многие военные в разных уголках страны также выступали с инициативами по борьбе с «внутренним врагом».

Практическая значимость исследования – материалы и выводы диссертации могут быть полезны при подготовке учебных курсов по политической истории России конца XIX–начала XX в., истории русской армии, ее офицерского корпуса, истории российского парламентаризма, периодической печати и военного образования. Наблюдения, содержащиеся в диссертации, и ее основные выводы могут быть использованы при чтении лекций и проведении семинарских занятий по российской истории, а также послужить материалом для составления учебных пособий по этому предмету.

Апробация результатов исследования. Результаты диссертационного исследования были представлены на нескольких международных конференциях и коллоквиумах «Таврические чтения: Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность» (Санкт-Петербург, 2016); «IX Международная военно-историческая конференция» (Санкт-Петербург, 2016); «X Международная военно-историческая конференция» (Санкт-Петербург, 2017); «XI Международная военно-историческая конференция» (Санкт-Петербург, 2018); «Коллоквиум стипендиатов Германского исторического института в Москве» (Москва, 2018); «XII Международная военно-историческая конференция» (Санкт-Петербург, 2019)».

Структура диссертации определяется обозначенными исследовательскими задачами. Работа состоит из введения, трех глав и заключения.

Глава 1. Газета «Военный голос» и ее сотрудники.

В начале XX в. шедшее по пути углубления профессионализации российское военное сообщество нуждалось в регулярном обмене экспертными мнениями и возможности оказывать влияние на механизмы принятия решений. Печать являлась для него средством транслирования различных взглядов и идей в публичном пространстве.

До 1905 года российская военная периодика была представлена почти исключительно официальными и официозными изданиями. Интересы центральной и местной военной администрации являлись решающим фактором при формировании редакционной политики. В реалиях первой половины 1900-х годов у органов военной печати не существовало возможностей для систематического отстаивания независимой позиции. Многое изменилось в результате расширения политических свобод, произошедшего в ходе революции 1905–1907 гг. Характерный для того периода рост общественной активности в определенной степени затронул и военную среду, традиционно считающуюся инертной и консервативной.

§1. Предпосылки появления «Военного голоса».

В военной среде шел процесс осмысления печального для России опыта войны с Японией. Активная фаза конфликта закончилась задолго до заключения мира. По сути, финальным актом драмы стала гибель лучших сил российского флота в Цусимском проливе в середине мая 1905 г. Возможность подвести итог действиям сухопутных войск представилась еще раньше – проигрыш Мукденского сражения не оставлял надежд на то, что русской армии удастся разгромить противника. Предположения «о причинах наших неудач на Дальнем Востоке» уже с весны стали появляться в «Русском инвалиде». Однако специфическое положение ведомственного издания не позволяло «Русскому инвалиду» стать приемлемой для всех площадкой

обсуждения волновавших армию вопросов. До заключения мира «аналитики» официальной газеты, объясняя и оправдывая «временные» трудности, непременно находили причины для оптимизма и веры в конечный успех. Шаблонное воспевание «знаменитой» храбрости русского солдата подменяло на страницах официоза обстоятельную критику действий военачальников и подготовки армии к войне.

Так, например, по мнению В. Недзевецкого, поражения русской армии обусловлены численным превосходством, а главное – сильнейшим патриотическим воодушевлением японцев, которое, впрочем, наверняка сойдет на нет по мере продолжения кровопролитных столкновений: «Боевой успех всегда выдвигает на первый план положительные стороны данной армии и на них сосредотачивается преимущественное внимание наблюдателей. Так было во все войны, то же замечается и в нынешнюю войну. В блеске японских удач, нередко преувеличенных, раздутых ложным патриотизмом, ярким пламенем горит моральный элемент. Пока он почти сплошь лучезарен, но останется ли он таким, когда успех перейдет на нашу сторону, когда поражения обрушатся всей своей тяжестью на японские войска? <…> Под Ляояном армия Куроки почти потеряла в последние дни боеспособность; по-видимому, та же причина заставила прекратить атаки на Шахэ, не достигнув цели; под Артуром победа была одержана лишь благодаря постоянно прибывавшим свежим войскам. Будущие бои, без сомнения, предъявят еще большие требования, и смогут ли японские войска ответить им – остается открытым вопросом»[50].

Помещенная в следующем номере «Инвалида» заметка прославленного генерала, участника обороны Севастополя, М. И. Батьянова и вовсе по стилистике напоминала напутственное слово полководца перед боем: «Нас постиг ряд неудач на суше и на море. Не проявилось до сих пор талантов ни там, ни здесь, но зато весь свет убедился, что и за десять тысяч верст от родной

[50] Русский инвалид. 1905. 15 февраля.

земли наши войска умеют умирать героями. На сухом пути, можно сказать, мы, как бы, только начинаем войну, и простой подсчет нам покажет, что мы обладаем, по сравнению с Японией, большими средствами для продолжения войны. <…> Россия не желала войны и теперь не желает, а потому дело Японии просить мира, и да знает она мощь России, живущей заветами Петра Великого (лить пушки из колоколов) и Александра Благословенного (не вложим оружия, доколе враг останется непобежденным). К царю сомкнись же, наша матушка Россия! Перенеси с твердостью и эту ниспосланную свыше тяжкую годину! А наша славная армия и флот да живут одною мыслью – отомстить врагу за испытанные нами неудачи на суше и на море, и за Порт-Артур»[51].

Пожалуй, из всех публикаций «Русского инвалида» наиболее ясная и авторитетная (хотя и достаточно прямолинейная) точка зрения на причины поражений русской армии была выражена в статьях полковника Генерального штаба М. Д. Бонч-Бруевича. С позиций знатока тактики Бонч-Бруевич уверял, что неудачи российских войск на театре войны с Японией объясняются элементарными ошибками командования, (по незнанию или неумению) игнорировавшего азы военного искусства, известные всякому образованному офицеру. Бонч-Бруевич писал в первой части серии заметок под заглавием «Итоги войны»: «мы начали войну и провели минувший ее период среди многих явных нарушений теории военного дела. <…> Если бы пришлось нарушать теорию в зависимости от обстановки вообще или по той причине, что противник не допустил действовать так, как бы следовало, то в таком стечении обстоятельств представлялось бы возможным посылать укоры суровой судьбе или сожалеть о недостатке искусства у наших полководцев, но если теория нарушается только потому, что иные ее забыли, а другие

[51] Там же. 16 февраля. Тот же Батьянов в печати возлагал большие надежды на поход 2-ой тихоокеанской эскадры Рожественского, благодаря предполагаемому успеху которой японская армия в Манчжурии «не будет в состоянии обеспечить себя всем необходимым». С целью же объяснить и частично оправдать катастрофу, постигшую 2-ую тихоокеанскую эскадру, «Русский инвалид» упорно настаивал на том, что японцами в бою были задействованы подводные лодки – оружие будущего по тем временам. Появлявшиеся в прессе нейтральных стран опровержения, подкреплявшиеся ссылками на японские официальные круги, «Инвалид» призывал считать «не заслуживающими доверия». См.: Русский инвалид 1905. 28 мая; 2 июня.

привыкли с нею не считаться или просто вышучивать ее то согласитесь, что это неладно»[52]. «И на театре военных действий, и на полях сражений со стороны русской армии были допущены многие явные нарушения теории военного дела. Это ничем не оправданное нарушение теории является важным недочетом в нашей армии. <…> Теория военного дела проводится в армии офицерами, получающими военно-научную подготовку и посредством уставов. Всякий устав, всякая теория имеют в виду, что победа достижима только в том случае, если войска будут действовать в их духе, допуская, разумеется, отклонения, вызываемые обстановкой; сверх этого, для победы необходима еще и наличность таланта у военачальника, применяющего устав и теорию»[53] – доводил он свои рассуждения до логического конца во второй части «Итогов».

Об этом авторе еще придется говорить ниже, пока же необходимо отметить, что мысли, выраженные в «Итогах войны» Бонч-Бруевича, не могли не встретить сочувствия в военной среде. Версия об исполнительской ошибке как основной причине поражения разделялась очень многими. Главнокомандующий А. И. Куропаткин был полностью дискредитирован в глазах офицерства, немногим выше был и авторитет его приемника – Н. П. Линевича. Статьями Бонч-Бруевича обозначался предел критики, допустимой на страницах официоза. Правительство не могло пойти дальше обвинения и без того порицаемых всеми военачальников и признания некоторых недочетов в подготовке войск, которые непременно будут исправлены в самое ближайшее время усилиями военных властей.

Но подобная интерпретация событий прошедшей войны, конечно, устраивала не всех. Следует отметить, что гибель флота и обнаружившаяся общая несостоятельность империи перед лицом противника, «лишь недавно вставшего на путь цивилизованных народов», вызвали повышенный интерес к

[52] Там же. 17 апреля.
[53] Там же. 22 мая.

состоянию вооруженных сил со стороны гражданской, «общей» прессы[54]. Однако уровень дискуссии на страницах этих изданий не устраивал военных, традиционно по меньшей мере с недоверием относящихся к попыткам штатских выступать в качестве экспертов по военным вопросам[55].

Таким образом, после заключения Портсмутского мира часть офицерства испытывала потребность в свободном публичном обсуждении итогов минувшей войны, которая не могла быть удовлетворена на страницах существовавших органов военной печати, в той или иной мере зависевших от военной администрации. В. А. Березовский, редактор-издатель единственного к тому моменту частного и коммерчески успешного органа военной печати – журнала «Разведчик», в свое время потратил слишком много усилий на то, чтобы убедить недоверчивую администрацию в полезности и благонадежности своего издания. Он был не готов поставить под удар свое успешное предприятие, выказывая излишнюю независимость суждений и тем самым рискуя потерять с трудом завоеванную благосклонность министерства[56]. Не могла соответствовать предъявляемым требованиям и гражданская печать, хотя и более независимая, но для профессиональных военных имевшая слишком мало авторитета в том, что касалось вооруженных сил.

---

[54] По военным вопросам в то время высказывались издания всех направлений: от представлявших наиболее левое крыло легальной печати «Двадцатого века» и «Нашей жизни» до консервативных «Слова» и «Нового времени». В особенности на страницах консервативных изданий экспертами иногда вступали отставные или даже находящиеся на действительной службе военные, но, обращаясь к широкому читателю, они зачастую допускали «легкость» в суждениях, казавшуюся недопустимой профессионалам.

[55] Критика и разоблачения «невежеств» подобных авторов стали популярным жанром на страницах военных изданий. См., например,: Подполковник Заусницкий. Нечто о современных обличителях // Русский инвалид. 1905. 4 июня., левое крыло легальной печати «Двадцатого века» и «Нашей жизни» до консервативных «Слова» и «Нового времени». В особенности на страницах консервативных изданий экспертами иногда вступали отставные или даже находящиеся на действительной службе военные, но, обращаясь к широкому читателю, они зачастую допускали «легкость» в суждениях, казавшуюся недопустимой профессионалам.

[55] Критика и разоблачения «невежеств» подобных авторов стали популярным жанром на страницах военных изданий. См.: Подполковник Заусницкий. Нечто о современных обличителях // Русский инвалид. 1905. 4 июня.

[56] Издательство Березовского выпускало массу справочных и образовательных брошюр, предназначавшихся для офицеров, учащихся военно-учебных заведений и нижних чинов, получавших санкцию на распространение в войсках (и мощнейшую бесплатную рекламу) в виде циркуляров главного штаба, рекомендовавших их к прочтению. Подробней см.: Делопроизводство по изданию каталога книг, одобренных к чтению в войсках // РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 5283.

В этих условиях, в конце 1905 года, с возращением с театра войны на Дальнем Востоке участников боевых действий, в установившейся атмосфере политической неопределенности и ожиданий основополагающих реформ, в Петербурге группой офицеров была основана первая в России «частная, независимая военно-общественная газета “Военный голос”». При всех прочих предпосылках появление этого полностью легального органа было бы все равно невозможно без изменений в законодательстве о печати, внесенных императорским указом от 24-го ноября 1905 г. «Временными правилами» 24-го ноября окончательно упразднялась предварительная цензура, а главное – запрещалось внесудебное преследование периодической печати, что положило начало настоящему газетному буму. К хору различных «голосов» прибавился и «Военный голос».

Газета начала выходить с 1-го января 1906 г. В редакционной статье, помещенной в первом номере «Военного голоса», была отчетливо отражена «программа» издания: «Чтобы голос армии и флота был услышан, основывается наша газета. Не останавливаясь на частностях, редакция “Военного голоса” теперь же считает нужным заявить, что она будет стремиться к согласованию предстоящих военных реформ с возвещенными Высочайшим Манифестом 17-го октября 1905 года “незыблемыми” принципами нового государственного устройства России», поскольку «Было бы пагубным заблуждением думать, что это великое ответственное дело (реформирование вооруженных сил – А. Ф.) может быть совершено теми же приемами, теми же путями и средствами, которыми оно вершилось до сих пор и которые привели наши военные силы к Мукдену и Цусиме с одной стороны, к Владивостоку, Кронштадту, Севастополю – с другой»[57].

Как видим, в первом же материале новой военной газеты была сделано значимое политическое заявление. По мнению редакции «Военного голоса», успешные реформы в армии были возможны только при условии перестроения

[57] Военный голос. 1906. 1 января. Далее в качестве ссылки на «Военный голос» в скобках будут указываться число и месяц.

всей государственной жизни России на «новых (следует понимать, конституционных – А. Ф.) началах». Давняя аксиома либерального движения, согласно которой никакие современные и «прогрессивные» явления государственной жизни невозможны при сохранении бесконтрольного произвола властей предержащих, была воспринята и частью военной среды.

Вполне ожидаемо «Военный голос» был категорически не согласен с попытками объяснить поражения русской армии исключительно (или в первую очередь) ошибками и полководческой бездарностью генерала Куропаткина[58]. В одном из первых номеров обозреватель «Военного голоса» вступил в заочный спор с (к тому времени уже покойным) видным российским военным теоретиком рубежа XIX–XX в. генералом М. И. Драгомировым. Поводом стала посмертная публикация в газете «Молва» письма Драгомирова, в котором действия Куропаткина подвергались уничижительной критике. Драгомиров полагал, что итоги войны могли быть совершенно иными в случае своевременного смещения незадачливого главнокомандующего, которое бы непременно произошло, «если бы наша печать во время злополучной Русско-японской войны не находилась под гнетом невежественной военной цензуры, не допускавшей самой скромной критики». «Военный голос» же решительно отметал версию о том, что замена Куропаткина могла привести к перелому в войне. Настаивая на положении о принципиальной невозможности преодолеть издержки порочной системы путем отдельных удачных кадровых решений, «Военный голос» видел дополнительное ее подтверждение в том, что Драгомиров строго-настрого запретил публиковать это письмо при своей жизни: «И если хорошенько вникнуть в ужасный смысл этих слов, сказанных человеком независимым и обладавшим известным гражданским мужеством,

[58] Сам Куропаткин также не хотел всецело брать вину на себя. В своих первоначально изданных по-английски «Записках о Русско-японской войне» Куропаткин с целью оправдаться потратил немало усилий на то, чтобы показать неготовность России к войне на Дальнем Востоке (на которую он прозорливо, но безуспешно указывал, будучи военным министром). С не меньшей энергией Куропаткин изобличал общие пороки российской военной организации и обвинял своих подчиненных. Однако в отличие от авторов «Военного голоса» опальный генерал-адъютант не смел поставить неудовлетворительную готовность русской армии к войне в зависимость от политических условий. Подробней см.: Steinberg John W. All the Tsar's Men. Russia's General Staff and the Fate of the Empire 1898–1914. Baltimore, 2010.

то последствия нашего старого режима станут понятными. И тогда может меньше нам придется сваливать на одного Куропаткина» (3-е января).

§2. Авторы и сотрудники редакции «Военного голоса».

Один из авторов «Военного голоса», подполковник Генерального штаба Д. П. Парский, в отдельном труде о причинах неготовности русской армии к войне и необходимых военных реформах подробно рассуждал о «системных факторах», обусловивших поражение. Парский, потерявший на войне двух братьев[59] и лично наблюдавший плачевную беспомощность командования тем не менее стремился к объективному и всеобъемлющему, научному объяснению проблемы. «Часто приходится слышать и читать, что многие винят в неудачном для нас исходе последней войны чуть ли не одного главнокомандующего. Это мне кажется несправедливым: я далеко не разделяю способа действий нашего высшего управления армиями, о чем не раз говорил в своих воспоминаниях. Быть может, даже главную из причин наших поражений надо отнести на его долю, но это еще далеко не исчерпывает всего: трудно допустить, чтобы один человек, хотя бы и в таком исключительно решающем положении, как главнокомандующий, мог бы являться единственным ответчиком за неудачную войну»[60] – писал Парский в предисловии к своей работе. «Причины неудач нашей несчастной войны нельзя исчерпывать какой-нибудь одной, – продолжал он, – их было много, как это всегда бывает в явлениях сложных, и они различны между собой по существу. Попытаюсь выяснить их в общих чертах. Я разделяю все причины наших неудач на три главные: *из них одна, и самая основная, заключается в существующем у нас общегосударственном режиме* (курсив мой – А. Ф.)»[61].

[59] Ганин А.В. Первый красный боевой генерал: Дмитрий Павлович Парский // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 16. М., 2014. С. 210.
[60] Парский Д. П. Причин наших неудач на войне с Японией. Необходимые реформы в армии. СПб., 1906. С. 7.
[61] Там же. С. 8.

Развивая мысль о несовершенстве политического («общегосударственного») режима, явившемся причиной несостоятельности России перед лицом внешней угрозы, Парский писал: «Было бы ошибочно думать, что проиграли войну только мы, военные, <…> гораздо справедливее отнести неудачу войны не только на долю одной армии, а всей России. Мы мерились на войне с противником числом и качеством войск, их духом, степенью подготовки, умением распоряжаться и оказались слабее, что было очевидно для каждого. Но, ведь, если бы пришлось сравнивать все остальные стороны нашей государственной жизни с тем же противником, то разве мы не пришли бы к подобному же заключению? Непременно, да оно собственно так и было, только обнаружилось не столь рельефно»[62].

Далее, говоря о взвешенной, последовательной и согласованной политике японского правительства, указывая на осознание целей и значения войны, а также патриотический подъем, продемонстрированные японской нацией, автор задается вопросом: «Что же мы видим у нас?». Ответы оказывается неутешительными: «Вместо целесообразной политики, определенной постановки цели и неуклонного преследования задач – случайные бросания, личные влияния и партийный авантюризм. <…> Война не вызвалась государственной необходимостью, это была авантюра, или в лучшем случае партийное увлечение. <…> Народ наш, по исконной привычке делать что велят, не рассуждая, покорно стал на защиту чужих интересов и с удивительной преданностью послал своих детей умирать в далекую Манчжурию за ошибки и недобросовестность правящих. <…> Если ко всему этому мы прибавим обычную небрежность, беззаботность и формализм наших правящих сфер, позорную недобросовестность многих деятелей, присущий нашим “ведомствам” разлад и преследование личных интересов, да на все это набросим общий покров произвола и безнаказанности, то нам будет понятно,

[62] Там же. С. 9.

какие именно данные могли мы противопоставить нашему врагу в общегосударственном отношении»[63].

Главный недостаток существовавшего в России режима Парский видел в том, что он «далеко не служил отражением сил общества и народа: высшими государственными деятелями становились далеко не лучшие люди, служили они преимущественно бесполезно, часто вредно или недобросовестно и только изредка являлись двигателями на пути к благу России и то в каком-либо частном отношении»[64]. Искусственно сдерживающий, умаляющий «силы народа» государственный строй, по мнению Парского, не мог не оказать пагубного влияния на исход войны: «Наш государственный режим – режим бюрократии, господства и привилегий высших классов и небрежения интересами низших – не мог не сказаться во всей свой полноте в таком сложном явлении, как война»[65].

В такой парадигме мысли вполне естественным выглядит сравнение Русско-японской и Крымской войн, к которому в самом деле и обращается Парский: «чем, в самом деле, последняя кампания лучше печальной памяти Крымской? <…> Далеко ли в общем ушли мы за эти 50 лет? И что же, как не общий режим, является тормозом к лучшему?»[66]. Таким образом, по мнению Парского, «для всестороннего преобразования нашей армии необходимы меры не только специально военные, но и общегосударственного значения; без этих последних, все лучшие стремления военного ведомства будут парализованы, а предпринимаемые им реформы – недостаточно полными и глубокими»[67].

Парский вполне в духе либеральной публицистики считал, что «устаревший», по его выражению, государственный строй России был раз и

---

[63] Там же. С. 9–10.
[64] Там же. С. 12.
[65] Там же. С. 11.
[66] Там же. С. 13. Здесь сказался и интерес Парского к Крымской войне, во многом обусловленный историей семьи. Его отец и дядя участвовали в обороне Севастополя. Сам Парский написал книгу «Севастополь и памятники его обороны». Этот труд выдержал несколько переизданий и даже подлежал обязательному распространению в войсках Одесского военного округа // Ганин А.В. Первый красный боевой генерал: Дмитрий Павлович Парский… С. 210.
[67] Парский Д. П. Причин наших неудач на войне с Японией… С. 37.

навсегда изменен манифестом 17-го октября. Как же он понимал сущность «нового строя» и в чем видел его преимущества по сравнению со старым режимом? Изменения состояли в том, что «государь призвал к участию в управлении страной народных представителей. Явились Государственная Дума и Совет, высшие учреждения, если не вполне конституционного характера, то все же способные внести много нового в наш государственный строй»[68]. Главным следствием этого, по мнению Парского, должно было стать установление «надлежащего контроля над действиями правительственных органов и в ответственности последних перед выборными народными представителями, т. е. лучшими людьми. <…> Правление страной станет более плодотворным, будет служить выразителем воли народа, а контроль за действиями правящих – будет действительным»[69]. В этом Парский заблуждался, вероятно, вольно или невольно, выдавая желаемое за действительное. Ни манифест 17-го октября, ни последовавшая новая редакция основных государственных законов не обещали установления в стране парламентаризма («парламентского строя»), под которым в то время понималось закрепление ответственности исполнительной власти перед законодательной. Исполнительная власть всецело оставалась в руках коронной администрации, отвечавшей исключительно перед монархом. Однако, как известно, установление ответственности министров перед Думой являлось одним из основных требований (и лозунгов) либеральной оппозиции вплоть до самого конца империи.

Парский педантично перечисляет улучшения в различных сторонах жизни России, которые должны были последовать вслед за изменением государственного строя. Помимо подъема уровня образования и благосостояния народа, конституционные реформы (по мнению Парского, непременно подразумевавшие установление гражданского равноправия) должны были привести к расширению кадрового резерва «государственных

[68] Там же.
[69] Там же. С. 38.

людей» и общественных деятелей. Парский, бывший ярым противником «протекций и привилегий» в армии и считавший повсеместную посредственность исполнителей («бедность в людях») одним из главных пороков старого режима, придавал этому особое значение. К числу прочих позитивных изменений в жизни страны относились «раскрепощение личности», подразумевавшее увеличение творческих сил и инициативы, а также небывалый для России рост значения общественного мнения и общественного контроля. Все эти изменения в стране, по мысли Парского, должны были зеркально отразиться на армии, внеся улучшения практически во все сферы ее жизни: от качества высшего командного состава до материального довольствия офицеров и нижних чинов[70].

Как видим, в своих сочинениях кадровый, потомственный военный – подполковник Парский, предстает человеком широкого кругозора и либеральных взглядов. Единственное, в чем в воззрениях Парского при желании можно увидеть пресловутую армейскую косность – его отношение к еврейскому вопросу, а вернее, к его специфически военной стороне. Парский поддерживал идею установления полного гражданского равноправия всех народов России, не исключая и евреев, но к евреям на военной службе относился с предубеждением, как и многие другие в подобных случаях, уверяя в своей непредвзятости и ссылаясь на «факты» из личного опыта. «Как известно, у нас в войсках служат представители почти всех народностей России, но нарекания военных относятся почти исключительно к одним евреям»[71] – писал он в своем сочинении о реформах в армии. При всем своем либерализме Парский усматривал причину неготовности евреев к военной службе не во внешних условиях, а во «врожденных» свойствах еврейской народности: «я полагаю, что нелюбовь еврея к воинской повинности обусловливается не только его положением и военным режимом; при национальной его замкнутости это явление едва ли не врожденное, с чем

[70] Там же. С. 38–41.
[71] Там же. С. 53.

нельзя не считаться и в будущем»[72]. Парский считал целесообразной дискриминацию евреев на военной службе, выступая за сохранение запрета на получение евреями офицерского чина, ввиду нежелательности иметь офицеров-евреев: «я вполне убежден, что евреи будут стремиться получить права на офицерское звание. Трудно, конечно, сказать утвердительно, каковым явился бы у нас офицер-еврей, но, судя по заграничным примерам и зная свойства этой народности и отношения к ней прочих, надо предполагать, что этот тип будет нежелательным в нашей армии, по крайне мере, еще долгое время». «Говорю все это отнюдь не из предубеждения против еврейской народности, а потому, что приходилось наблюдать (евреев в армии – А. Ф.) самому»[73] – прибавлял Парский, стремясь в свое оправдание апеллировать к объективным, эмпирически установленным фактам. Впрочем, как известно, те или иные формы национализма вообще и антисемитизма в частности в то время нередко были присущи представителям либерального лагеря[74].

Подполковник Парский не являлся инициатором создания «Военного голоса», его нельзя отнести и к числу центральных фигур в редакции газеты. Куда более деятельным сотрудником издания являлся его сослуживец, полковник Генерального штаба В. Ф. Новицкий, впоследствии давший характеристику политических воззрений Парского и всего круга лиц, сотрудничавших в «Военном голосе» и сочувствовавших его направлению: Парский «стал в ряды нашего передового, либерального офицерства, выделившего из себя в то время сильную группу, создавшую военно-революционный орган “Военный голос”. Собственно говоря, Д. П. фактически не входил в состав какого-либо кружка или партии, оставаясь беспартийным, но по духу своих идей, своих надежд и стремлений он близко примыкал к создателям и руководителям ”Военного голоса”, считавшим, что армия и флот, являющиеся костью от кости и плотью от плоти русского народа, не могут

[72] Там же.
[73] Там же. С. 54.
[74] Например, видный деятель кадетской партии В. А. Маклаков признавался, что вынужден был скрывать свою неприязнь к евреям, которой стыдился. // Шульгин В. В. Тени, которые проходят. СПб., 2012. С. 162.

стоять вне того движения, которое охватило в то время Россию, и должны подвергнуться коренным реформам соответственно изменению политического и социального устройства страны»[75].

Конечно, при оценке свидетельства Новицкого, нельзя не принимать во внимание обстоятельства, при которых создавался этот текст. Цитата взята из некролога Парскому, написанного в 1922 г. и помещенного в журнале «Военная наука и революция». Новицкий почтил память своего давнего товарища, будучи профессором Военной академии РККА. В свою очередь, появление этого некролога в советской печати было возможно благодаря тому, что Парский также провел последние годы своей жизни на службе в Красной армии. В этом контексте становится ясно, что определение «военно-революционный орган», которое Новицкий дал «Военному голосу», является по меньшей мере натянутым и в большей степени характеризует время, в которое происходила работа над текстом, чем саму газету. Не пытаясь вывести критерии для определения «революционности» того или иного органа периодической печати, все же следует отметить, что им бы едва ли могло соответствовать издание, в котором активно сотрудничали офицеры, находившиеся на службе в Главном управлении Генерального штаба (ГУГШ), которое возглавлял близкий к великому князю Николя Николаевичу генерал Ф. Ф. Палицин. Во всяком случае, в номерах «Военного голоса» не содержалось того, что можно было бы счесть «революционной пропагандой». Довольно продолжительное время газета беспрепятственно и вполне легально распространялась в войсках.

Один из современных исследователей полагает, что «Военный голос» придерживался «либерально-кадетской ориентации»[76]. В пользу этой версии можно привести множество доводов, однако в действительности все было несколько сложнее. Если судить по обзорам печати, помещавшимся в каждом

---

[75] Новицкий В. Памяти Д. П. Парского // Военная наука и революция. Военно-научный журнал. 1922. Кн. I. С. 191.

[76] Голосенко И. А. Военная социология в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. №. 2. С. 153.

номере, то окажется, что редакция «Военного голоса» в большей степени симпатизировал левым «Нашей жизни» и «Двадцатому веку», чем «кадетской» прессе. Симпатия была взаимной. Перепечатки из «Военного голоса» с комментариями и без появлялись не только в упомянутых «Нашей жизни» и «Двадцатом веке», но и в эсеровском «Голосе» – газете уже действительно революционной[77].

Связи «Военного голоса» с левыми поможет прояснить представление остальных членов редакции. В то время как делопроизводитель ГУГШ, полковник Новицкий, был среди активных сотрудников газеты первым по чину и служебному положению, руководителем предприятия, «душой» всего дела, являлся «скромный» обер-офицер – отставной корнет В. К. Шнеур. Кавалерийский чин корнета соответствовал пехотному подпоручику («фендрику» на военном жаргоне), однако именно Шнеур являлся бессменным издателем и первым редактором газеты. Его имя также носило существовавшее при «Военном голосе» небольшое книгоиздательство. Биография Шнеура полна «темных страниц» и выдает в нем ловкого авантюриста. По некоторым данным, Шнеур (уже после закрытия «Военного голоса») сотрудничал с Охранным отделением, что не помешало ему уже в ноябре 1917 г. поступить на службу к большевикам. Так описывал жизненный путь Шнеура генерал-майор и член партии эсеров К. М. Оберучев: «Кроме партийных военных группировок, были попытки беспартийных офицерских объединений, схождения офицеров, революционно-настроенных, но считавших несвоевременным в интересах общей свободы разделяться на мелкие группы и фракции. И я помню, что в 1905 году в Петербурге создалось такое офицерское общество содействия революции, но стоявшее вне партийных группировок. Если не ошибаюсь, именно из недр этого общества вышли кадры работников газеты "Военный Голос", официальным редактором которой был корнет Шнеур, впоследствии, уже после ликвидации революции

[77] Полиция проводила обыски в редакции эсеровского органа. Газете удалось просуществовать в общей сложности немногим более двух месяцев.

(1905–1907 гг. – А. Ф.), завербованный в ряды агентов Департамента полиции и принятый, после октября месяца 1917 г., в лоно своё делателями октябрьской революции, для руководства войсками во время похода большевиков на ставку главнокомандующего и убийства и изнасилования (sic!) генерала Духонина»[78].

Оберучеву, по всей видимости, было неприятно, что к одобряемой им газете имела отношение столь одиозная личность, поэтому он стремился всячески преуменьшить роль Шнеура, назвав его лишь «официальным» редактором, а затем прибавив: «Фактическим редактором этой прогрессивной военной газеты, закрытой впоследствии в административном порядке, был коллектив офицеров, настроенных несомненно революционно»[79]. Нельзя не отметить, что в случае с Оберучевым также имеет место приписывание «Военному голосу» революционности. Однако представляется, что если на Новицкого оказал влияние раннесоветский дискурс, то Оберучев, давая характеристику «Военному голосу», находился под влиянием ожиданий партии эсеров, в 1905–1907 гг. потратившей немало усилий на агитацию в армии и возлагавшей серьезные надежды на независимую военную газету оппозиционной направленности. В этой связи еще раз следует отметить, что революционная агитация в войсках не являлась целью «Военного голоса».

После Октябрьской революции корнет Шнеур действительно оказался в числе первых кадровых офицеров, предложивших свои услуги новой власти. В ноябрьские дни 1917-го года Шнеуру довелось стать исполнителем важнейших поручений советского правительства. Его первая секретная миссия состояла в том, чтобы, перейдя линию фронта, передать немецкому командованию советское предложение о мире. Шнеур успешно справился с заданием, в ночь на 14-е ноября подписав соглашение о начале мирных переговоров в Бресте. Из первого поручения логически вытекало второе. Переговоры могли состояться лишь при условии полного контроля над командными структурами армии со стороны новой власти. Соответственно,

[78] Оберучев К. М. Офицеры в русской революции. Нью-Йорк, 1918. С. 36.
[79] Там же.

насущной необходимостью стала ликвидация могилевской Ставки, как вероятного очага сопротивления сепаратным переговорам. Хорошо зарекомендовавшему себя Шнеуру выпало руководить сосредоточением войск, предназначавшихся для занятия Ставки, в статусе начальника полевого штаба советского главкома Н. В. Крыленко. После успешного завершения операции по «овладению» Ставкой главком Крыленко, минуя три ступени, произвел Шнеура из корнетов в полковники. К званию добавилась почетная приставка «народный». Однако уже 24-го ноября «народный полковник» был арестован по подозрению в связях с Департаментом полиции. Поводом явилось напечатанное в оборонческой газете «Полночь» («День») датируемое 1910 г. письмо Шнеура на имя тогдашнего вице-директора Департамента полиции С. П. Белецкого с предложением своих услуг в качестве сотрудника Заграничной агентуры. Несмотря на отсутствие иных доказательств сотрудничества обвиняемого с Департаментом полиции и косвенное заступничество Крыленко, новая власть объявила его лицом, «лишенным общественного доверия». Шнеур был осужден революционным трибуналом[80]. В свою очередь, деятельное добровольное сотрудничество с советской властью и причастность к «расправе» над генералом Духониным сделали Шнеура крайне одиозной фигурой для противников большевиков. Дискредитированный со всех сторон бывший полковник оказался отвергнут и презираем ведущими политическими силами. Блестящее начало карьеры порученца новой власти, сулившее Шнеуру заметную роль в событиях разгоравшейся Гражданской войны, обернулось трехлетним заключением в «Крестах»[81].

Подробности сотрудничества Шнеура с департаментом полиции остаются неизвестными, однако именно этот эпизод из прошлого явился причиной стремительного падения «народного полковника».

[80] Шнеур Владимир Константинович // ГАРФ. Ф. Р–1005. Оп. 7. Д. 73. Л. 16–23.
[81] Там же. Л. 23–25.

Но каковы бы ни были действительные обстоятельства жизни Шнеура после революции, многое говорит о том, что в бытность свою издателем «Военного голоса» Шнеур, помимо респектабельных офицеров Генерального штаба, поддерживал контакты и с представителями революционного движения в армии. Например, близким знакомым Шнеура мог являться член партии эсеров корнет Покровский[82].

На посту редактора (но не издателя) «Военного голоса» Шнеура сменил также имевший связи с радикальным крылом «освободительного движения» военный юрист, зауряд-полковник в отставке, а с 1907 г. петербургский присяжный поверенный П. А. Коровиченко. В 1917 г. Коровиченко оказался в ряду верных соратников А. Ф. Керенского. О степени доверия Керенского к Коровиченко говорит то, что последний был назначен на ответственную должность коменданта Александровского дворца в Царском селе, где с марта по май 1917 г. содержалась под арестом царская семья. Керенский вспоминал: «После этого первого моего посещения царя я решил назначить нового коменданта Александровского дворца, человека, которому мог полностью доверять. <…> Было важно иметь во дворце надежного, умного и тактичного посредника. Я остановил свой выбор на полковнике Коровиченко, военном юристе, ветеране японской и европейской войн, которого я знал как мужественного и прямого человека. Я не ошибся, выбрав его: Коровиченко содержал узников в полной изоляции и при этом сумел внушить им чувство уважения к новой власти»[83].

Если Керенский остался доволен тем, как Коровиченко исполнял свои обязанности, то царь, его семья и лица из числа прежних приближенных, разделившие с ними арест, похоже, были не слишком высокого мнения о новом дворцовом коменданте: «после нашего обеда Коровиченко попросил зайти, чтобы проститься, и привел с собой своего преемника — коменданта

[82] Лазарев М. С. Ликвидация ставки старой армии как очага контрреволюции // Вопросы истории. 1968. № 3. С. 55.
[83] Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 231–232.

Ц.[арско]-С.[ельского] гарнизона полк. Кобылинского. Никто из нас не жалеет об его уходе, и, напротив, все рады назначению второго» – записал в дневнике император[84]. Воспоминания дочери лейб-медика Е. С. Боткина, Т. Е. Боткиной, помогают пролить свет на причины неприязни арестованных к Коровиченко: «Комендантом после Коцебу был назначен полк. Коровиченко, друг Керенского <…> Это был очень образованный и неглупый, но чрезвычайно нетактичный и грубый человек. Он позволял себе, получив и прочитав письма, носить их в кармане и не выдавать их адресату, рассказывая в то же время в посторонних разговорах содержание этих писем. Затем, подметив некоторые любимые выражения их высочеств, как, например, употребление слова “аппетитно” не для одних съедобных вещей, вдруг говорил какой-нибудь из великих княжон: “Какая у вас аппетитная книга, так и хочется скушать”. Конечно, подобные выходки не могли к нему расположить арестованных»[85].

Незадолго до отправки бывшего царя в Тобольск Коровиченко покинул Царское Село и продолжил поднимать престиж новой власти в должности командующего (несмотря на звание полковника) Казанским военным округом[86]. И, наконец, уже в октябре 1917 г. Керенский, встревоженный сентябрьской попыткой мятежа в Туркестанском крае, направил Коровиченко командовать войсками в Ташкент. Последнее назначение стало для Коровиченко роковым. После того как в ноябре 17-го года местному Совету рабочих и солдатских депутатов, состоявшему из большевиков и левых эсеров,

---

[84] Дневники императора Николая II. 1894–1918 гг. Ч. 2. Т. 2. 1905–1918 гг. / Отв. ред. С.В. Мироненко. М., 2013. С. 234.

[85] Мельник Т.Е. Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции. Белград, 1921. С. 32.

[86] Назначение на должности командующих округами лиц, не занимавших серьезного положения в военной иерархии, но верных «завоеваниям революции» являлось обычной практикой Временного правительства. Например, Киевским военным округом командовал упоминавшийся выше К. М. Оберучев. Об этом явлении с негодованием отзывался эмигрантский военный историк Керсновский: «Во главе ряда военных округов были поставлены авантюристы, наспех произведенные в штаб-офицерские чины. Воинской иерархии для проходимца министра не существовало. Московский военный округ получил зауряд-подполковник Грузинов — друг Гучкова, „октябрист“ и председатель Московской земской управы. Казанский — зауряд-подполковник Коровиченко — социалист и присяжный поверенный. Киевский — некто Оберучев, социалист-революционер, из разжалованных подпоручиков, сосланный в 1905 году в Сибирь, возвращенный Гучковым из ссылки и произведенный прямо в полковники „для уравнения со сверстниками“.» (Керсновский А. А. История русской армии. Т. 4. М., 1994. С. 239.)

со второй попытки удалось взять власть в свои руки, Коровиченко был арестован и без суда расстрелян в ташкентской тюрьме.

В свете сказанного выше с большой долей уверенности можно предположить, что тяготение «Военного голоса» к левой прессе объяснялось личными связями Шнеура и Коровиченко. К тому же и Шнеур, и Коровиченко могли искренне сочувствовать социалистическим идеям, хотя вехи биографии Шнеура свидетельствуют скорее об отсутствии у него каких бы то ни было прочных убеждений или их второстепенности по сравнению с соображениями карьерного и материального характера.

По причине отсутствия документов сложно прояснить вопрос о финансировании «Военного голоса». Если газета и стала приносить прибыль, то это произошло далеко не сразу. На запуск издания необходимы были довольно значительные средства. В статье о «Военном голосе» в Военной энциклопедии Сытина, редактором которой был все тот же В. Ф. Новицкий, говорится: «Дело было совершенно идейное, начатое на средства, собранные вскладчину среди инициаторов, участников и сотрудников издания»[87]. «Совершенная идейность» дела как будто и не подразумевала желания добиться коммерческого успеха или даже окупаемости издания. Но откуда же все-таки пришли деньги? Едва ли небольшая группа офицеров могла начать издавать ежедневную газету в столице, рассчитывая лишь на свои скромные служебные доходы. Амбициозность предприятия предполагала более серьезные инвестиции. Скорее всего, наибольший вклад в капитал издания принадлежал бывшему гвардейскому офицеру и военному атташе российского посольства во Франции А. Н. Брянчанинову. Крупный псковский помещик, сын рязанского губернатора, а впоследствии сенатора Н. С. Брянчанинова, зять К. А. Горчакова (сына канцлера), А. Н. Брянчанинов располагал весьма значительными средствами. Помимо родовых имений, Брянчанинову принадлежал доставшийся в приданое роскошный

[87] Военная энциклопедия под ред. В. Ф. Новицкого в 18-ти т. М., 1911–1915. Т. 6. М., 1912. С. 584.

петербургский особняк канцлера А. М. Горчакова на Большой Монетной. Военную службу Брянчанинов сменил на гражданскую, заняв выгодную должность чиновника особых поручений при Департаменте железнодоржных дел Министерства финансов. Имелся у Брянчанинова и соответствовавший аристократическому положению придворный чин камер-юнкера. Однако Брянчанинов не воспользовался в полной мере преимуществами своего происхождения для построения блестящий карьеры бюрократа. Его слишком привлекали политика и публицистика, ради которых он в итоге и оставил службу. Брянчанинов участвовал в деятельности «Союза 17-го октября», затем состоял членом ЦК Партии прогрессистов, сотрудничал в газетах «Слово», «Страна»[88]. Также на средства Брянчанинова с 1908 г. издавалась газета «Псковская жизнь». К началу Первой мировой войны Брянчанинов был гласным Петербургской городской думы, членом комитета российской экспортной палаты и издателем журнала «Новое звено»[89]. В 1906 г. Брянчанинов помещал статьи и в «Военном голосе»[90].

Еще одной значимой фигурой в коллективе авторов «Военного голоса» являлся известный специалист по фортификации, военный инженер, капитан (впоследствии генерал-лейтенант) А. В. фон Шварц. Ближайший помощник генерала Р. И. Кондратенко (одного из немногих признанных общественным мнением «героев» японской войны), Шварц оставил знаменитые воспоминания об обороне Порт-Артура, особенно ценимые специалистами того времени за профессиональные суждения инженера-фортификатора. Первоначальный вариант записок Шварца, основанный на его дневниковых записях, был напечатана именно в издательстве «Военного голоса»[91]. Впоследствии Шварц участвовал в работе комиссии по составлению официальной истории Русско-японской войны, преподавал в Николаевской

[88] Партии демократических реформ, Мирного обновления, Прогрессистов: документы и материалы, 1906–1916 гг. М., 2002. С. 292.
[89] Петров С. Г. Провинциал в столице (А. Н. Брянчанинов) // Диалог культур и цивилизаций в глобальном мире: VII Международные Лихачевские научные чтения, 24–25 мая 2007 г. СПб. 2007. С. 487–488.
[90] Fuller William C. Jr. Civil-Military Conflict in Imperial Russia 1881–1914. Princeton, 1985. pp. 199.
[91] Шварц А.В. фон. Из дневника инженера. Ч. 1. Заметки по полевой фортификации и Ч. 2. Некоторые фортификационные данные борьбы за Порт-Артур. СПб., 1906.

инженерной академии, состоял членом Главного крепостного комитета, в ведении которого находились все фортификационные сооружения страны, а в 1915 г. руководил обороной крепости Ивангород в окрестностях Варшавы, о чем также оставил ценные воспоминания.

Среди авторов газеты выделялась солидная группа военных юристов. Здесь следует пояснить, что в начале XX века военные юристы составляли в армии совершенно особую прослойку. Военно-юридическая академия была основана в 1866 году по инициативе одного из лидеров либеральной партии при дворе Александра II – военного министра Д. А. Милютина. Задача Академии состояла в подготовке кадров для обновленной на началах, близких к гражданской судебной реформе 1864 г., системы военных судов. В числе первых преподавателей Академии был выдающийся правовед и общественный деятель либерального направления К. Д. Кавелин. В соответствии с заложенными в «милютинские» времена традициями этого заведения, которые не удалось изжить в эпоху контрреформ, его слушатели получали подготовку практически идентичную той, что проходили гражданские юристы. На протяжении первых двух лет обучения слушатели Академии вовсе не касались военной юстиции. Учебный процесс в Академии был построен таким образом, что развитию законодательства и судебной практики конституционных государств Европы уделялось не меньшее, а иногда даже большее внимание, чем российскому уголовному и общему праву. С особенностями же функционирования военной судебной системы и спецификой военного законодательства слушатели Академии начинали знакомиться лишь на последнем – третьем году обучения. Как следствие, выпускники Академии по большей части были носителями того же самого «легалистского этоса», что и их коллеги – гражданские юристы, которые уже по самому своему призванию являлись поборниками законности и установления «правого строя»[92]. Это приводило ко множественным сбоям в

[92] Fuller Jr W. C. Civil-military conflict in imperial Russia, 1881–1914. – Princeton University Press, 1985. pp. 124–127.

случаях, когда правительство прибегало к военным судам в надежде на «скорую расправу» с государственными преступниками (эта практика получила широкое распространение в годы Первой русской революции) Военным судьям претило осуществление «карательного правосудия». Они отказывались без разбирательств и в кратчайшие сроки выносить обвинительные приговоры и, будучи связанными жесткостью военных законов, все же стремились рассматривать подробности каждого дела и зачастую изыскивали возможность для смягчения участи осужденных. То направление, которое власти хотели придать деятельности военно-судебной системы, вызвало у военных юристов отторжение, вело к профессиональной неудовлетворенности и определенным формам протеста против использования военных судов в репрессивных целях. Нередко военные суды охотно соглашались признать обвиняемых душевнобольными, что было в то время общеизвестным и распространенным способом уйти от тяжелого наказания. Но и когда избежать вынесения смертных приговоров было невозможно, не идя на явное нарушение закона, судьи нередко ходатайствовали перед генерал-губернаторами и начальниками военных округов о смягчении участи осужденных. Например, с 1905 по 1907 гг. Казанский окружной военный суд не оставлял ни одного приговора без подобного прошения. Зачастую ходатайства о смягчении наказания удовлетворялись. Это привело к тому, что с 1905 по 1907 г. в исполнение было приведено около трети смертных приговоров, вынесенных военно-окружными судами. Специализировавшийся на политических делах присяжный поверенный А. Н. Вознесенский писал даже, что военные суды во многих случаях были для его подзащитных предпочтительнее гражданских[93].

Именно недовольство тем, как с возложенными на них карательными функциями справляются военные суды, привело к учреждению в 1906 г. печально известных военно-полевых судов, где приговоры выносились не

[93] Ibid. pp. 182–185.

имевшими какой-либо юридической подготовки строевыми офицерами безо всяких лишних формальностей и процедур. Военно-полевые суды было невозможно сохранить на долгосрочной основе, но после их упразднения по инициативе председателя Совета министров П. А. Столыпина и вопреки сопротивлению Главного военно-судного управления (ГВСУ) было принято положение, согласно которому в состав военно-окружных судов в качестве временных членов могли вводиться строевые офицеры – юридические невежды, чье влияние должно было нивелировать пиетет профессионалов перед законностью. Однако ничто не помогало. Столыпин по-прежнему был неудовлетворен результатами работы военных судов и всеми силами стремился придать их деятельности нужное направление. В частности, в 1908 г. он добился отставки главного военного прокурора Г. Д. Рыльке, которого (что весьма показательно) называл кадетом[94]. Можно заключить, что по образованию, складу ума и убеждениям военные юристы были ближе к либеральной интеллигенции, нежели к строевым офицерам, вместе с которыми они носили погоны царской армии.

Из сотрудников «Военного голоса», помимо Коровиченко, речь о котором шла выше, в сфере военной юстиции служили В. А. Апушкин, Н. П. Вишняков, В. Н. Нечаев, князь С. А. Друцкой и А. В. Таваcташерна, скрывавшийся под псевдонимом «Сандр». Обладавший литературным талантом Апушкин в ходе Русско-японской войны являлся полевым корреспондентом сразу трех официальных изданий: «Правительственного вестника», «Русского инвалида» и выходившего на французском языке еженедельника Министерства иностранных дел «Journal de St.-Petersbourg»[95]. Сам Апушкин, полагая, что его перу могло найтись более достойное применение, с негодованием описывал условия, в которые он и другие корреспонденты были поставлены военной цензурой и требованиями редакций: «Военная цензура смотрела на

[94] Ibid. pp. 178.
[95] Айрапетов О. Р. Пресса и цензура в Русско-японскую войну // Русско-японская война 1904–1905: взгляд через столетие: международный исторический сборник / под ред. О. Р. Айрапетова. М., 2004. С. 345.

представителей печати в армии, как на каких-то внутренних врагов ее. Боязнь, что наши сообщения послужат только к пользе противника, доходила до того, что один из военных цензоров предлагал нам писать даже заведомую неправду, дабы вводить в заблуждение японцев. О русском обществе он не беспокоился. Ему представлялось по-прежнему заблуждаться и жить иллюзиями. В свою очередь, редакция просила меня не обнажать те или другие недостатки, грехи и промахи – "русская печать должна говорить о том, что было и есть, а все это говорит о мужестве и силе духа русской армии". Редакцией ценились только те корреспонденции, в которых рисовались геройские образы генералов, офицеров и солдат»[96]. Апушкину предоставилось свободно высказаться не только на страницах «Военного голоса». Его полная критики, едких замечаний и «возмутительных» подробностей мемуарная хроника деятельности Куропаткина на посту командующего Манчжурской армией выдержала несколько переизданий еще при жизни автора. Последнее переиздание его более общей работы о Русско-японской войне относится к 2005 г., а в 1925 г. Апушкин, верный жанру разоблачения одиозных военных деятелей, издал в СССР книгу с броским заглавием «Сухомлинов – генерал от поражений». Вполне успешно складывалась и его служебная карьера. Войдя в состав служащих центрального аппарата ГВСУ в 1907 г, Апушкин в 1915 г. получил чин генерал-майора, а после Февральской революции, благодаря устоявшейся репутации либерала и знакомству все с тем же Керенским, занял должность начальника этого ведомства В качестве профессионала, пользовавшегося доверием новой власти, он был включен и в состав Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства.

Н. П. Вишняков – один из самых активных публицистов «Военного голоса», пользовавшийся на страницах газеты одновременно тремя экзотическими псевдонимами: Wiko, Энвиш, Л. Теннис, в жизни являлся подполковником военно-юридической службы в должности столоначальника

[96] Апушкин. В. А. Куропаткин. Из воспоминаний о Русско-японской войне. СПб., 1907. С. 10.

ГВСУ. Имевший выраженную склонность к занятиям публицистикой, Вишняков задолго до появления «Военного голоса» сотрудничал в изданиях уже упоминавшегося капитана Березовского.

Другой представитель военной юстиции на страницах газеты – князь С. А. Друцкой – в то время являлся экстраординарным профессором Военно-юридической академии, где читал авторский курс истории российского военного права. Однако самый примечательный факт биографии Друцкого заключается в том, что в 1906–1907 гг. он являлся штатным служащим канцелярии Государственной думы, заведовал ее важнейшими – финансовым и законодательным – отделами[97]. Служба Друцкого в канцелярии пришлась на период I и II созывов Государственной думы, депутатам которых удалось проработать в общей сложности менее 180 дней. Аппарат Государственной думы в это время еще только формировался, налаживание его работы относилось уже к периоду деятельности III созыва Думы. Таким образом, Друцкому по большому счету не довелось приступить к полномасштабной работе на занимаемой должности. Однако показательно, что он являлся служащим канцелярии именно отличившихся левизной двух первых Дум. По всей видимости, для состоявшего из октябристов и правых президиума III Думы кандидатура Друцкого на один из важнейших постов в канцелярии была неприемлема по политическим соображениям. Вполне вероятно, что и сам Друцкой не принимал изменивший принципы формирования (а, соответственно, и политический окрас) народного представительства третьеиюньский избирательный закон.

Еще один член военно-юридической корпорации – В. Н. Нечаев являлся думским корреспондентом «Военного голоса». Помимо репортажей из Таврического дворца ему принадлежали также аналитические статьи о народном представительстве, выгодах появления парламента и установления конституционного строя для вооруженных сил. Нередко Нечаев (с

[97] Военная энциклопедия под ред. В. Ф. Новицкого в 18-ти т. 1911–1915. Т. 9. М., 1912. С. 229.

неодобрением) высказывался и о том, что «высшая бюрократия» в угоду своим интересам стремится придать деятельности военно-судебного ведомства репрессивный характер. С некоторой натяжкой Нечаева можно назвать главным политическим обозревателем газеты. По всей видимости, Нечаев оставил военную службу. Во всяком случае, с 1909 г. он перестает числиться в списках военного ведомства. Дальнейшая судьба Нечаева неизвестна.

Наконец, полковник А. В. Таваcташерна, ведший в «Военном голосе» ожесточенную полемику с «Русским инвалидом» и нападавший в его лице на всю официальную печать, в 1906 г. являлся помощником военного прокурора, а затем следователем Петербургского военного округа. В 1912 г. Таваcташерна получил чин генерал-майора, а на следующий год стал судьей Петербургского военно-окружного суда. Помимо споров с «Инвалидом», на страницах «Военного голоса» Таваcташерна теоретически разрабатывал вопрос о политических правах военнослужащих. Его фундаментальные изыскания сопровождались пространными обзорами правового положения военных в различных государствах Европы на протяжении полутора веков. Серия публикаций в газете послужила основой для напечатанной в типографии «Военного голоса» отдельной брошюры «Политические права военных», о содержании которой будет сказано ниже.

Целям «Военного голоса», не являясь, впрочем, активным сотрудником издания, сочувствовал и В. Д. Кузьмин-Караваев[98]. Генерал-майор и профессор уголовного права Военно-юридической академии, Кузьмин-Караваев был известен в качестве принципиального поборника отмены смертной казни, которую он считал безусловно недопустимой даже в военное время. Кузьмин-Караваев являлся основателем «Всероссийской лиги борьбы за отмену смертной казни им. Л. Н. Толстого», а также депутатом I и II Государственных дум, где представлял либеральную, близкую к кадетам

[98] В «Военном голосе» обнаружено всего две заметки за авторством Кузьмина-Караваева. Однако он присутствовал на банкете по случаю открытия редакции газеты, и отойдя в своей политической деятельности от узко-военной проблематики, тем не менее должен был сочувствовать идее приведения военной организации России в соответствие с ее обновленным (конституционным) государственным строем.

Партию демократических реформ. В Государственной думе I созыва комиссией, во главе которой стоял Кузьмин-Караваев, был разработан проект закона об отмене смертной казни[99].

Не имея возможности сколько-нибудь подробно рассказать обо всех остальных сотрудниках «Военного голоса», следует еще, по крайней мере, упомянуть в 1906 г. слушателя Николаевской академии, а впоследствии полковника Генерального штаба, автора воспоминаний о Русско-японской войне А. А. Рябинина; капитана Генерального штаба, будущего генерал-лейтенанта армии Финляндии и начальника финляндского Генштаба О. А. Энкеля; лейтенанта, будущего командующего флотом Финляндии Г. К. фон Шульца; подполковника, главного библиотекаря Николаевской инженерной академии Н. Е. Духанина; полковников Генерального штаба П. И. Залесского, Е. И. Мартынова и А. М. Хвостова; подполковников Генерального штаба П. А. Режепо и Д. И. Надежного; штабс-капитана Генерального штаба Л. З. Соловьева; капитана Генерального штаба И. Н. Шевцова; капитана, делопроизводителя Главного артиллерийского управления (ГАУ) Р. А. Башинского; капитана, помощника заведующего Артиллерийского исторического музея, автора ряда популярных исторических брошюр («Граф Д. А. Милютин», «Генерал Кондратенко», «Славные партизаны 1812 г.» и др.) Н. П. Жерве; полковников артиллерийский службы А. В. Шелова и А. Ф.

---

[99] Разработанный под руководством Кузьмина-Караваева законопроект был краток (всего из двух статей), но далек от совершенства. Сложность заключалось в том, что вопрос об отмене смертной казни в военное время не мог быть возбужден Думой в силу 96 и 97 статей Основных государственных законов, изымавших из области компетенции законодательных учреждений сферу военного права. А абсолютное большинство смертных приговоров в России того времени выносилось как раз военными судами. Это было следствием применения 18 статьи Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, дававшей местным властям право передавать на рассмотрение в военные суды дела о преступлениях, совершенных в мирное время гражданскими лицами. Для пересмотра Думой статей Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия в законе не существовало препятствий. Можно предположить, что Государственный совет не поддержал бы пересмотра Положения об охране, но Дума не поставила перед верхней палатой этого вопроса. Окончательная и единогласно принятая редакция законопроекта подразумевала исключение смертной казни также из воинского и военно-морского уставов о наказаниях. Это означало, что возыметь силу законопроект не мог ввиду противоречия Основным государственным законам. «Такой остроумный способ действий Государственной думы не показал заботы о тех, кого вешали, и кого она могла от казни спасти. Спасению их она предпочла эффектную, но бесполезную декларацию, чтобы не сказать “декламацию”» – писал В. А. Маклаков. (Маклаков В. А. Первая Государственная дума. Воспоминания современника. 27 апр. – 8 июля 1906 г. М., 2006. С. 202.)

Гилленшмидта; подполковников артиллерийской службы Д. Я. Миловича, М. Д. Гуржина, Н. Н. Яжинского и А. В. Белина; капитанов инженерной службы А. В. Модраха и Е. А. Филаретова.

Что объединяло упомянутых выше людей? Во-первых, практически все они в том или ином качестве (непосредственных участников боевых действий, служащих тыловых управлений и/или корреспондентов) побывали на театре Русско-японской войны, не понаслышке знали о проблемах русской армии и тяжело (как личную трагедию и профессиональный провал) переживали ее многочисленные поражения. Во-вторых, – высокий образовательный уровень. Сотрудники «Военного голоса» в абсолютном большинстве случаев являлись выпускниками высших военно-учебных заведений: Николаевской академии Генерального штаба, Александровской военно-юридической академии, Николаевской инженерной академии и Михайловской артиллерийской академии. Эти люди составляли новое поколение интеллектуальной элиты армии. Штабс-капитаны и подполковники в 1906 г. – к октябрю 1917 почти все они получили штаб-офицерские или генеральские чины. Важнейшей вехой их профессионального становления оказалось поражение России в войне с Японией. Рефлексируя над опытом неудач, они пришли к выводу о негодности неизбежно влияющего на военную организацию государственного строя России. Именно военный профессионализм привел их в сферу публичной политики (якобы традиционно не интересовавшую военных), заставив высказываться в печати по наболевшим вопросам и возлагать надежды на народное представительство.

Завершая разговор о круге авторов «Военного голоса», следует привести характеристику этой газеты и ее коллектива, данную одним очень авторитетным мемуаристом: «С приближением первой революции и ослаблением цензурных стеснений, уста печати отверзлись — первым делом для борьбы с правительством, потом — для вящего поношения армии. Как говорило сухое правительственное сообщение, “печать полна статьями, колеблющими авторитет военной власти и могущими внушать населению

враждебное отношение к отдельным войсковым частям”. Такое же направление приняла газета ”Военный голос”, издававшаяся в Петербурге в 1906 г. штабс-капитаном запаса Шнеуром (брат крыленковского нач. штаба)[100]. Представляя извращенное отражение армейских настроений, ”Военный голос”, отодвинув военные реформы на задний план, первое место отводил демагогии и широкому политиканству. Правительство, придя в себя, закрыло газету Шнеура, в связи с чем пострадало и несколько горячих голов — случайных сотрудников ее»[101]. А. И. Деникин, автор этих строк, умалчивает здесь об одном неудобном факте – он сам (пускай и лишь однажды) писал для «Военного голоса». Вероятно, в то время его отношение к этому изданию было несколько иным. Просуществуй газета дольше, их сотрудничество вполне могло продолжиться – генштабист Деникин принадлежал к числу «прогрессивно» настроенных офицеров. Его смелые и провокационные высказывания в печати служили причиной множественных конфликтов с начальством. Едва ли генерал о чем-то забыл. Скорее к моменту написания мемуаров его отношение к «Военному голосу» определялось тем, что наиболее видные сотрудники газеты в большинстве оказались на службе у красных, и, с точки зрения бывшего лидера белого движения, являлись предателями. Д. П. Парский, В. Ф. Новицкий, его брат Ф. Ф. Новицкий (последний дожил до возвращения генеральских званий и стал в 1943 г. генерал-лейтенантом Красной армии) оказались в числе первых, перешедших на службу к Советам генералов «старой армии». Служили в составе различных подразделений РККА Н. П. Вишняков, В. А. Апушкин, Е. И. Мартынов, Р. И. Башинский, А. А. Рябинин и Д. И. Надежный. Последний командовал армией в ходе отражения наступления Юденича и был награжден орденом Красного знамени за оборону Петрограда. Все они в разное время занимались научной и преподавательской деятельностью в составе различных подразделений

[100] Автор ошибается. У В. К. Шнеура действительно были братья, также состоявшие на военной службе – А. К. и Н. К. Шнеуры, но начальником штаба у Крыленко являлся именно В. К. Шнеур.
[101] Деникин А. И. Старая армия; Офицеры. М., 2005. С. 215–216.

Наркомвоенмора. Их профессиональная подготовка и опыт оказались востребованы в процессе становления системы военного образования и науки СССР. К вопросу о том, почему офицеры, сотрудничавшие в «Военном голосе», во многих случаях вполне добровольно переходили на службу в Красную армию, уместнее будет вернуться несколько позднее.

§3. Политическая платформа «Военного голоса».

Уже во втором по счету номере «Военного голоса» была помещена статья под заголовком «Армия и революция», в которой формулировалось определенное видение роли вооруженных сил во внутренних конфликтах: «С возможностью участия армии в революции надо считаться; на эту возможность не надо закрывать глаз; ее надо предвидеть и с нею надо бороться. Но здесь нужна борьба не мертвыми для солдата формулами, не бессодержательными афоризмами, не путем насилия над его умом и волею, а борьба разумная – путем сознательного воинского и политического его воспитания. <…> Армия должна быть приведена к сознательному и правильному пониманию того, чему она призвана служить и против кого и чего она должна бороться; ей должны быть уяснены правомерные границы для ее деятельности и в этих границах должен завершаться цикл политического и воинского ее воспитания. Каждый член армии может исповедовать лично какие угодно убеждения. Нивелировка под одну политическую формулу внутреннего мира сотен тысяч людей – вещь совершенно невозможная; ни угроза наказания, ни какие-либо другие насильственные меры не в силах вытравить в человеке индивидуальной своеобразности его убеждений. Но как бы ни разнились политические убеждения лиц, входящих в состав армии, эти убеждения могут и должны преклоняться перед служением тому интересу, который в сознании каждого члена государственной организации стоит выше интересов партийных, их нивелирует, их покрывает. Защита целостности и независимости государства, закономерная охрана существующего в нем

правового порядка – вот тот высший интерес, которому призвана служить армия и в служении которому, не насилуя своих убеждений, могут слиться все неравнодушные элементы. <…> В своей активной деятельности армия должна стоять вне политической борьбы и партийных интересов» (3 января). На первый взгляд, положения этой статьи как будто во многом созвучны позиции властей. Однако при более внимательном прочтении можно заметить, что в «Военном голосе» акцент делается на правовом воспитании нижних чинов, привитии им основных знаний о роли армии в конституционном государстве при сохранении любых личных убеждений и их полной неприкосновенности, тогда как официальная газета Военного министерства «Русский инвалид» скорее агитировала за более эффективную патриотическую мобилизацию армии для борьбы с революционными тенденциями. В статье «Военного голоса» подчеркивалось, что армия должна стоять выше «политической борьбы», партийных и групповых интересов. Это имеет особенное значение в свете того, что в дальнейшем на страницах газеты развивалась мысль о том, что армию стремится сделать своим орудием «придворная» или «бюрократическая» партия, применяющая вооруженную силу против народа, встающего на борьбу за свои законные права или требующие справедливого удовлетворения имущественные нужды. Мотив «придворной партии» предельно прост – она обороняет свое привилегированное положение, отстаивает свои эгоистические, не имеющие ничего общего с народными и общегосударственными, интересы. Именно чрез эту призму в «Военном голосе» воспринималась передача воинских команд в распоряжение гражданской администрации для охранной службы и участия во всевозможных «карательных экспедициях».

«Военный голос» вполне закономерно выступал за верховенство закона и в самой армии – в отношениях между начальниками и подчиненными, офицерами и нижними чинами. Развитие правовой сознательности военнослужащих должно было, с одной стороны, привести к уменьшению жестокости и насилия при исполнении армией своих обязанностей по охране

порядка внутри страны, а с другой – к прекращению злоупотреблений властью в самой армии. Эту мысль развивал в статье «Войско и закон» князь Друцкой: «Наша армия требует радикального лечения. Сущность его должна заключаться: в увеличении правовых познаний как офицеров, так и нижних чинов, в создании привычки ставить закон выше всяких своих желаний и вкусов, в проведении этой границы в армии от первого до последнего человека, и наконец – в установлении полной гарантии охраны закона. Эту последнюю задачу в государстве может выполнить только суд, в данном случае, военный суд, независимый в своей подзаконной деятельности от желаний административных и кассационных инстанций» (1 января).

Нисколько не удивительно, что на страницах «Военного голоса» подвергался резкой критике «драконовский» закон 21-го декабря 1905 г., запрещавший военнослужащим присутствовать в собраниях, на которых обсуждались или даже только затрагивались политические вопросы. «Закон 21-го декабря появился через два с небольшим месяца после Манифеста, возвестившего новый государственный строй и незыблемые начала гражданских свобод. Последствием этого манифеста могло быть – или сохранение прежнего объема свободы военных, или ее расширение. Получилось обратное. Если в армии мы будем идти и далее тем же путем, то в “свободной России” народится новый класс ”несвободных служилых людей”» – констатировал обозреватель «Военного голоса» (4-е января).

Злополучный закон вызвал отклик и у читателей газеты. В напечатанном письме одного из них, подписавшегося псевдонимом «Сабля», говорилось, что офицерам необходимо разрешить присутствовать «на заседаниях, сообщениях, лекциях, происходящих на законном основании в собраниях, разрешенных законом партий, без права, конечно, принимать участие в прениях, произносить речи и т. п. В последнее время на офицеров прямо налагается обязанность, требуется <…> разъяснять нижним чинам политические вопросы, знакомить их с политическими партиями и их требованиями. Чтобы разъяснять, надо самому знать, а чтобы знать, надо

прежде узнать. <…> Посещение заседаний и сообщений, организуемых партиями, могло бы <…> дать офицерам знакомство с политическими вопросами и партиями, с их задачами и стремлениями» (8-е января).

Критическому разбору закона 21-го декабря был посвящен еще один материал газеты. На этот раз акцент делался на непродуманности формулировок закона, размытость и неточность которых была непозволительной для юридического акта. При строгом прочтении закона оставалось сделать вывод, что обсуждение каких бы то ни было касающихся политики вопросов (в том числе и международных) являлось недопустимым даже при частных контактах военнослужащих. Комментируя избыточную строгость закона, автор статьи счел нужным подчеркнуть, «что главные и коренные причины брожения в армии, как это ясно показали последние события, заключаются не в увлечении военными чинами новейшими политическими течениями, а во внутреннем неустройстве самой же армии» (12 января).

«Военный голос» пытался создать картину недовольства военнослужащих на местах стеснением их гражданских прав. Корреспондент газеты передавал, что оренбургские казаки станицы Магнитной после опубликования Манифеста 17-го октября возлагали «большие надежды на свое ближайшее начальство, думая, что оно придет казачеству на помощь, что казаки со всеми гражданами Империи наравне будут иметь свободу слова, свободу съездов, союзов и неприкосновенность личности», однако их ждало разочарование, так как представитель войсковой администрации «объяснил во всеуслышание, что манифест 17 октября 1905 года до казачества совершенно не касается, а все блага, дарованные государем императором этим манифестом, на казаков не распространяются» (3 января). «Все родные сыны государства, а казаки – пасынки!» – сетовали по словам корреспондента «Голоса» обиженные жители станицы (3 января).

В контексте свободного распространения в войсках «черносотенных» прокламаций и множественных случаев открытого участия офицеров в

деятельности правых организаций, «Военный голос» воспринимал закон 21-го декабря в качестве односторонней репрессивной меры, позволявшей под малейшим предлогом подвергать преследованию или изгонять со службы заподозренных в неблагонадежности военнослужащих (как нижних чинов, так и офицеров). Вдвойне неприемлемым для газеты было то, что все это совершалось под лозунгами ограждения армии от участия в политике. Полковник П. И. Залесский в одной из своих статей разоблачал лицемерие властей, принимавших самые жесткие меры против левой агитации в войсках и при этом способствовавших агитации правой: «Всякий знает, что войска ограждаются от проникновения к ним “прокламаций” всевозможными мерами, включительно до избиения господ разносителей прокламаций и до запрещения выписывать в офицерские собрания некоторые газеты. Так думал я до последнего времени. Теперь, однако, приходится убеждаться, что запрещение относится только к прокламациям крайнего ”левого” или даже просто “левого” направления и к либеральным газетам; прокламациям же крайних “правых” тенденций, т. е. не признающих основ *нового* (выделено в тексте – А. Ф.) государственного устройства, возвещенного стране манифестом 17-го октября, не только не закрыт доступ к войскам, но таковые литературные произведения даже поощряются, ибо выпускаются в виде приложений к военным журналам, или самими предприимчивыми авторами, рассылающими свои произведения, впрочем, не даром, а за 2–6 копеек за прокламацию» (17 мая). Далее, насмешливо комментируя отрывки из текстов прокламации, Залесский раскрывал предполагаемые цели их распространителей: «“Мы сумеем постоять царя, за себя и за честь земли русской, и не сломить врагу нашей стойкости, не сломить ему нашей совести” (из черносотенной прокламации – А. Ф). Бога побойтесь г. автор: кто собирается покупать вашу совесть? Да и есть ли она у вас? Население гибнет под гнетом бесправия, произвола и от собственного невежества, культивированного чиновниками в целях лучшей его эксплуатации; вырождается от хронических голодовок и болезней, а вы пичкаете его

фразами: “Мы сумеем постоять царя, за себя и за честь земли русской”. Да ведь это вы хлопочете за себя – чиновника, рыцаря 20 числа, а не за них – темных, забитых, голодных, бесправных; вернее, даже и не за себя, а за тех, от коих чаете получить “ласку” за усердие по искоренению тех начал гражданской свободы, которые объявлены манифестом 17 октября! Ведь полное и честное проведение в жизнь начал этих не на руку тем, кто давно примазался к государственному пирогу и привык распоряжаться им бесконтрольно. В угоду этим-то господам автор говорит: “враг знает, что государство нами сильно”. Какой враг? Если японцы, то, думаю, автор сильно ошибается в них: они знают, что государство сильно своими порядками, законами, имеющими единственную цель – благосостояние всего народа, а не только чиновников и некоторых других групп населения; если речь идет об указанных мною выше врагах внутренних, то они знают, что армией злоупотребляет прежде всего старый порядок» (17 мая).

Оставив разбор черносотенных прокламаций, Залесский продолжил с жаром обвинять бюрократию и старый режим: «“Трескучие слова”, “лживые обещания” – это все характерные атрибуты нашей бюрократии и тех, кто, вопреки правде, выступает в роли ее адвокатов <…> война – результат бюрократической авантюры и полного пренебрежения к истинным интересам народа; она раскрыла всю несостоятельность полицейско-бюрократического режима, который и привел родину “на край гибели”. Если возможно признать революционную пропаганду виновной в бедствиях страны, то лишь косвенно: пропаганда эта и ее активная деятельность давала опору для еще горших беззаконий бюрократии. Если бы не было у нас бюрократической вакханалии около казенного пирога и теперешнего злобного отстаивания своего места у этого пирога, то не было бы и японской войны, и ее последствий. Господам сочинителям прокламаций грингмутовского направления не мешало бы помнить это. <…> Военным воспрещено участвовать в политике. Это обязывает их стоять “вне” партий, но вовсе не на стороне “крайней правой”, а гг. распространители прокламаций именно тянут войска на строну этой

партии; причем не брезгуют и извращением истины, и совершенно неуместным злоупотреблением словами: бог, вера, царь… Войскам, как и всей России, нужна только правда» (17 мая).

На страницах «Русского инвалида» Залесскому решил ответить автор, скрывавшийся под инициалами А. Н. Р. Он сделал это в ироничной, даже издевательской форме. Свою заметку он озаглавил «Речь г. Залесского к уходящим в запас» и как бы обращался к нижним чинам от лица Залесского: «К сожалению, не могу благодарить вас, братцы, за вашу протекшую службу в рядах армии, ибо вы всегда и везде являлись главным препятствием к широкому распространению “Освободительного движения”. Теперь, за порогом казарм, вы не должны повторять сделанной вами ошибки и, возвратившись к близким, но бесправным, ограбленным и забитым правительством семьям, откроете им глаза, расскажете всю правду, укажете на истинных виновников всех наших бед и зол. <…> Вы сами должны твердо знать и разъяснить деревенским родным, что манифест 17-го октября даровал родине свободы, введению которых препятствуют чиновники штатские и военные, и по милости которых пролито напрасно много крови. Что эти люди и есть внутренние враги, а не те, на которых указывало ваше бездарное, продажное начальство»[102]. А. Н. Р. посчитал нужным высказаться и в защиту черносотенных прокламаций: «Если в них (прокламациях – А. Ф.) не сказана вся правда, которой, кстати сказать, не знают ни авторы этих брошюр, ни г. Залесский, то в сказанном нет ничего неверного, и стоило правительству проснуться, чтобы пожары потухли, забастовки железных дорог прекратились, газеты перестали преподносить читателям такую “правду”, которую без труда опровергали на следующий день»[103]. Выражая свое отношение к позиции Залесского, анонимный автор прибег к довольно оригинальному сравнению: «Г. Залесский, очевидно, не хочет, чтобы военные начальники уподобились тем педагогам, которые, тоже в видах правды,

[102] Разведчик. 1906. №. 811. 9 мая. С. 378.
[103] Там же.

намереваются еще в институтах и гимназиях просвещать наших дочерей в половом вопросе. Это тоже правда, а в надлежащем освещении даже и очень выгодная для тех развратников, которые надеются этим путем заранее подготовить для себя жертв свободной любви. Политические развратники имеют, конечно, иные цели, почти достигнутые уже в наших средних учебных заведениях, и нечего удивляться, что этих господ не особенно ласково принимают в войсках, хотя об “избиении” их я впервые слышу военный голос»[104]. Последними словами А. Н. Р. намекал на то, что не ожидал услышать от члена офицерской корпорации «сплетни» о линчевании агитаторов в войсках, ходившие в левой среде. Таким образом, в заметке этого автора Залесский маркировался в качестве своеобразного маргинала, офицера–сторонника «освободительного движения», представители которого стремились «политически развратить» армию, с тем чтобы она изменила своему долгу и присяге.

«Военный голос» не добивался того, чтобы армия перешла на сторону «освободительного движения» и поучаствовала в борьбе со «старым режимом». Но как же на страницах газеты решался вопрос об участии армии в политике? «Говорят, что политика и войско – несовместимы, поскольку политика является участием в активной политической борьбе партий. В этом смысле войско должно быть непартийным. Но в то же время “политика” неотделима от военнослужащего, как от всякого другого взрослого человека и право на нее нельзя отнять у него, как нельзя лишить человека мысли и чувства. Равное со всеми гражданами право политических убеждений и устранение от активной политической борьбы – вот два равносильных принципа, которые мы признаем равно необходимыми для нормального существования войска в современном государстве» – говорилось в одной из редакционных статей «Военного голоса» (8 января). Выведя эти принципы, автор статьи перешел к другой проблеме: «Для нас сейчас важен вопрос,

[104] Там же.

безразличен ли для войска и для его интересов тот или иной политический строй? На этот вопрос мы отвечаем категорическим отрицанием: нет, не безразличен. <…> Истекший год был годом полного общественного просветления. Во всех отраслях жизни, для каждой профессии отдельно, с необычайной подробностью было уяснено, что все их отдельные нужды тесно связаны с общим неустройством страны, что нельзя уповать на мелкие починки в доме, в котором самый фундамент устарел и дал трещину. Войско слишком крупная социальная величина, чтобы не испытывать воздействия всех социальных факторов страны. Война показала это достаточно. К чему ни сводить причины неудач – мы неизбежно упираемся в “общие условия”. <…> Наша пресловутая “неподготовленность” в связи с “отдаленностью театра войны”, – но разве это не продукт той безгласности и бесконтрольности всей внешней и внутренней политики, которая может быть устранена только установлением действительного контроля за нашими внешними и внутренними делами со стороны общественного мнения и его главных выразителей, народных представителей? Пусть в среде самого войска и целыми группами, и думами в одиночку могут быть разработаны отличнейшие планы реформ, – но кто же поручится за их осуществление?» (8 января). Далее в статье говорилось о том, в чем конкретно должно будет выражаться позитивное для армии влияние парламента: «Народное представительство не будет, конечно, вдаваться в технические подробности перевооружения войск, но оно постарается о том, чтобы сделать его своевременно, а не так, чтобы идти на войну с новыми пушками, не умея из них стрелять. Не дело народного представительства вырабатывать, какую на суда ставить броню, но оно создаст такие условия, при которых сведутся к минимуму злоупотребления, и флот не будет обречен на необходимость непременно оказаться слабее неприятельского» (8 января).

Из всех этих рассуждений делался следующий вывод: «Армия заинтересована в том, будет или не будет народное представительство; для нее не безразлично, каковы будут его права, в каком положении к нему станет

военный министр; она заинтересована, как и все живое, в свободе печати, дающей место всякому мыслящему и честному голосу о нуждах армии, заинтересовано в свободе общественного контроля за всеми совершающимися злоупотреблениями, в свободе развития всех творческих сил страны. Все это вопросы правовые, вопросы политики. Детали их могут быть для войска безразличны, но основные начала государственного устройства затрагивают его интересы так же, как и интересы всей страны. И с этой, даже чисто войсковой, не только общегражданской точки зрения, армия имеет полное основание желать, она не может не желать коренного переустройства нашего старого режима на новых началах» (8 января).

Что же следовало из того, что армия была обязана воздерживаться от участия в политической борьбе, но в то же время для своего собственного блага должна была желать созыва народного представительства, облеченного самыми широкими законодательными и контрольными полномочиями? Не скрывалось ли здесь противоречие? Во всяком случае, первое следствие довольно очевидно – армия не должна была поддаваться на черносотенные прокламации, понимая, что в замене «старого», «бюрократического» режима конституционным и «представительным» строем залог ее будущего – обеспечение от позора на полях будущей войны. Соответственно, армия должна была понимать и то, что посредством распространения «черносотенных прокламаций» цепляющаяся за власть бюрократия стремится сделать ее своим политическим орудием. Но что же должна была делать армия? Имела ли она, по мнению авторов «Военного голоса», право не подчиниться приказу разогнать демонстрантов, протестующих против незаконного роспуска Думы. По всей видимости, ответ – да, имела. Роспуск Думы делало незаконным отсутствие в указе даты созыва следующей Думы. Это означало попытку ликвидации института народного представительства – государственный переворот, а армия, по мысли «Военного голоса», должна была стоять на страже закона и конституции. Но что, если Дума (как это впоследствии и произошло в действительности) будет распущена с

соблюдением всех законных процедур. В этом случае войска теоретически обязаны были выполнить любой законный приказ командиров. Но получается, что действовали бы они при этом вопреки собственному интересу, играя на руку своему, по версии «Военного голоса», злейшему врагу – старой бюрократии, которая хочет хоть на какое-то время получить передышку от назойливого парламента. При таких условиях трудно было бы ожидать от войск необходимого рвения и полной самоотдачи. В этой ситуации был слишком велик риск того, что теория о беспрекословном подчинении войск любым законным требованиям начальства не выдержит испытания жизнью.

Здесь «Военный голос» вставал на скользкую и опасную почву. Именно в этом его противникам справа виделась «политическая агитация» в войсках крайне нежелательного свойства. Фактически, «Военный голос» стремился заменить традиционную монархическую лояльность армии новой – конституционной. В этом случае воля императора подлежала исполнению лишь постольку, поскольку она не противоречила бы закону, который он был уже не в силах единолично изменить. По тщательно оберегаемому «священному единению» войска и его «верховного вождя» наносился серьезный удар. На практике к тому же получалось, что армия могла нарушить данную монарху присягу ради защиты «нового строя» и воплощавшего его учреждения – Государственной думы. Ведь армии следовало ждать столь нужных ей реформ и улучшения своего (в том числе и материального) положения лишь от народного представительства – авторы газеты не уставали раз за разом повторять эту мысль. Нетрудно себе представить, до какой степени эта программа была неприемлема для консерваторов и властей.

Редактор «Русского инвалида» Ф. А. Макшеев и его помощник, полковник В. К. Пруссак присутствовали на банкете в честь открытия редакции «Военного голоса», но отношения между двумя изданиями очень быстро испортились. Отчасти пророческой оказалась напутственная речь другого почетного гостя этого мероприятия – будущего начальника штаба Юго-западного фронта при генерале А. А. Брусилове, генерал-майора В. Н.

Клембовского: «Нас, военных, учат так: знамя есть священная воинская хоругвь, которую каждый военнослужащий обязан защищать до последней капли крови. Для деятелей периодической печати такое же значение имеет газетный лист: проповедуемые в нем принципы и идеи они обязаны защищать, не щадя ни сил, ни средств. Конечно, подчас приходится вынести нелегкую борьбу. И вновь нарождающейся первой частной военной газете доведется испытать немало невзгод, бурь и тяжелых минут. Но разве наше знамя не может быть пробито вражескими пулями, изорвано вражескими штыками? И все же, в конце концов, оно должно победоносно развеваться на взятой неприятельской позиции. Пусть же торжествуют идеи, проповедуемые новой газетой, пусть счастье, успех и долголетие сопутствуют ей!» (3 января). Газета действительно, не жалея сил, мужественно защищала проповедуемые идеи, ей пришлось вступить в нелегкую борьбу и пережить немало «тяжелых минут». Иным оказался только финал – «успеха и долголетия» не случилось, как и «торжества проповедуемых идей».

Ожесточенная полемика между официозом военного ведомства и «Военным голосом» началась с заметки маститого военного писателя, героя Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., давнего сотрудника «Русского инвалида» – почтенного генерала от инфантерии П. Д. Паренсова. С начала 1906 г. Паренсов являлся к тому же комендантом любимого Николаем II Петергофа. В очередном (124-м) из своих «Современных писем» генерал решил высказаться о различных, появляющихся в печати предложениях реформ в армии: «Статьи об армии, появлявшиеся и появляющиеся в печати, можно разделить на две категории: “обнажающие”, “бичующие” – просто и “обнажающие” и “бичующие”, но не просто, а с рецептом. Оставляя в стороне первые, поговорю о вторых. Пишут их преимущественно, если не исключительно – военные, и про них скажу тоже, что сказал выше: к ним надо относиться сочувственно за то, что они решаются высказываться про свое дело, что делом своим интересуются, им занимаются, а не относятся к нему безразлично, спустя рукава. Но, относясь безусловно сочувственно к

побуждениям, которыми руководствуются пишущие – “внести свою лепту на общее благое дело”, необходимо в то же время относиться к ним весьма осторожно, особенно к предлагаемым рецептам. Понятно, что беды нет, если рецепт оказывается неподходящим, когда лекарство еще не принято, – и лучшие медики ошибаются; понятно и то, что не каждый рецепт, прописанный для “возрождения” армии, будет использован теми, от кого зависит самое дело, а все же потолковать в печати о рецептах не лишнее, тем более, что некоторые из них, соблазнительные при первом взгляде – оказываются несомненно неприемлемыми, если посмотреть ближе»[105]. «Военный голос» не упоминался прямо, но несложно догадаться, что, говоря о военных, предлагавших «рецепты», Паренсов имел в виду именно авторов этой газеты. В «Военном голосе» были задеты покровительственным отношением и снисходительным тоном генерала и потому отреагировали достаточно резко: «Мораль сей басни о рецептах такова: пускай себе балуются – писатель пописывает, а читатель почитывает, те же, “от кого зависит самое дело”, поступят по-своему, как им выгодно и нужно: нужды нет, что “печать – выразительница общественных нужд и воззрений”. Ведь те, от кого пока еще зависит самое дело, признают эту истину, как и многие простые, евангельские истины, только на словах, только в теории, только тогда, когда это им выгодно. Тогда они вспоминают и о печати и пытаются при помощи рептильных органов и органов официозных создать это общественное мнение – по крайне мере призрак, тень его» (26 февраля).

В последних словах в полной мере выразилось отношение «Военного голоса» к «Русскому инвалиду» – «рептильный» орган, обслуживающий интересы министерства и нисколько не отражающий мнение армии. Несколько позднее А. Н. Брянчанинов выступил в «Военном голосе» против помещенной в «Инвалиде» статьи графа А. Д. – под этим псевдонимом скрывался регулярно писавший для «Русского инвалида» будущий атаман

[105] Русский инвалид. 1906. 24 февраля.

Всевеликого войска Донского П. Н. Краснова. Он писал, что причины поражения в войне могут крыться в недостатках офицерского корпуса русской армии (в частности, офицеры приобретали негодные для похода предметы обмундирования). В связи с этим Краснов в свойственной ему манере предлагал отправиться «в чистую и ясную лазурь небесного свода для отыскания идеального офицера, отрешившегося от мира и отдавшего жизнь родине»[106]. Брянчанинов парировал: «Итоги войны, кажется, достаточно ясно показали, что побеждает тот, у кого вся военная подготовка и в том числе хорошее обучение покоятся прежде всего на чувстве долга, уважении к законности уважении прав и личности подчиненного, а у последнего, кроме того, на чувстве собственного достоинства и разумном самопочине (инициативе – А. Ф.). Вот этих-то качеств у нас часто очень и очень не доставало, и об этом-то и надо кричать от всего наболевшего сердца, а не о том, на какой кровати спать офицеру в мирное время, или какие носить сапоги. Нам не нужны офицеры, отрешившиеся от мира (это удел монахов), а нужны офицеры, не только преданные своему делу, но и в совершенстве его знающие, не только умеющие кричать: “все ляжем костьми”, но такие, которые понимали бы, что гораздо больше чести уметь заставить врага лечь костьми, а ведь нас до сих пор только и хватило на то, чтобы самим костьми ложиться» (1 марта).

Наивысшего накала полемика достигла позднее. Еще один генерал – участник Русско-японской войны и известный военный писатель, впоследствии автор нашумевших воспоминаний «Записки генерала – еврея» – М. В. Грулев под псевдонимом Строевой встал на защиту чести «Русского инвалида»[107]. В своей заметке он пытался доказать, что «Русский инвалид»

---

[106] Там же. 18 февраля.

[107] Грулев любопытная фигура. Крещеный еврей, сделавший успешную военную карьеру, сам он причислял себя к числу «прогрессивных» деятелей, всеми доступными силами боровшихся с «бюрократическим строем». Почему же в таком случае вместо того, чтобы присоединиться к коллективу авторов «Военного голоса», Грулев критиковал эту газету с позиций убежденного консерватора? Вопрос скорее риторический. Видимо, свои настоящие убеждения он предпочитал хранить втайне. Во всяком случае, Грулев кривил душой, когда заявлял в воспоминаниях, что «либерализм» сходил ему с рук на службе при Главном штабе в силу непоследовательности репрессивной машины «старого режима» (Грулев М. В. Записки генерала-еврея. М., 2007. С. 227–228.)

всегда являлся выразителем наиболее «прогрессивной» военной мысли. В подтверждение этого тезиса выдвигался следующий аргумент: в «Русском инвалиде» помещали статьи крупнейшие знатоки военного искусства, чей авторитет признавался всеми: генералы Драгомиров, Пузыревский, Войде и др[108]. В «Военном голосе» Сандр – Таваcташерна опубликовал «Ответ защитнику официальной печати»: «Он (“Русский инвалид” – А. Ф.) не хочет согласиться с нами, что официальный орган печати прогрессивным быть не может. Он спорит против очевидности вместо того, чтобы оглянуться на своих собратьев – “Прав. Вестник”, “Ведомости Градонач.”, на бесконечный ряд тощих “Губернских Ведомостей”. В лице петербургского г. Строевого, он из сил надрывается доказать, что он не является синонимом отсталости, косности и рутины <…> Нет, в отраженных лучах таких светил, как наши лучшие военные мыслители – М. И. Драгомиров, Пузыревский и др. не скрыть “Рус. Инвалиду” своего убожества, как не оправдать его и недостатком места для дельной мысли и равнодушием офицеров-читателей к “военным сочинениям”». В конце Таваcташерна выразил некоторое удивление относительно приемов, которые использовал Грулев для воспевания заслуг «Русского инвалида»: «К “казенным” мыслям “Русского Инвалида” мы уже привыкли, но хлестаковщина в этом почтенном официальном органе печати – явление новое…» (4 мая).

Полемика с Грулевым побудила Таваcташерну более развернуто высказаться о состоянии военной печати. В серии заметок по этому вопросу он развивал примерно те же мысли. Русская военная печать (до появления свободного и независимого «Военного голоса») находилась в удручающем состоянии. Казенные «Русский инвалид» и журнал «Военный сборник» отсутствием «живого слова» и «живой мысли», по мнению автора, начисто отбивали у офицеров интерес к чтению литературы по военным вопросам: «До настоящего года военная печать имела почти исключительно официальный

[108] Русский инвалид. 1906. 29 апреля.

характер. Ряд специальных толстых журналов и сборников <…> выходили со станков главных управлений и вследствие обязательности подписки, расходились по войсковым штабам и канцеляриям военного и морского министерств, во все концы нашего обширного отечества для того, чтобы быть там похороненными в шкафах, на общем кладбище, наряду с сотнями таких же, как они, покойников. Неразрезанные листы этих сухих и неинтересных даже по одному своему внешнему виду томов могут служить эпитафией мертвой мысли, в них воплощенной. Военное общество, за редким исключением, не проявляло никакого к ним интереса, и не потому, чтобы оно не интересовалось военным делом, а потому, что оно изверилось в надежде услышать с канцелярских печатных станков живое слово, яркую мысль, согретый смелым и откровенным чувством ответ на жгучие запросы, волнующие армию и флот» (12 апреля). Если специальные военные журнала, по версии Таваташерны, неразрезанными пылились в шкафах, то «Русский инвалид» не пользовался «ни влиянием, ни авторитетом в войсковой среде, вызывая, напротив того, отрицательное к себе отношение, выразившееся в нескончаемых насмешках», он «стал синонимом отсталости, косности, рутины и чисто приказного отношения к делу; читался он наряду с приказами по части и служил преимущественно для справок о чинопроизводстве» (12 апреля).

Грулев не мог оставить выпады Таваташерны без ответа: «Вероятно, г. Сандр стоит очень далеко от армии, если не понимает, что, воспитывая солдата, как защитника государства и от его внутренних врагов, весьма естественно пользоваться примерами исполнения солдатского долга в то смутное время, когда только армия спасла Россию от окончательного потрясения. <…> зная программы разных политических партий и их отношения к армии, можно безошибочно сказать, что среди правых, а не левых партий, следует искать нравственной поддержки и сочувствия нашей армии. <…> Не понимаю, в силу каких соображений и на основании чьей авторитетной оценки “Военный голос” так самоуверенно выделяет себя из числа всех военных изданий. Не г-ну же Сандру, мало кому известному,

чинить суд и расправу над военными изданиями лишь за то, что направление их не в духе “Военного голоса”, может быть и достаточно крикливого, но едва ли авторитетного и справедливого»[109].

Постепенно столкновения «Русского инвалида» и «Военного голоса» стали носить постоянный характер. Редкий номер «Военного голоса» обходился без шпилек в адрес «Инвалида» и наоборот. Между газетами началась война. Обо всех эпизодах этого конфликта рассказать невозможно. Стоит лишь отметить, что в «Русский инвалид» стал обращать к «Военному голосу» сентенции, в которых можно было расслышать довольно угрожающие ноты. «Преувеличивать свои силы и значение может быть и очень приятно для самолюбия, но ведет всегда к дурным последствиям» – такими словами заканчивалась первый выпуск учрежденной на страницах официоза рубрики «Печать о военных делах»[110]. Мотивировалось появление нового раздела «вполне естественным желанием у старейшего военно-литературного органа содействовать правильной постановке энергично производившейся популяризации военных знаний в читающей публике»[111]. «Русский инвалид» декларировал свой статус старейшей и, соответственно, наиболее авторитетной военной газеты – единственной имеющей право давать экспертную оценку публикациям по военным вопросам во всех прочих изданиях. В этой системе заслуживало внимания только то, что получало одобрительную санкцию «Инвалида» – своего рода сертификат качества. Одним из факторов, спровоцировавших доселе вполне уверенно себя чувствующий официоз на шаги по укреплению своего авторитета, была конкуренция со стороны «Военного голоса». Редактор «Русского инвалида» упомянул о ней в годовом отчете об издании газеты: «Если к сказанному добавить, что общая пресса и вновь возникший “Военный Голос” постоянными нападками и грубыми выходками старались дискредитировать

[109] Там же. 29 апреля.
[110] Там же. 5 мая.
[111] Там же

правительственный военный орган, то станет ясным, насколько трудно было время, пережитое в отчетном году нашими изданиями»[112].

Насколько беспокойство редакции «Инвалида» имело под собой основания? На первый взгляд, официозу военного ведомства было нечего опасаться – ежедневный тираж «Русского инвалида» составлял порядка 85 тысяч экземпляров, тогда как «Военного голоса» – лишь 5 тысяч[113]. Однако если сравнить количество подписчиков, то можно увидеть уже вполне сопоставимые числа. На «Русский инвалид» в 1906 г. было подписано 6604 человек[114], тогда как число подписчиков «Военного голоса» постоянно росло, достигнув в итоге трех тысяч человек[115]. Нельзя также забывать, что многие выписывали «Русский инвалид» по служебной необходимости, в то время как подписка на «Военный голос» была делом абсолютно добровольным. Относительно скромный тираж не позволял, по примеру «Русского инвалида», буквально заполонить номерами «Военного голоса» офицерские собрания, казармы, штабы и военно-учебные заведения по всей России. При этом стремительное увеличение контингента преданных читателей «Военного голоса», очевидно, с сочувствием и интересом относившихся к высказывавшимся на страницах этой газеты идеям, не могло не беспокоить редакцию «Русского инвалида» и министерство. К наметившемуся конфликту между «Военным голосом» и администрацией предстоит вернуться позднее. Сейчас же необходимо затронуть еще один значимый сюжет. Как «Военный голос» встретил Государственную думу – орган народного представительства, на которое он возлагал столько надежд.

«Военный голос» приветствовал Думу в самой торжественной, ликующей риторике. Причем авторы газеты не ограничивались прозой. Помощник

---

[112] Доклад Комитета по образованию войск о программе газеты «Русский инвалид»… // РГВИА Ф. 400 оп. 3 д. 2892. Л. 7. Об.
[113] Военная энциклопедия под ред. В. Ф. Новицкого в 18-ти т. 1911–1915. Т. 6. М., 1912. С. 584.
[114] РГВИА. Ф. 400. оп. 3 д. 2892. Л. 9 об.
[115] Там же.

военного прокурора Варшавского военного округа, полковник М. К. Липкин, посвятил Государственной думе восторженные стихи:

Дума высокая, Дума народная,
Сила великая, Правда грядущая,
Совестью чистая, мыслью свободная,
К жизни и к свету, и к миру зовущая!
Скоро взойдешь ты, как солнышко красное,
Встанешь над Русью желанное, ясное,
Скоро услышишь мольбу нашу слезную –
Тучу рассеешь томительно грозную
Смуты пошли на Руси небывалые;
Братья на братьев войной ополчаются;
Крови-то, крови! Что реченьки алые
С шумом зловещим кругом разливаются… (14 февраля)

Столь сентиментальное отношение к Думе можно было встретить далеко не в каждом либеральном органе «общей» прессы. В приуроченной к дате торжественного открытия Думы редакционной заметке с характерным заглавием «Великий день» говорилось: «Судьба благословила нас счастьем быть свидетелями первого созыва действительных народных представителей. Государственная дума была проектирована Сперанским и едва не получила осуществления в жизни, без малого, сто лет тому назад, и сколько поколений мечтало об этом счастье для народа, боролось за него и гибло в числе лучших своих людей?!..» (27 апреля). Событию придавался по-настоящему эпохальный пафос. Не лишним будет отметить и то, что газета в очередной раз продемонстрировала свою приверженность мифологии «освободительного движения». Далее в статье развивалась мысль о том, что армия не может быть равнодушна к созыву парламента: «Воистину великий день!.. Как же должна отнестись армия к этому событию? – Мы ставим этот вопрос не для того,

чтобы и своим голосом принять участие в общем хоре народной радости. Современная армия, при всеобщей воинской повинности, есть плоть от плоти и кость от кости народа. Она есть его общее достояние, без различия классов, состояний и национальности. Если можно говорить о беспартийности армии при установившемся уже прочно конституционном режиме, то возможно ли требовать безучастного отношения ее к великому моменту, когда совершается перелом всей государственной жизни, когда народ, с которым она неразрывно связана всеми фибрами своего существования, возрождается от бесправной и подавленной произволом бюрократии жизни к свободе и власти распоряжения своими судьбами?... <…> Мы убеждены, что влияние этих плодотворных начал отразится и на армии, что исчезает у нас, как и в других свободных государствах, противоположение армии и народной свободы, и что наша армия будет конституционной и проникнется любовью и уважением к свободе граждан. Мы надеемся, что армия будет избавлена навсегда от унижающего, развращающего и деморализующего ее влияния внезаконных (так в тесте – А. Ф.) экзекуций, и что ей дана будет возможность, как народной армии, действительно посвятить себя истинному ее назначению – подготовке к защите народной чести, целости и независимости государства от внешних посягательств». (27 апреля).

В другой редакционной заметке выдвигалось пользовавшееся в то время огромной поддержкой в либеральных и левых кругах требование амнистии для политических заключенных и лиц, сосланных в административном порядке: «Россия вступила окончательно и бесповоротно на новый жизненный путь. <…> Пожелаем, чтобы светлый народный праздник был днем освобождения страдающих за те идеалы, близкое осуществление которых стоит в неразрывной связи с созидательной работой народный избранников» (28 апреля).

Следует отметить, что еще за две недели до начала сессии Думы будущий парламентский обозреватель «Военного голоса», В. Н. Нечаев, предложил своего рода программу деятельности народного представительства. В начале

он с радостью констатировал свершившееся «обновление» государственного строя России: «Как бы ни ухищрялись сторонники старого режима воскресить любезную их сердцу крепостную Россию – она окончательно умерла 17 октября минувшего года, и никакой силе не удастся вычеркнуть этот день из русской истории. В тяжких, болезненных судорогах внешних неудач и внутренних потрясений зародилась новая, свободная Россия» (16 апреля). Далее он высказывал полное удовлетворение итогами выборов, которые прошли в тяжелейших условиях административного давления. По мнению автора, при таких обстоятельствах только «чудом» народ мог послать в Думу истинных представителей своих интересов, но «чудо это свершилось. Живое участие общественного мнения, голос независимой печати, сознание ответственности и честное отношение к делу выборщиков – дали нам большинство таких представителей в Думе, которые смогут, будем надеется, исполнить великую историческую роль, возлагаемую на них судьбой» (16 апреля). Для того, чтобы выполнить свою «историческую миссию», Думе следовало действовать в трех направлениях. Во-первых, она должна была обеспечить населению «гражданские права и свободы», обещанные манифестом 17-го октября. Ведь различные «временные правила», разработанные кабинетом Витте, «далеко не воплощали начала гражданской свободы». Во-вторых, Дума обязана была позаботиться об удовлетворении справедливых материальных нужд народа. Речь шла о крестьянстве, которое необходимо было дополнительно наделить землей за счет частных владельцев. Нечаев, разумеется, не стал вдаваться в экономические тонкости сложнейшего земельного вопроса, ограничившись риторикой, доказывавшей, что нравственный и патриотический долг народных представителей состоит в том, чтобы «поднять из нищеты огромное большинство народа». И, наконец, в-третьих, Государственная дума должна была способствовать «коренной реорганизации русского государства и общества на началах социальной правды и прогресса, согласно с христианскими и гуманитарными идеалами, которыми проникнуто подлинное русское миросозерцание» (16 апреля). Под

этой весьма общей риторической формулой подразумевалось очень многое: и создание «надежных» вооруженных сил, и контроль над расходованием бюджетных средств, и обеспечение эффективной фискальной политики, реформирование судебной системы, полиции и т.д. Чтобы иметь возможность заниматься столь обширным кругом вопросов, Государственной думе нужно «освободиться от тех пут и препонов, которыми ее успели уже окружить в виде разных временных и постоянных “узаконений”, от контроля Государственного совета, <…> от усмотрения по-прежнему всевластных и безответственных визирей-министров» (16 апреля). Из этого делался вывод: «Дума должна быть “Правительствующей”, для этого ей придется бороться за свои права, за возможность плодотворной и полезной работы, за окончательное уничтожение все еще существующего de facto средостения между монархом и народом». От итогов этой борьбы «зависела вся судьба» России (16 апреля).

Столь широкое видение задач Государственной думы вполне логично вытекало из идей, ранее высказывавшихся на страницах газеты. «Военный голос» изначально был уверен в историческом предназначении народного представительства. В заметке Нечаева эти взгляды лишь конкретизировались и развивались до логического конца. Конечно, смелая концепция «Правительствующей думы», которая должна, преодолевая «препоны», взять в свои руки решение всех важнейших государственных вопросов, не являлась изобретением «Военного голоса». Нечто подобное на практике пытались реализовать и сами депутаты.

Возвращаясь к открытию Думы, следует отметить репортаж редактора «Военного голоса» Шнеура, побывавшего 27 апреля у стен Таврического дворца. «Неизгладимо сильны были впечатления этого первого дня в русском парламенте. Но еще напряженнее – до невольных спазмов в горле, до слез в глазах – были они на улице. Народные представители, выйдя из Думы, шли мимо целой народной стены, откуда несся гул приветствий. Среди ликующего “ура” раздавались вопрошающие и требующие возгласы “Амнистия”! Целый ряд конных городовых и конных жандармов отделяли толпу против самого

дворца от выходивших депутатов, – и один из них вынужден был обратиться к народу с несколькими словами, что “об амнистии сказали”, и что об ней скажут государю. Далее депутаты идут прямо по улице и смешиваются с толпой, которая жадно ловит от них сведения о том, что было в Думе. Но вот опять толпа и крики у одного дома: это клуб Партии народной свободы. На балконе члены партии и депутаты, внизу – приветствия и опять же слово “Амнистия”. Выходит на балкон Н. И. Кареев и в краткой речи сообщает, что первым словом избранников народа было: “Амнистия, амнистия, амнистия”. На нетерпеливые возгласы: "А смертная казнь?” – профессор говорит, что и ее отмены Дума потребует в ближайшем будущем. <…> На балкон выходит крестьянин с энергичным лицом и говорит, что крестьяне поняли, что им “прежде всего нужна свобода”, что они “хотят быть не скотами, а гражданами”. Воодушевление растет, – и из толпы какой-то железнодорожный служащий просит народных представителей не забыть о пролетариате и говорит, что их, народных избранников, поддерживает весь Петербург, вся Россия. И в этом не может быть сомнений. Сегодня родившаяся Дума стоила слишком многих мук матери России, чтобы та отказалась от нее, не защитила бы свое так долгожданное детище» (28 апреля). Шнеур рисовал трогательную картину единения депутатов с народом.

Очень похожие по стилистике и настроению репортажи появлялись в «общей» прессе: «Уже к двум часам все прилегающие к зданию Думы места стали наполняться публикой. Особенно много народу расположилось на тротуаре против самого дворца. Настроение было самое благодушное. <…> Вдруг издали донеслось громовое ура. Стали подъезжать депутаты. Настроение сразу переменилось. Толпа всей массой бежала навстречу народным избранникам и радостно их приветствовала. Скоро вся площадь перед дворцом была сплошь запружена народом. Стояли на оградах, в окнах, на крышах, прорвались в самый двор Думы. Получилась величественная, грандиозная картина. Одни клики сменялись другими; восклицания, возгласы, приветствия – все это слилось в один могучий гул. С восторгом встречали

каждого депутата, но особенные овации устроили “любимцам” – Ф. И. Родичеву, С. А. Муромцеву, Н. И. Карееву, проф. Петражицкому, крестьянину Назаренко и др.» – передавал корреспондент газеты «Голос»[116]. Корреспондент «Страны», помимо ликования, испытал трепетное беспокойство («материнский страх») за депутатов: «Я видел это, я пережил это настроение. Когда пароходик финляндского пароходства отвалили от Дворцовой набережной и полным ходом пошел вверх по Неве, когда в толпе на набережной раздались громкие крики: “депутаты! депутаты!” – единодушное “ура!” всех стоявших на берегу слилось с ответным “ура!” с пароходика и с обеих сторон замахали шляпами и платками. Я смотрел на эту переполненную людьми паровую лодку и испытывал еще неизведанное ранее чувство страха: так мать дрожит и безумно волнуется за дорогое дитя, попавшее в действительную или мнимую опасность. Ведь какая-нибудь оплошность шкипера, неловкий поворот у мостовых устоев, какая-нибудь неисправность парового котла, и несчастная случайность омрачит этот светлый день»[117].

Что можно сказать о том, как в «Военном голосе» освещались заседания Государственной думы? Представители левого крыла Думы – трудовики и социал-демократы на страницах «Военного голоса» представали в качестве положительных персонажей. Им почти всегда давалась положительная характеристика, их речи очень часто подробно пересказывались или цитировались: «Депутат Жилкин, в противоположность прочим ораторам, говорит выразительно и внятно» (23 мая); «Деп. Жилкин в прочувствованной речи выражал ту дрожь негодования, которую вызывают <…> действия бюрократии, подавляющей не только движение к свету, к свободе, но и готовой топтать самую жизнь человеческую»; «Существенную поправку предлагает внести депутат Заболотный» (5 мая); «Депутат Жилкин в прочувствованной речи выражает ту дрожь негодования, которую вызывают

[116] Голос. 1906. 28 апреля.
[117] Страна. 1906. 29 апреля.

<…> действия бюрократии»; «Рабочий Михайлеченко напомнил, что вчера Думе предлагали оранжереи и прачечные строить, а на голод денег нет, и обрисовывал трагическое положение народного представительства, вчера заявившего министрам, “чтоб ушли долой”, а сегодня к ним же вынужденного обратиться “пособите пожалуйста”» (17 мая); «Слово дается <…> депутату С. В. Аникину. Он произносит живую и интересную речь в защиту начал проекта (земельной реформы – А. Ф.) трудовой группы» (28 мая); «В сильной, как всегда <…> речи лидер трудовой группы Аладьин старался проследить, насколько “законность”, к которой апеллирует военное министерство, проникает в его собственную деятельность» (2 июня); «Интересная речь депутата Аникина рисует постепенное развитие идеи организации в крестьянской среде, те различные формы, в которые выливалась потребность в организации крестьянского мнения и те нецелесообразные и жестокие гонения, которым они подвергались со стороны администрации…»; (16 июня).

Пожалуй, даже с большей симпатией «Военный голос» относился к ораторам Конституционно-демократической партии и близких к ней групп: «На трибуну выходит депутат Петрункевич и произносит длинную, но весьма интересную и содержательную речь» (24 мая); «Он (проф. Щепкин – А. Ф.) говорит, что для Думы амнистия – не простая милость по случаю праздника, а вопрос принципиальный» (3 мая); «Наиболее удачный комментарий к нему (ответному адресу Думы – А. Ф.) был дан деп. Щепкиным (Одесса), ярко нарисовавшим ряд антитез к его положениям» (4 мая); «Первым ответ министерству дает В. Д. Набоков, в необычайно спокойной, выдержанной, строго парламентской речи»; «Деп. Щепкин, Кокошкин, М. Ковалевский разъяснили и напомнили министерству, что оно не знает того, что знает студент-юрист I курса»; «Горячая речь М. М. Винавера с негодованием и скорбью говорила о той “фигуре умолчания”, которым встречено было требование Думы о равноправии всех граждан»; «Наибольшее, быть может, впечатление произвела веская, сильная речь М. М. Ковалевского» (14 мая); «М. М. Ковалевский приветствуя законопроект (о неприкосновенности

личности – А. Ф.), как заслуживающий внимания и передачи в комиссию, прочел интересную лекцию о той гарантии, неприкосновенности личности, которая возникла в 1215 г. в Англии и о той связи, которую она имеет с вопросом о порядке привлечения к ответственности должностных лиц» (16 мая); «Всем этим возражениям (против принудительного отчуждения частновладельческих земель – А. Ф.), как и раздавшимся на предыдущем заседании отвечал блестящей речью М. Я. Герценштейн» (19 мая); Характеристика выступления Ф. Ф. Кокошкина: «Оратор в чрезвычайно умелой и убедительной по логике речи…» (27 мая); «С глубоким возмущением и силой произносит речь депутат Родичев» (4 июня); «На трибуне появляется Родичев и в Думе воцаряется полная напряженного внимания тишина, в которой слышен лишь его голос, лишь проникновенные слова оратора “милостью божьей”»; «Деп. Петражицкий в очень остроумной речи говорит о женском равноправии» (7 июня); «Деп. Родичев в живой и сильной речи указал, что министр не дал надлежащего объяснения по существу, заменив их заявлением о проступках известных лиц, между тем вопрос стоит о судьбе социального мира и спокойствии России»; «Первым очень обстоятельно, спокойно и компетентно возражал министру (внутренних дел П. А. Столыпину – А. Ф.) деп. кн. Урусов, бывший губернатор и товарищ министра внутренних дел» (10 июня); «Депутат Кокошкин, возражая Стаховичу, произносит блестящую речь, несколько раз прерываемую бурными аплодисментами» (1 июля).

Одним из главных положительных героев в думских репортажах «Военного голоса» стал упоминавшийся ниже генерал-майор и противник смертной казни В. Д. Кузьмин-Караваев: «Деп. Кузьмин-Караваев в блестящей речи развивает необходимость отмены смертной казни, в чем выразил сомнение депутат Способный (г. Екатеринослав)» (4 мая); «на кафедру всходит проф. Кузьмин-Караваев и в красивой и убедительной своей правдивостью речи разбирает означенный (о замене главным военным судом каторжных работ смертной казнью – А. Ф.) вопрос с юридической стороны»

(17 июня); «В спокойной, фактической речи В. Д. Кузьмин-Караваев прежде всего оказывает, что объяснение не дает ответа на запрос» (1 июня).

Отрицательными персонажами репортажей «Военного голоса» закономерным образом стали думские правые – сначала быстро распавшаяся группа Ерогина, а затем граф П. А. Гейден и его единомышленники. Представители первой своим дерзким вмешательством попытались нарушить идиллическую картину единодушного одобрения Государственной думой проекта ответного адреса: «Ввиду той тщательности, с которой была выбрана комиссия по составлению ответного на тронную речь адреса, введения в нее представителей всех существующих партий и групп, выработанный ею проект не встретил принципиальной и сколько-нибудь резкой оппозиции» – заявлял корреспондент «Военного голоса». Однако далее он писал: «Некоторым проявлением этой оппозиции, быть может надо считать заявление 43 крестьян, просивших отменить обсуждение адреса, так как “без предварительного обсуждения на дому они лишены возможности сознательного к нему отношения”. По требованию Думы были оглашены подписи под этим заявлением, – и Дума многозначительным шумом отметила присутствие среди них имени небезызвестного г. Ерогина. Некоторое указание на принципиальную отчужденность этой группы от мыслей адреса дала речь одного из подписавших заявление – крестьянского депутата Моск. губ. г. Ильина, который, иронизируя над ораторами, считающими себя представителями сразу 100-миллионного населения, говорил от имени только своей губернии и уверял что, “там ничего этого нет”, что его отправили с наказом “водворить мир и спокойствие”». Сторонников Ерогина в репортаже «Военного голоса» немедленно осадили другие депутаты из крестьян: «Ряд крестьянских депутатов восстал против всякой отсрочки в таком важном деле, указывая, что все насущные нужды каждому давно должны быть известны. “А кто не понимает”, – проиронизировал (так в тексте – А. Ф.) один украинский депутат, – “Нехай потом разгадает”» (4 мая). Выступления графа Гейдена часто сопровождались критическими комментариями и негативными

оценками: «Немало времени отняли в настоящем заседании споры о том надо ли в законодательных предложениях печатать тексты статей законов, предполагаемых к отмене, а также пререкания графом Гейденом, который по незнакомству с проектом (закона о неприкосновенности личности – А. Ф.), не соглашался не только рассматривать его, но и обсуждать, передавать ли его в комиссию» (13 мая); «Гр. Гейден протестует даже против последнего решения Аладьина (о передаче запроса в комиссию – А. Ф.) (27 мая).

Однако главными антигероями парламентских репортажей «Военного голоса» являлись выступавшие в Думе представители исполнительной власти. На первой странице номера за 14 мая вышла редакционная заметка, в которой выражалось негодование по поводу содержания оглашенной в Думе декларации Совета министров: «Заявление 13 мая Совета министров, служащее ответом на адрес Государственной думы на приветственное слово государя императора, произвело ошеломляющее впечатление… <…> Министерство Горемыкина, которое, по общему мнению, является только временным, переходным выразило “готовность оказать полное содействие” Государственной думе и указывает ей “пределы предоставленного ей законодательного почина”, пределы “допустимого и недопустимого”. Роли, очевидно, переменились, и народным представителям предлагается в интересах “мирного течения государственной жизни” раньше всего “вооружить административную власть” особыми полномочиями». Редакция «Военного голоса» не могла отдельно не прокомментировать слова декларации Совета министров, касающиеся армии: «Не забыло высшее бюрократическое учреждение и войско, в котором, по его мнению, “с давних пор установлены на незыблемых основаниях” “начала справедливости и права”. Необходимо только “улучшить материальный быт всех чинов армии и флота”, для чего уже “изыскиваются меры”. Отметим раньше всего то, что такой идиллический отзыв со стороны бюрократии раздался как раз в годовщину Цзинчжоуского поражения и накануне годовщины знаменательной Цусимы». Предполагалось, что для читателя должна быть

вполне очевидна вопиющая нелепость слов о том, что в армии «на незыблемых основаниях» установлены «начала справедливости и права». Газета, с первого дня своего существования твердившая о необходимости широкомасштабной военной реформы, не могла оставить и заявление о том, что для удовлетворения нужд армии нужно только улучшить материальное положение ее чинов. Для того, чтобы усилить гротескность картины корреспондент Военного голоса добавил, что все это было сказано накануне годовщины Цусимского сражения.

Наибольшее внимание «Военный голос» уделил выступлениям в Думе главного военного прокурора, генерал-лейтенанта В. П. Павлова. Павлов, по поручению военного министра (не желавшего лично показываться в Думе), дважды выступал перед народными представителями, отвечая на запросы о вынесении смертных приговоров. Пользовавшийся репутацией «палача» и убежденного реакционера он неизменно подвергался в Думе обструкции. В конфликте между представителем военного ведомства и депутатами «Военный голос» безоговорочно встал на сторону последних. «Ген. Павлов кончает (свои объяснения – А. Ф.) при полном молчании, но, когда он, поспешив немедленно уйти из залы заседания, направляется к выходу, раздаются одиночные возгласы: “убийца, палач, долой убийцу”». О сути объяснений Павлова умалчивалось, зато слово предоставлялось его оппонентам: «В крайне нервно-напряженной атмосфере ряд народных представителей дает надлежащую отповедь ушедшему генералу и тем, кого он представляет». Главным обвинителем Павлова и военного министерства выступил один из главных положительных героев – Кузьмин-Караваев: «В. Д. Кузьмин-Караваев прежде всего доказывает, что объяснение не дает ответа на запрос. <…> Нет, закон не только давал право, но обязывал его (военного министра – А. Ф.) вмешаться, военный министр обязан был снестись с губернатором – юридических препятствий к этому никаких не имеется. Не сделав этого, военный министр своей деятельностью показал – я не смею сказать какое – отношение к Государственной думе (продолжительные

шумные аплодисменты)»[118] (2 июня). Когда Павлов во второй раз получил слово, ему так и не удалось ничего сказать – в зале поднялся шум, на прокурора со всех сторон сыпались оскорбления, заседание было сорвано. Корреспондент «Военного голоса» воспользовался этим для того, чтобы намекнуть на то, что у генерала Павлова нет чести, поскольку он не отреагировал на оскорбления: «К офицерам обращаются за разъяснением, допускает ли офицерская честь игнорирование оскорблений, подобных тем, какие генерал Павлов получает от народных представителей? Офицерам приходится сознаться, что тонко развитое чувство чести не позволяет некоторым мириться с оскорблениями даже хулиганов – от народных же представителей, от лучших людей первому пришлось получать оскорбления главному военному прокурору – прецедентов этому не было» (20 июня). Особая неприязнь «Военного голоса» к Павлову объясняется тем, что сотрудники редакции из числа служащих военно-судебного ведомства, очевидно, не приветствовали политику своего начальника. Даже военный министр А. Ф. Редигер вспоминал, что генерала Павлова не пользовался уважением и любовью подчиненных[119].

В «Военном голосе» очень подробно освещались думские прения о еврейском погроме в Белостоке. Это было связано с тем, что, согласно распространенному мнению, ключевую роль в белостокских событиях сыграли войска местного гарнизона, попустительствовавшие толпе или даже участвовавшие в погроме. Этот привлекший внимание депутатов инцидент стал для «Военного голоса» очередным примером вовлечения армии в политическую борьбу правыми силами. Поэтому газета во всех подробностях передавала «обличительные» речи депутатов. Член думской комиссии по расследованию обстоятельств Белостокского погрома Е. Н. Щепкин в своем

[118] Среди депутатов установилась точка зрения, согласно которой раз вопрос об отмене смертной казни «принципиально предрешен народным представительством», то исполнительная власть обязана сделать все от нее зависящее для недопущения, если не вынесения, то приведения в исполнение смертных приговоров. К этому ее, по мнению депутатов, должны были обязывать долг совести и уважение к воле народа, выраженной через его представителей.

[119] Редигер. А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2-х т. Т. 2. М., 1999. С. 53.

докладе, не жалея сил, разоблачал местные военные власти. Его слова заняли центральное место в репортаже «Военного голоса» о заседании Думы 23 июня: «Есть сведения, что начальник дивизии и его начальник штаба устранили от власти губернатора. Есть показания солдат, что в полках Углицком и Владимирском заранее велась агитация. Накануне событий 31 мая солдаты уговаривали знакомых евреев уехать из города. Командир 13-ой роты говорил, собрав солдат, что весь вред от евреев и что аграрный вопрос не разрешится, если не перебить евреев. Участие солдат в погромах удостоверено, но они делали это под начальством нижних чинов полиции и офицеров. Существует военный закон, что воины не имеют права исполнять незаконного приказания. Конечно, офицеры не могли не знать, что расстрелы есть беззаконие. Войска утратили сознание законности, благодаря карательным экспедициям и расстрелам. Как стараются обмануть своего государя высшие военные начальники, видно из донесений» (24 июня). Корреспондент «Военного голоса» конечно же не обошел вниманием и знаменитую речь С. Д. Урусова, о которой ни словом не обмолвился «Русский инвалид» (10 июня), без искажений смысла, хотя и кратко, была пересказана речь депутата Левина (27 июня).

Однако, не на все речи, в которых обвинялись армия, «Военный голос» реагировал положительно. Другой докладчик комиссии по расследованию обстоятельств погрома – В. Р. Якубсон – сделал следующее оскорбительное для военных заявление: «Я смело могу сказать, что русско-японская война оказала скверную услугу нашим войскам, она научила их бояться выстрелов»[120]. Корреспондент «Военного голоса» дал Якубсону негативную характеристику: «На трибуну входит г. Якубсон. Якубсон обещает быть кратким и не говорить о подробностях, но говорит очень долго и с большим пафосом, видимо, стараясь анервировать (так в тексте – А. Ф.) слушателей и произвести впечатление» (25 июня). Якубсону стал отвечать участник Русско-

[120] Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв I. Сессия I. Т. II. СПб., 1906. Стб. 1637.

японской войны, артиллерийский офицер в отставке В. К. Федоровский. Ему в «Военном голосе» давалась уже совершенно иная «аттестация»: «На трибуну поднимается Федоровский. Спокойным, выдержанным тоном он делает добавления с сказанному докладчиками и говорит, “что в видах справедливости и истины“, надо считаться с тем, что свидетели опрошены только с одной стороны – со стороны потерпевшей. Противная сторона, сторона, обвиняемая в преступлении, не допрошена, она даст свой ответ, когда будет давать объяснения по настоящему вопросу… <…> Затем оратор переходит к оценке действий военных – он спокойно и деловито говорит о том, что нельзя обобщать отдельные факты, перенося ответственность за действия нескольких на всех…» (25 июня). Примечательно, что в подтверждение тезиса о том, что ответственность за погром нельзя возлагать на всю армию, Федоровский процитировал письмо офицера, присланное в редакцию «Военного голоса». В нем говорилось: «если такие выродки-офицеры, убивающие беззащитных женщин и наполняющие карманы грабленными (так в тексте – А. Ф.) духами, существуют – пусть они несут строжайшее – вплоть до виселицы, ибо даже честно солдатской пули подобные субъекты недостойны – наказание» (13 июня). В репортаже «Военного голоса», Федоровский в качестве положительного героя (к тому же читателя газеты) опроверг и слова о том, что армия стала бояться выстрелов: «Дальше оратор выступает защитником чести армии, возражая на обвинения Якубсона, будто бы “русское войско начало бояться выстрелов”. Он горячо говорит: “Я убежден, что эта фраза совершенно не отвечает истине, и уверен, что большинство из господ здесь присутствующих, считая себя членами русского народа, бережнее отнесутся к имени того славного войска, которое некогда в суворовские времена покрыло всемирной славой свое имя”» (25 июня). Якубсону пришлось публично отказаться от своих слов, но вынудил его к этому вовсе не Федоровский, а М. А. Стахович – один их лучших думских ораторов. Однако даже это выступление политически чуждого Стаховича,

представлявшего правое крыло Думы, не удостоилось в «Военном голосе» подробного освещения[121].

Многие либеральные и левые газеты в своих репортажах из Таврического дворца расставляли акценты схожим образом. Очень схожие в газете «Наша жизнь», бывшей в целом левее кадетской прессы: «Особенно удачной была речь Кокошкина. Она была чрезвычайно содержательна. Оратор остроумно показал полную несостоятельность заявления министерства в его понимании основ права. Особенно ярко эта неосведомленность обнаружилась в вопросе о принудительном отчуждении земли»; «Говорили хорошо Винавер, Щепкин. Даже гр. Гейден решительно осудил правительство». «Чрезвычайно сильное впечатление произвела просто, чисто по-крестьянски сказанная речь Лосева»; «За речью Родичева следовала речь представителя трудовой группы С. В. Аникина. Его сильная речь была обращена к министерству от имени крестьян»[122]. Сочувствовавший не только «Партии народной свободы», но и более левым политическим силам, «XX век» встретил Государственную думу помещением на первой странице номера от 27 апреля партитуры «Гимна избранникам русского народа»[123]. Газета симпатизировала тем же группам депутатов, что и «Военный голос»: «Сильнейшее впечатление произвела речь депутата проф. Ковалевского. Он указал, что собранная по воле государя Государственная дума состоит главным образом из землевладельцев. Они свидетельствуют о требующей немедленного удовлетворения земельной нужде народа. И этим землевладельцам министерская декларация заявляет, что “право собственности неприкосновенно”»; «Символическая повесть о Самсоне в оригинальном простонародном рассказе (депутата Лосева – А. Ф.) произвела сильное впечатление на всех депутатов, журналистов, сенаторов и членов Государственного совета. Министры отсутствуют все до единого и не

[121] Публичные извинения, принесенные с думской кафедры, не спасли Якубсона от тяжелых последствий. Он получил несколько вызовов на дуэль от офицеров. Наиболее настойчиво требовал удовлетворения поручик Смирновский, секунданты которого направили письмо в редакцию «Нового времени». До поединка дело, впрочем, не дошло. Инцидент был исчерпан после того, как Якубсон, продемонстрировав готовность принять вызов, еще раз публично покаялся на страницах печати.
[122] Наша жизнь. 1906. 14 мая.
[123] XX век. 1906. 27 апреля.

слышали этой повести»[124]. Леволиберальная «Страна» симпатизировала примерно тем же группам депутатов, что и «Военный голос»: «Говорит г. Аладьин и говорит красиво, умно», «Говорит М. Ковалевский. Речь его простая, без всякой примеси громких фраз. Он разъясняет сущность Государственного совета, его роль и обязанность»[125]; «Г. Аладьин указывает на то, что в проекте адреса мало говорится о рабочих. Между тем, рабочие в городе заслуживают того, чтобы в ответной речи Думы было много высказано и сильно подчеркнуто то, что они сделали для освободительного движения, те жертвы, которые они принесли ему. А в проекте о рабочих говорится только в шести строках. Это глубокое недоразумение»[126]. Не симпатизировала газета и «правой» группе графа Гейдена: «Начинает говорить граф Гейден. Многие депутаты встают и уходят…»[127].

«Военный голос» последовательно поддерживал Государственную думу, не начав, по примеру многих, разочаровываться в ней по прошествии эйфории первых дней. Редакция газеты решительно встала на защиту Думы от нападок скептиков: «Едва ли когда-нибудь в истории народов первый собиравшийся парламент проявлял столько единодушия, сознательности и умения работать: ужасы пережитого, горе и слезы народа закалили его бойцов, научили их отличать личное от общего, важное от второстепенного. В такое время грешно и безумно мелкими придирками мешать творческой, самоотверженной и идейной работе народных избранников» (9 мая). Думский корреспондент «Военного голоса» В. Н. Нечаев с радостью комментировал включение в состав думского ответного адреса слов о необходимости «укрепления в армии начал справедливости и права»: «Ожидания наши, ожидания многих оправдались и притом гораздо быстрее, чем на это можно было рассчитывать <…> народные представители не забыли об армии» (13 мая).

[124] Там же. 14 мая.
[125] Страна. 1906. 5 мая.
[126] Там же. 4 мая.
[127] Там же. 5 мая.

Когда обнаружилось, что по истечении первого месяца работы Думой не был принят или разработан ни один законодательный акт, тот же Нечаев объяснил это тем, что все силы народных представителей уходили на борьбу с занявшим враждебную позицию и не желавшим уходить в отставку правительством. О критике депутатов не могло быть и речи. Виновницей временного бессилия Думы объявлялась все та же бюрократия: «Дума просит “первого залога взаимного понимания и согласия” (амнистии – А. Ф.) – и взамен того, после усиленных запросов и просьб, узнает о новых жертвах суровой до беспощадности репрессии. В ответ на стройную программу пожеланий получается сухая менторская критика, скаредно урезанный счет, в котором наиболее задушевные мечты зачеркиваются с безжалостностью решительного – “никогда”, “недопустимо”. При таком разногласии с “исполнительной властью”, Дума видит, что работать с ней невозможно и требует “рассчитать прислугу”, но она остается на своем месте. Дума хочет, по крайне мере, скорей работать и просит поскорее разрешить болезненно-живо интересующей ее вопрос, но нам требуется никак не менее месяца для обсуждения того, что уже давно решено наукой и укладывается в две статьи закона. Дума просит оградить ее от оскорблений (имеется в виду размещение в «Правительственном вестнике» адресов на имя императора от правых организаций – А. Ф.), ей отвечают, что это не ее дело» (30 мая).

Роспуск Думы был закономерно воспринят «Военным голосом», как крушение надежд и торжество бюрократии. В одной из заметок с трагическим заголовком «Без Думы» говорилось: «Сегодня минул месяц с того дня, когда Россия узнала с величайшим удивлением, что она осталась без народного представительства, что власть опять всецело перешла в руки бюрократии. Те же руки, которые привели нас к ужасам двух последних лет: к Мукдену, Артуру и Цусиме, к погромам и внутренней войне, те самые, которые довели великое государство до обнищания, позора и до неслыханной смуты» (9 августа). В другом материале корреспондент Нечаев объяснял причину роспуска: «…Дума была неуважительна; она устами своих лучших ораторов

разоблачала всю пустоту и бессодержательность министерских мыслей, она раскрывала тайны департаментских канцелярий; в ней раздавались крики: в отставку; она не дала слова генералу (Павлову – А. Ф.), в котором для нее олицетворялась вся злоба и мстительность отжившего порядка» (11 августа).

«Военный голос» выступал за то, чтобы военные, находящиеся на действительной службе, могли избираться в парламент – только так в нем смогут получить отражении интересы армии. Именно эту мысль защищал в серии статей «Правое положение военнослужащих», а также в отдельной брошюре «Политические права военных» А. В. Таваcташерна (Сандр). Его тезис состоял в том, что для ограждения армии от партийной борьбы достаточно лишения военнослужащих активного избирательного права (и то лишь тогда, когда они находятся при исполнении служебных обязанностей – в отпуску голосовать можно). Предоставление же военнослужащим права быть избранными в законодательные учреждения принесет государству исключительную пользу: «Допущенные к созидательной государственной деятельности, участвующие в законодательной функции (так в тексте – А. Ф.) военнослужащие неизбежно будут оберегать от всяких покушений ту конституцию, над усовершенствованием которой они сами трудились <…>, если в интересах государственных необходимо ограничить избирательное право военнослужащих, то это ограничение может быть направлено только на активное избирательное право, что же касается пассивного права, то оно не только не может представлять опасности для армии, но, напротив того, представлять значительные выгоды в интересах государства и самой армии»[128]. Для придания дополнительного веса этому суждению использовалась ссылка на авторитет французского правоведа Адемара Эсмена, указывавшего, что «интересы армии буду гораздо полнее представлены, если в составе парламента будут люди, понимающие быт и потребности армии»[129]. К брошюре прилагался перевод речи во французской

[128] Политические права военных. СПб., 1906. С. 15, 22.
[129] Там же. С. 22.

палате депутатов другой авторитетной знаменитости – не ученого, но зато героя Франко-прусской войны – полковника Данфер-Рошро. Как несложно догадаться, он тоже высказывался за предоставление военным права участия в деятельности законодательных учреждений[130].

Существовали ли военные издания, занимавшие сходную с «Военным голосом» политическую позицию? В какой-то мере это относилось к выходившему в Варшаве журналу «Офицерская жизнь». В первом выпуске этого еженедельного журнала, заменившего «Листок экономического общества офицеров варшавского гарнизона», говорилось: «мы думаем, что сложная работа по переустройству армии не может совершаться только в кабинетной тиши, нередко лицами, чуждыми той обстановке и тех условий жизни, при которых придется применять выработанные ими нормы, правила, положения и проч.»[131].

«Офицерская жизнь» так же пристально следила за деятельностью Государственной думы. Например, журнал с удовлетворением отмечал, что в проект текста думского ответного адреса были внесены поправки, затрагивавшие армию: «Выработанный комиссией проект совершенно не затрагивал вопросов, касающихся непосредственно армии и флота, но в окончательной редакции в него внесены две поправки. Первая устанавливает необходимость ответственности всех министров, т. е. и военного, и морского и иностранных дел, а вторая формулирована (так в тексте – А. Ф) следующим образом: “памятуя о тяжелом бремени, которое народ несет в армии и флоте вашего величества, Государственная дума озаботится укреплением в армии и флоте начал справедливости и права”»[132]. В заметке о знаменательном заседании Думы 13 мая кратко пересказывались основные положения декларации Совета министров, а затем приводился полный текст принятой депутатами «резолюции», в которой выражалось недоверие правительству[133].

---

[130] Там же. С. 31–35.
[131] Офицерская жизнь. 1906. № 1. 13 марта. С. 2.
[132] Там же. № 10. 15 мая. С. 130.
[133] Там же. № 12. 29 мая. С. 172.

Помещались в «Офицерской жизни» и стенографические отчеты о заседаниях Государственной думы – роскошь, которую не мог себе позволить «Военный голос» ввиду недостатка места. Ведущий публицист «Офицерской жизни» посвятил одну из своих статей преимуществам парламентаризма: «Посредством системы парламентаризма изобретательный гений человечества сумел свести беспорядочную и опасную классовую и партийную борьбу к мирному словесному турниру парламентских ораторов и к подсчету затем числа голосов. Парламент – это регулятор и предохранительный клапан, который имеет своей целью предотвращать анархическую распрю в недрах самого общества. Значение парламентаризма возвышается еще и тем, что, давая возможность представителям всех партий работать совместно для блага родины, он развивает в населении сознание общественной солидарности и является поэтому чрезвычайно могущественным воспитательным средством; он служит настоящей школой благороднейшего патриотизма и любви к отечеству»[134].

«Военный голос» достаточно быстро начал вызвать раздражение военных и гражданских властей. Уже 2 марта 1906 г. главнокомандующий войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа великий князь Николай Николаевич обратился к министру внутренних дел П.Н. Дурново с просьбой «принять меры» для изменения названия газеты «Военный голос»[135]. Мотивировалось это тем, что газета освещает общественные вопросы «в духе нежелательном с чисто военной точки хрени», а ее названием могут быть «соблазнены» не догадывающиеся о вредном направлении издания военнослужащие[136]. Главное управление по делам печати указало, что по закону газету невозможно заставить сменить свое название[137]. Однако с этого момента «Военный голос» оказался под пристальным наблюдением цензурного ведомства. Давление на редакцию нарастало. Санкт-

[134] Там же. № 24. 14 августа. С. 366.
[135] Об издании в городе Санкт-Петербурге газеты "Военный голос" // РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 63. Л. 1.
[136] Там же.
[137] Там же. Л. 3.

Петербургский комитет по делам печати стремился отыскать предлог для уголовного преследования редактора «Военного голоса». С мая по август 1906 г. Комитет по делам печати трижды выходил с представлениями о привлечение к ответственности редакторов «Военного голоса» (сначала В.К. Шнеура, а затем П.А. Коровиченко) по ст. 129 Уголовного уложения – о публичных призывах к «бунтовщическим деяниям» или «ниспровержению государственного строя». В первом случае основанием послужили выдержки из номера радикальной газеты «Народный вестник», помещенные в рубрике обзор печати[138]. В дальнейшем внимание Комитета привлекла опубликованная в «Военном голосе» заметка «Общество и офицеры»[139]. Хотя призывов к бунту в ней не содержалось, анонимный автор поднимал политически чувствительную для властей тему враждебности общества к офицерам из-за их руководства подавлением революционных выступлений. Автор предлагал избавить армию от исполнения полицейских функций ради сохранения престижа военного мундира (4 июля). Поводом для третьей попытки стала статья «Международное положение России и постоянная армия» (4 августа), в которой так же среди прочего говорилось о недопустимости использования войск в качестве полицейской силы[140]. Прокурор Санкт-Петербургской судебной палаты всякий раз не давал обвинению хода, не усматривая для этого достаточных законных оснований. Но в распоряжении властей имелись и внесудебные инструменты.

Газета «Военный голос» всего на два месяца пережила Государственную думу I созыва. Военное министерство пустило в ход административные рычаги. В начале июля вышел циркуляр Главного штаба, в котором говорилось, что статьи «Военного голоса» «могут произвести впечатление на молодых офицеров и тем способствовать уклонению их от служебного долга». В связи с этим предлагалось принять меры для того, чтобы «ограничить

[138] Там же. Л. 5.
[139] Там же. Л. 12.
[140] Там же. Л. 18 об.

распространение газеты среди нижних чинов» (sic!). В чем же заключались эти меры? Для ограждения «нижних чинов» от дурного влияния «Военный голос» запрещалось выписывать в библиотеки офицерских собраний (2 июля). Текст циркуляра только на первый взгляд кажется абсурдным. Дело в том, что Военное министерство не имело права напрямую запретить офицерам читать «Военный голос» (как и любое другое легальное издание). Для того чтобы все-таки помешать распространению газеты в войсках, министерству пришлось пойти на юридическую уловку. Офицеры, конечно, могли продолжать выписывать «Военный голос» в индивидуальном порядке, однако посыл циркуляра был ясен – газета объявляется «вредной», и ее чтение начальство признает нежелательным.

«Военный голос» отозвался на появление циркуляра статьей «Кому и почему мы неугодны?». Это был своего рода политический памфлет. Военное ведомство и лично министр Редигер выставлялись в самом негативном, уничижительном свете: «Мы неугодны г. военному министру потому, что прямо и косвенно неустанно повторяем, что он не хозяин у себя дома, в армии, в военном ведомстве. Его генералами, его офицерами, судами и войсками распоряжается министерство внутренних дел. <…> мы неугодны военному министру потому, что мы высказываемся за полноту его власти, за фактическое, а не фиктивное представительство им интересов армии и обороны государства, потому что мы требуем подчинения ему управления Генерального штаба и не просто присутствования (так в тексте А. Ф.) его в совете обороны, а роли деятельного члена, производителя и представителя его в палатах. Мы неугодны военному министру потому, что мы желаем его ответственности перед страной, включением его в Совет министров, так как в этом его сила, а не бессилие. Мы неугодны военному министру потому, что непрестанно побуждаем его к делу, требуем серьезной коренной реформы армии… <…> И мы неугодны военному министру потому, что смеем говорить – и будем говорить! – что в наше серьезное время всеобщего обновления во главе военного управления не место посредственным и бездарным людям, без

великих идей в голове, без “Святого духа” в сердце… Что те, кого эта пора застала “не на месте” – должны уйти» (4 июля).

Точных данных о том, насколько уменьшилась читательская аудитория газеты вследствие принятых министерством мер, не имеется. Однако циркуляр не мог привести к немедленному краху «Военного голоса». Газета продолжала выходить, ничуть не изменив своего «направления», и потому представляла, во всяком случае, потенциальную угрозу. Противостояние могло затянуться надолго, если бы в распоряжении властей не было более радикального средства. В начале сентября военный министр обратился к петербургскому градоначальнику с просьбой воспользоваться чрезвычайными полномочиями, которыми он был обличен в силу того, что город находился на положении усиленной охраны, и приостановить издание «Военного голоса». Градоначальник незамедлительно исполнил волю министра. Последний (196-ой) номер «Военного голоса» вышел 5 сентября 1906 г. Газета просуществовала 8 полных месяцев. В декабре редакция сообщила подписчикам, что предпринимает усилия для возобновления издания, но им не суждено было увенчаться успехом[141].

Почему «Военный голос» закрыли именно тогда? Очевидно, это событие следует воспринимать в контексте общего усиления правительственных репрессий в конце лета 1906 г. Закрытие «Военного голоса» явилось следствием того поворота в политике властей, который ознаменовался сперва роспуском Государственной думы, а затем учреждением военно-полевых судов.

Абсолютное большинство сотрудников «Военного голоса», как уже говорилось, составляли выпускники военных академий – образованные профессионалы, занимавшие не последнее место в армейской иерархии. Среди авторов газеты практически нельзя встретить представителей другой

[141] Письмо от редакции газеты «Военный голос» подписчикам // ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 3138. Л. 1. Письмо было обнаружено в фонде П.Н. Милюкова. Он, по всей видимости, являлся подписчиком «Военного голоса», что указывает на интерес либеральных кругов к «оппозиционному» военному органу.

влиятельной военной прослойки – гвардейского офицерства. В этом нет ничего удивительного. Между двумя элитными группами существовала сильная неприязнь. На страницах «Военного голоса» часто появлялись призывы к скорейшей отмене не основанных на реальных заслугах и несправедливых по отношению к остальному офицерству гвардейских привилегий. Публицисты газеты не могли простить гвардии ее верность «старому режиму», участие в «карательных экспедициях». В одной из заметок редакция «Военного голоса» обращалась к «прославившемуся» в ходе подавления забастовки на Московско-Казанской железной дороге командиру одного из батальонов Семеновского полка Н. К. Риману: «…вами были расстреляны без следствия и суда около полутораста человек, причем два из них – рабочий коломенского завода Стопчук и студент Александр Сапожков – по ошибке вместо своих братьев – приведенных <…> пунктов достаточно, чтобы сказать вам, носящему военный мундир: Полковник Риман, вас обвиняют публично в печати в позорном для военачальника совмещении в одном лице беззаконного судьи и палача…. Оправдайтесь!» (24 мая). Заседание «Военного общества обновления», на которое в редакции газеты возлагали надежды, сорвал есаул императорского конвоя Безладнов, заявивший, что в одном из пунктов устава общества следует «поместить целиком дисциплинарный устав или начертать – армия исполняет волю единого верховного вождя, и если государь прикажет, то мы вырежем и самую конституцию» (31 мая). Редактор «Военного голоса» Шнеур посвятил несколько заметок тому, что из-за участия гвардейских офицеров, подобных Безладнову, «Общество обновления» не сможет принести пользу армии и больше не представляет интереса для сторонников реформ (1, 3 июня). Комментируя появившиеся в «общей» прессе слухи о «гвардейском заговоре» против Думы, обозреватель «Военного голоса» писал, что в понимании офицеров гвардии такое учреждение как Дума даже не стоит «настоящего заговора», но при этом, не может быть сомнений в решимости этих людей «разогнать Думу» по первому слову (28 мая).

Гвардия, со своей стороны, отвечала (по крайней мере частичным) бойкотом «Военного голоса». Еще за несколько недель до циркуляра главного штаба в редакцию «Военного голоса» пришло письмо от офицера, заведовавшего библиотекой лейб-гвардии Конно-гренадерского полка, с требованием «впредь не высылать» газету «в собрание вышепоименованного полка» – так постановило общество офицеров (15 июня).

Можно заключить, что история «Военного голоса» явилась эпизодом противостояния гвардейской аристократии и новой – профессиональной военной элиты, стремившейся к приведению военной организации и государственного устройства России в соответствие с требованиями начала XX века. Имел место и конфликт поколений – авторы «Военного голоса» были сравнительно молоды – в среднем их возраст колебался от 35 до 40 лет. Неслучайно в годы гражданской войны многие бывшие сотрудники газеты (как и вообще большинство офицеров Генерального штаба[142]) поступили на службу в Красную армию. Пришедшая к власти «контрэлита» оказалась им ближе сохранявших верность традициям «старой армии» участников белого движения.

[142] Каминский В. В. Русские генштабисты в 1917–1920 годах. Итоги изучения // Вопросы истории. 2002. № 12. С. 50.

Глава 2. Капитан П. М. Михайлов и «младотурки»

В научной литературе о русской армии начала XX века можно встретить упоминания кружка офицеров, члены которого по аналогии с турецкими военными заговорщиками, получили полуироничное, полусерьезное прозвище «младотурки»[143]. При этом историки приводят отрывочные и противоречивые сведения о характере деятельности этого кружка, его целях и составе участников. Существование кружка «младотурок» ставит вопрос о политическом участии российского офицерства, его вовлеченности в политическую борьбу периода третьеиюньской монархии. С 1905 года в России шло становление новой политической реальности, в которой не мог полностью соблюдаться формальный запрет на любую политическую деятельность военнослужащих.

§1. Михайлов – думский корреспондент.

27-го апреля 1906 г. внимание отечественной прессы были приковано к открытию Государственной думы. Не стала исключением и газета Военного министерства «Русский инвалид».

«Русский инвалид» являлся не только старейшей (первый номер вышел в 1813 г.), но также наиболее известной и читаемой военной газетой России. В начале XX века ее номера регулярно рассылались по библиотекам офицерских

[143] Айрапетов О. Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию (1905–1917). М., 2003. С. 12–21; Хутарев-Гарнишевский В. В. Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи. М., 2020. С. 124–130; Кожевин В. Л. Российское офицерство и февральский революционный взрыв. Омск, 2011. С. 43; Fuller W. Civil–Military Conflict in Imperial Russia, 1881–1914, Princeton, 1985. pp. 192–205.

собраний, войсковым штабам и военно-учебным заведениям. Практиковались «групповые читки» в штабах частей, собраниях офицеров, среди нижних чинов и т.д. Учащиеся военно-учебных заведений, а в некоторых случаях и действующие офицеры, должны были реферировать статьи военных изданий, в том числе и «Инвалида»[144]. Содержание официального отдела газеты, в котором размещались приказы по военному ведомству, так или иначе доводилось до сведения офицеров и нижних чинов усилиями командования разных уровней.

Продолжая разговор о «влиятельности» газеты, следует сказать, что общее число подписчиков «Русского инвалида» в 1906 году составляло 6604 человека[145]. Цифра довольно внушительная. При этом, безусловно, нельзя забывать, что значительная часть подписок на «Инвалид» фактически была обязательной: в число подписчиков входили те, кому приходилось выписывать газету по должности. Однако известно, что у «Русского инвалида» был во всяком случае один преданный и к тому же высокопоставленный читатель. Император Николай II в 1904 г. писал в дневнике: «За чаем по обыкновению читал вслух интересные статьи Краснова в “Рус[ском] Инвалиде”»[146]. Автором «интересных статей» был никто иной как П. Н. Краснов, в октябре 1917 г. вместе с А. Ф. Керенским возглавлявший неудачный поход частей 3-го кавалерийского корпуса на Петроград, атаман Всевеликого Войска Донского в годы Гражданской войны, впоследствии приобретший дурную славу за сотрудничество с нацистами в годы Великой Отечественной войны. Во время Русско-японской войны Краснов был прикомандирован к действующей армии, и на протяжении более чем года почти в каждом номере «Русского инвалида» помешались его короткие фельетоны серии «На войне». Из того же царского дневника мы узнаем, что за

[144] Белогуров С. Б. История военной периодической печати в России, XIX –начало XX вв. автореф. дисс. на соиск. уч. степ. д. ист. н. М., 1997. С. 38–43.
[145] Доклад Комитета по образованию войск о программе газеты «Русский инвалид»… // РГВИА Ф. 400 оп. 3 д. 2892. Л. 9. Об.
[146] Дневники императора Николая II. 1894–1918 гг. Ч. 1. Т. 1. 1894–1904 гг. / Отв. ред. С.В. Мироненко. М., 2011. С. 160.

свои литературные заслуги Краснов был удостоен высочайшей аудиенции: «Приняли атаманца Краснова, кот[орый] приехал из Маньчжурии; он рассказывал нам много интересного о войне. В “Рус[ском] инвалиде” он пишет статьи о ней»[147]. Позднее – в письме императрице Александре Федоровне от 16 декабря 1916 г. царь также упомянул «Русский инвалид», недвусмысленно выразив свою симпатию к этому изданию: «Я прочел описание твоего посещения Новгорода в «Русск[ом]. Инв[авлиде].», единственной газете, которую читаю, и был очень доволен»[148].

В газете появилась ежедневная рубрика «В Государственной думе» (первый выпуск 29-го апреля), в которой с задержкой на день (обычной для всех газет) помещались краткие (в основном на 2–3 столбца) отчеты о каждом из заседаний Думы.

Рубрика «В Государственной думе» несколько выбивалась из общего содержания номеров «Русского инвалида». На первый взгляд интерес этого издания к Государственной думе выглядел необычно. Однако если учесть, что командование опасалось распространения в армии «крамольных» настроений, к которым относилось и сочувствие левым партиям, включая кадетов, то решение поручить официальному изданию освещение деятельности Думы выглядело вполне логичным. Тогдашний редактор «Русского инвалида» и «Военного сборника» Ф. А. Макшеев так мотивировал появление репортажей из Думы в отчете об издании газеты за 1906 г.: «Открытие в апреле месяце Государственной думы первого созыва приковало к ней все внимание общества. Необходимо было и “Русскому инвалиду“ не отставать от других газет в сообщении важнейших сведений о заседаниях ее. С этой целью “Русский инвалид” обеспечил себя собственным корреспондентом в Государственной думе и завел особый отдел для помещения кратких отчетов о заседаниях ее»[149]. Ее появление можно связать только лишь с ажиотажем,

[147] Там же. Т. 2. Ч. 1. 1905–1913. С. 3.
[148] Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Л., 1927. Т. V. С. 201.
[149] РГВИА Ф. 400. оп. 3 д. 2892. Л. 7.

охватившим общество, ожидавшее начала работы парламента. Не могли не разделять этого настроения и военные. В случае умолчания о Государственной думе «Инвалид» рисковал потерять доверие и интерес читателей, которым бы пришлось черпать интересующие их сведения из менее «надежных» источников.

Корреспондентом, которого упомянул Макшеев, был штабс-капитан Петр Михайлович Михайлов. Он являлся давним сотрудником «Инвалида». Весной-летом 1905 г. Михайлов служил в штабе главнокомандующего на Дальнем Востоке, параллельно освещая для «Русского инвалида» события заключительного этапа Русско-японской войны[150]. Михайлов хорошо справлялся с обязанностями официального «хроникера». Например, в известиях с театра войны 18-го мая так говорилось об итогах Цусимского сражения: «Показания заграничных источников естественно сосредоточиваются на потерях, понесенных нашей эскадрой, так как о японских потерях правительством Японии категорически запрещено делать хотя какие-либо сообщения <…> сообщения из Шанхая, Чифу и Тяньцина говорят о полной вероятности больших потерь, понесенных в свою очередь японским флотом, лишившимся по разным сведениям потопленными от одного крейсера и 10 миноносцев, то броненосного крейсера “Nishin”, то, наконец, семи судов, в том числе двух броненосцев»[151]. Как видим, через три дня после окончания боя, когда уже стали поступать первые сведения о разгроме эскадры Рожественского, главная военная газета России не теряла оптимизма, сообщая обнадеживающие слухи о серьезных потерях, понесенных японской стороной. Русские потери не конкретизировались, а сообщения иностранных газет назывались предвзятыми, односторонними и не отражающими истинных итогов боя.

[150] Айрапетов О. Р. Пресса и цензура в Русско-японскую войну // Русско-японская война 1904–1905: взгляд через столетие: международный исторический сборник / под ред. О. Р. Айрапетова. М., 2004. С. 348.
[151] Русский инвалид. 1905. 18 мая.

На личности Михайлова следует остановиться подробнее. П. М. Михайлов происходил из потомственных дворян Петербургской губернии. Он родился 12 мая 1865 г. в семье юриста, заслуженного ординарного профессора юридического факультета императорского Санкт-Петербургского университета, действительного статского советника Михаила Михайловича Михайлова. На время оставив университет, М. М. Михайлов стал членом Харьковской судебной палаты, а затем директором Санкт-Петербургского тюремного комитета[152]. Тем не менее для своего сына профессор Михайлов по каким-то причинам избрал военную стезю. Петр Михайлович был определен в 1-ю военную гимназию (с 1882 1-й кадетский корпус), по окончании которой в 1882 г. поступил на военную службу в качестве вольноопределяющегося 2-го разряда, затем был зачислен в старший класс Санкт-Петербургского юнкерского училища. В 1885 г. П. М. Михайлов сдал экзамен на офицерский чин и был произведен в подпоручики. В 1893 г. окончил офицерский учебный класс воздухоплавательного парка. В 1897 г. Михайлов поступил в Николаевскую академию Генерального штаба[153]. Но не выдержал переводные экзамены на 3-й («дополнительный») курс, а потому считался окончившим академию по «2-му разряду» и не получил права на зачисление в корпус офицеров Генерального штаба[154]. Владел четырьмя языками: французским и немецким – свободно, а также английским и итальянским[155]. Служба Михайлова протекала беспорядочно. Он нигде не задерживался надолго, за 10 лет успев побывать в трех полках и отдельном резервном батальоне. В 1894–1896 гг. Михайлов служил при Главном штабе. После окончания академии был отправлен в уже 4-й по счету полк, но там практически не появлялся, пытаясь устроиться воспитателем в Александровский кадетский корпус, а затем провёл год в отпуске за границей. С 1901 по 1904 гг. он снова состоял при Главном

[152] Дело Михайлова П. М. // РГИА. Ф. 1278. Оп. 9 Д. 1133. Л. 4.
[153] Послужной список П. М. Михайлова // РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 29763. Л. 2.
[154] В феврале 1906 г. штаб главнокомандующего всеми силами, действовавшими против Японии, представил начальнику ГУГШ ходатайства Михайлова и еще ряда офицеров, так же окончивших два класса Академии и фактически исполнявших обязанности офицеров Генштаба, о допуске их на «дополнительный» курс. Но, во всяком случае, для Михайлова это не имело никаких последствий (РГИА. Ф. 1278 Оп. 9. Д. 1133. Л. 3.)
[155] РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 29763. Л. 2.

штабе: сначала в Военно-исторической комиссии, а затем в Военно-статистическом отделении. 7 января 1905 г. был назначен в офицерский резерв действующей армии, но на театр боевых действий, по всей видимости, не спешил, прибыв к месту службы только 1-го апреля. Служил в управлении генерал-квартирмейстера при главнокомандующем[156].

Как видно, Михайлову не удавалось где бы то ни было закрепиться и выдвинуться по службе. Его карьера буксовала. На 26-м году службы он имел всего лишь чин капитана. Здесь бы не пришлось удивляться, будь он заурядным пехотным офицером без академического образования. Но ведь к этому времени и окончившие Академию генштаба «по 2-му разряду» обыкновенно уже имели штаб-офицерский чин. Вероятно, виной всему был характер Михайлова и, в частности, его нечистоплотность в денежных делах. В период своей службы при Главном штабе Михайлов постоянно занимал деньги у сослуживцев. И не отдавал. На него поступали жалобы о неуплате долгов. Михайлов сумел одолжить денег даже у своего начальника – генерала Д. К. Гершельмана, причем и ему тоже не вернул[157]. Кроме того, на него во множестве поступали исполнительные листы о взыскании долгов в судебном порядке. В 1909 г. за Михайловым все еще числился долг в ссудную кассу при Главном штабе[158]. Во время прикомандирования к штабу войск Дальнего Востока Михайлов заведовал «писарской командой» и «был отчислен от этого штаба вследствие неудовлетворительности работы и неумения вести денежные дела команды»[159]. Наконец, по словам сокурсника, Михайлов пользовался «весьма нелестной репутацией» среди слушателей Академии Генерального штаба[160]. Скорей всего, не последнюю роль в этом сыграла привычка брать взаймы и не возвращать. Если Михайлов все время вел себя подобным образом, то нетрудно понять, почему он так часто менял места службы, нигде не сумев завоевать расположение начальства и сослуживцев.

---

[156] Там же. Л. 3–4.
[157] РГИА. Ф. 1278. Оп. 9 Д. 1133. Л. 80 об.
[158] Там же. Л. 28.
[159] Там же. Л. 81.
[160] Там же.

Но при этом он никогда не подвергался официальным служебным взысканиям и имел право на получение «знака отличия беспорочной службы»[161].

[161] РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 29763. Л. 10.

Фотопортрет П. М. Михайлова // РГВИА. Ф. 248. Оп. 1. Д. 59.

Первым материалом, относящимся к деятельности Государственной думы, на страницах «Инвалида» была заметка в рубрике «Внутренние известия». Там в восторженных выражениях описывался торжественный прием в Зимнем дворце, на который были приглашены депутаты. Непосредственно к народным избранникам относилось всего несколько строк, но зато весьма патетических: «Какое громадное разнообразие социальных положений, образовательного ценза и наружного вида представляли собой эти представители великого народа. Среди них были люди всех сословий, но по преимуществу крестьяне»[162]. Создавалась иллюзия единения монарха с народом. В этом заключался один из символических смыслов церемонии в Зимнем дворце и именно так ее следовало преподносить ведомственным изданиям.

По мере того как определялось «лицо» народного представительства, менялась и тональность репортажей Михайлова. Пытаясь по возможности сохранить приличествующую официальному изданию форму сухого, беспристрастного отчета, он всеми силами стремился создать максимально непривлекательный для читателей «Русского инвалида» образ Первой думы. И делал это довольно искусно. Стараясь избегать оценочных суждений, нигде прямо не высказывая свою позицию, он как бы представлял на суд читателя объективную картину думских заседаний. На самом деле за этим скрывались журналистские манипуляции со смыслами речей депутатов.

Получал ли Михайлов редакционные инструкции относительно того, какое направление должны принять репортажи? Может быть. Однако подобная репрезентация Думы первого созыва, как будет видно из дальнейшего, вполне соответствовала политическим симпатиям самого Михайлова.

По большей части состоявшая из оппозиционных элементов Первая Дума, очевидно, не могла вызвать симпатию у правительственного органа,

[162] Русский инвалид. 1906. 28 апреля.

каковым являлся «Русский инвалид». Соответственно, задачей газеты являлась дискредитация ведущих фракцией Думы. Особую неприязнь «Инвалид» питал к Трудовой группе и ее лидерам А. Ф. Аладьину и С. В. Аникину. Не больше положительных эмоций газета испытывала и по поводу нахождения в Думе представителей социал-демократической партии – в основном кавказских меньшевиков. В «Русском инвалиде» присутствовал общий критический настрой, но по отношению даже не к самой идее народного представительства, получившей «высочайшее одобрение», а к конкретному его составу – отдельным депутатам, политическим партиям и фракциям.

Позиция редакции выражалась прежде всего в комментариях и ремарках, сопровождавших пересказ речей депутатов. Как правило, эти комментарии касались не самого содержания речей, а ораторской манеры и риторической формы. По поводу выступления депутата из социал-демократической партии Церетели: «он настолько не стесняется в выборе выражений относительно министров и сенаторов, что председатель дважды очень резко останавливает оратора»[163]. Говорит «Рамишвили (тоже социал-демократ – А. Ф.), еще не успевший в предыдущие заседания исчерпать весь свой запас резких нападок на деятельность властей и существующий строй»[164]. «От трудовой группы выступает еще оратор Заболотный, который цветистыми, напыщенными фразами, рассчитанными на внешний эффект в ущерб внутреннему содержанию, местами в слезливом тоне говорит об эксплуатации крестьян всеми другими сословиями страны»[165]. Депутат Тениссон «говорит длинно и скучно». Встречались обобщенные характеристики: «Говорят (вернее, читают по бумажке) большинство крестьян, многие из них принадлежат к трудовой группе»[166]. Отмечались бессодержательность, однообразность и демагогичность речей депутатов, их малая практическая польза: «Больше часу

[163] Там же. 1 июля.
[164] Там же. 17 июня.
[165] Там же. 28 июня.
[166] Там же. 31 мая.

говорит Массониус, говоривший не столько по существу дела, сколько отклоняясь в сторону от обсуждаемого вопроса»[167]. В таком же роде: «Говорят: Шефтель, кн. Баратов (недавно прибывший с Кавказа), Сафонов – все они лишь критикуют действия администрации, не говоря ничего нового»[168]. Еще: «Речь его (Аникина – А. Ф.) – повторение прежних речей с очень небольшими дополнениями относительно взглядов, высказанных ораторами других партий. Он яркими красками описывает нужду и безвыходное положение крестьян»[169]. Характерная передача выступления лидера трудовиков: «Аладьин не пропускает ни одного заседания, чтобы не разразиться громом и молнией по адресу пустой министерской ложи <…> он ни на минуту не забывает и о министерской ложе, в театральной позе, полуобернувшись в сторону нее, он вновь разражается бранью по адресу сидевших в ней, и уже в такой форме, что председатель останавливает чересчур расходившегося громовержца. Конечно, единомышленники поддерживают товарища дружными аплодисментами»[170].

Схожим образом выступления членов Трудовой группы передавались в консервативном «Новом времени»: «следующие ораторы гг. Рыжков, Жилкин и Аладьин своими громкими и благородными, но, к сожалению, малосодержательными фразами, все время срывают аплодисменты и довольно бурные. Г. Рыжков начинает с требования “убрать гнилые бревна с новой постройки”. Гнилые бревна – это, конечно, Государственный совет. Упоминания о них достаточно, чтобы раздались рукоплескания. За бревнами г. Рыжков вспомнил попранные права женщин, потрудившихся в освободительном движении. Опять рукоплескания, еще более шумные»[171]. Выступления лидера трудовиков вызывали у «Нового времени» упреки абсолютно идентичные тем, что возникали у «Русского инвалида»: «На кафедре депутат Аладьин. <…> “Когда пишется хартия народной свободы, нет

[167] Там же. 28 июня.
[168] Там же. 10 июня
[169] Там же. 28 июня
[170] Там же. 2 июня.
[171] Новое время. 1906. 3 мая.

места будничному торгу”. Этой фразы, очевидно, сильно понравившейся прежде всего самому оратору, было совершенно достаточно, чтобы спокойствие его покинуло, и он перешел на тон митингов. На сцене тотчас же появился рабочий вопрос, ужасная брешь между крестьянами и рабочими, священные идеалы трудящихся, свобода и самодеятельность и прочие атрибуту громких, но, увы, бессодержательных речей»[172]. Наконец, из всех членов Трудовой группы наиболее сильную неприязнь у «Нового времени» вызывал упоминавшийся также и «Инвалидом» депутат Заболотный: «Депутат Заболотный произносит речь, представляющую собой один из печальнейших образчиков происходящего в данный момент в Думе словоизвержения. Может быть, я ошибаюсь, но, когда он кончил, у меня совершенно ясно сформулировалось в голове впечатление, что этот человек говорил только для того, чтобы кому-то и для чего-то показать: “смотрите, вот и я могу говорить радикальные речи!”»[173]. Для думского корреспондента «Нового времени» А. А. Пиленко выступления Заболотного, по всей видимости, служили ярчайшим примером распространенного в Думе демагогического красноречия: «С необыкновенным пафосом, осужденным последующими ораторами, он распинается за сто сорока миллионный русский народ и обращается с просьбой к “случайному” большинству Думы не узурпировать народных прав. Вспомнив дальше 70 миллионов женщин, многострадальное крестьянство, жаждущее якобы всей душой четыреххвостки, Заболотный выкрикивает: долой все неясные выражения. Ему конечно аплодируют». Заболотный раз за разом привлекал к себе раздраженное внимание Пиленко: «Снова появляется Заболотный и, сбавив на этот раз 40 миллионов, он защищает уже стомиллионное население России. Непонятливость и упорство Заболотного смутили очевидно даже страстного г. Аладьина…»[174]. Октябристское «Слово» также критически относилось к

[172] Там же.
[173] Новое время. 1906. 5 мая
[174] Там же.

выступлениям депутатов, принадлежавших к левому крылу Думы: «А затем вышел на кафедру настоящий социал-демократ – депутат Ильин и весьма решительно заявил громким голосом: – Не для кого не тайна, что для нас – рабочих идеал – учредительное собрание на основе четырехчленной формулы выборов. А потому я должен заявить Думе от имени всего пролетариата (как любят ораторы играть громкими фразами!), что мы протестуем не только против Государственного совета, но и против самого адреса. Это заявление не нашло сочувствия собрания; легкие аплодисменты лишь слева. В речи оратора есть одно недоразумение: если эта партия не согласна на адрес, то почему же редакция его в той же Думе прошла единогласно? Где же был в этот момент протест?!»[175].

Иногда «Инвалид» стремился подчеркнуть комичность и нелепость выступлений депутатов: «Вызывает смех и общее удовольствие хохол Киевской губ. Грабовецкий; он уже один раз выступал в Думе, но неудачно. Он жестикулирует, как-то забавно откидывается всем корпусом назад, размахивает длинными руками и, желая высказать все волнующие его мысли, то и дело сбивается на малороссийский язык»[176]. В схожем ключе о речи Грабовецкого, который не «сбивался на малороссийский язык», а сознательно старался говорить по-украински, стремясь повысить статус этого языка, отозвалась и газета «Слово»: «Депутат Грабовецкий от малороссов в синей свитке и зеленом кушаке, уже сидя на своем месте чему-то странно радуется. На месте не сидится – руки потирает, лицо так и сияет. Что-нибудь готовит. Оказывается, целую речь в юмористическом духе и притом по-малороссийски. На кафедре депутат Грабовецкий держится, как хлопцы на малороссийских спектаклях – весьма развязно. Вероятно, говорит что-нибудь смешное – некоторые депутаты с Юга так и покатываются»[177].

---

[175] Слово. 1906. 5 мая
[176] Русский инвалид. 1906. 31 мая.
[177] Слово. 1906. 5 мая.

В «Русском инвалиде» во многих случаях стремились продемонстрировать бессмысленность думских прений, незаинтересованность и усталость от них самих народных представителей: «Много времени отнимает чтение (так в тексте – А. Ф.) по записке своих взглядов на земельный вопрос Васильев (Новгор. губ.), причем читает-то очень тихо и плохо». Еще: «Гирнюс (Сувалковской губ.), который, тихо читая свою речь по тетрадке, сбивается, останавливается и выводит из терпения депутатов, оставшихся в зале (а таких было не более половины), слышны крики: “довольно, довольно”»[178]. «Каждый пункт доклада комиссии о порядке заведывания зданием Таврического дворца обсуждается, открываются прения, вносятся новые предложения, поправки и, наконец, голосованием он принимается или отвергается» – с удивлением рассказывал корреспондент «Инвалида»[179]. Чрезвычайную затянутость, бессмысленность думских прений отмечал и критически оценивавший деятельность палаты народных представителей Пиленко: «Я не буду утомлять внимания читателей пересказом последовавших прений. Они были слишком сухи и ничтожны. Дума производила деление статей, вносила поправки, превращала основной проект в поправки и наоборот, комиссия отказывалась от своего проекта и снова его принимала и т.д. Реферировать обо всем этом нет никакой надобности»[180]. Подмечал он и утомление депутатов от длительных и бессодержательных прений: «Позднее время дает себя чувствовать. Зал понемногу пустеет; большинство, по-видимому, сильно утомлено и в задних рядах двое депутатов начинают серьезно засыпать. Запись ораторов между тем не прекращается и председателю передаются все новые и новые записки»[181]. Один из своих репортажей Пиленко, не щадя Думу, начал со следующих слов: «Сегодняшнее заседание Государственной думы во всяком случае нельзя назвать интересным»[182]. О том, что безудержное многословие некоторых

[178] Русский инвалид. 1906. 2 июня.
[179] Там же. 16 июня.
[180] Новое время. 1906. 3 мая
[181] Там же.
[182] Новое время. 1906. 4 мая

депутатов доводило их коллег до крайней степени усталости и раздражения писал и корреспондент «Слова» Н. Симбирский: «Около 7 час. вечера, после 3-х час. сидения, депутатские места начинают заметно значительно редеть»[183]. В качестве положительного героя у Симбирского выступает анонимный депутат, произносящий эмоциональную, но правдивую речь: «На трибуну выходит седой старик и говорит горячую речь. – Потому не сидят (депутаты на своих местах – А. Ф.) – гремит старик, что много не по делу говорят. Умоляю вас ради Христа, говорите только по вопросу!»[184].

Михайлов часто использовал следующий прием: внимание акцентировалось на выступлении кого-то из депутатов, высказывающего критические замечания по поводу отдельных законопроектов, позиции занимаемой большинством Думы по тому или иному вопросу, медленности и неэффективности ее работы и т.д. Естественно, в «Инвалиде» критические высказывания занимали куда больше места, чем в действительности на думских заседаниях. Если в реальности подобного рода речи составляли примерно 1/10 или менее того из всех, произнесенных в Думе, то в «Инвалиде» где-то четверть, если не треть, текста рубрики «В Государственной думе» отводилась под критические замечания. Вот примеры передачи подобного рода выступлений: «Член Думы Возовик указывает на медленность законодательной деятельности Думы, которой между тем предстоит колоссальная работа: “мы еще не успели сделать ничего из того, что обещали избирателям, а между тем в газетах говорят, что 15-го июня Дума будет распущена на каникулы”»[185].

Но все же особенно часто роль «резонера» на страницах в репортажах Михайлова доставалась графу П. А. Гейдену – лидеру сформированной в Думе депутатами, избравшимся от «Союза 17-го октября», Партии мирного обновления, – члены которой действительно не разделяли взглядов и

[183] Слово. 1906. 5 мая.
[184] Там же.
[185] Русский инвалид. 1906. 30 мая.

настроения большинства депутатов. Михайлов передавал, что на одном из заседаний граф Гейден говорил о том, «что если ответы министров на обращенные к ним запросы, будут и впредь вызывать такое оживленное обсуждения их в Государственной думе, то на одно это понадобится 75 заседаний, так как запросов направлено министрам больше 150». Он продолжал: «Но что мы нового здесь сказали – ровно ничего, хотя потратили на это 1, 5 дня – все упреки да попреки, а дело не делается»[186].

Необходимо отметить, что Гейдену на страницах «Инвалида» досталась своего рода почетная миссия – вести полемику с трудовиками и социал-демократами. Причем речи последних передавались в основном в таком виде, как было показано выше, в то время как возражения графа Гейдена приводились подробно, с большим количеством пространных цитат.

Из всех выступлений депутатов самого подробного освещения на страницах «Инвалида» удостоилась речь М. А. Стаховича против обвинений военной и гражданской администрации в организации еврейского погрома, произошедшего в Белостоке в начале июня 1906 г. и унесшего порядка семидесяти жизней. Ее не просто пересказали, а почти целиком процитировали. Так выглядел наиболее важный фрагмент речи Стаховича в передаче «Русского инвалида»: «”При первых известиях о белостокских событиях”, – начал речь оратор, – “было так же много категорических утверждений вперед, как их много и теперь. Много догадок, много утверждений, но фактически не подтвержденных документально. Я считаю своим долгом заявить, что не верю в организацию погромов властями, я хочу заявить с этой кафедры, что события важны, но не в страстности, которая внесена в рассмотрение их, может быть их разрешение. Я не верю в участие высшего правительства в организации погромов. <…> Никому во всем свете белостокский погром не мог принести более вреда, как именно правительству. И я не понимаю, как оно может жестокими средствами, с самыми ужасными

[186] Там же. 10 июня.

целями старательно подготовлять то, что для него чистая беда и больше ничего. В докладе утверждается категорически об участии в погроме местных властей и войск. Чтобы так твердо обвинять, так решительно устанавливать не только уголовное, но и величайшее государственное преступление, надо иметь позади себя не только внутреннюю убежденность, не только спутанные и подозрительные данные, надо иметь крепкое основание и твердое доказательство". "Я уверен", – продолжает оратор, – "что ни разорения, никакие другие несчастья не оставят такого ужасного следа, как унижение русской государственной власти"»[187].

В целом содержание речи Стаховича и реакция на нее Думы в газете были переданы верно, но все же не обошлось без небольших, но характерных искажений. При прочтении этого отрезка в «Инвалиде» могло создаться впечатление, что Стахович полагал «унижение государственной власти» возведением на нее голословных обвинений самым страшным преступлением похуже «разорения» и других несчастий. На самом деле он действительно говорил об «унижении государственной власти», но несколько в ином ключе: «И если что-либо именно дольше всего не простит, не забудет народ и второе поколение, и все мы, теперь живущие, то я уверен, что не разорение, не потери и даже не зверства, а вот чего не забудут: этого унижения русской государственной власти, того, что имя ее сделалось постыло, что когда о ней говорят, то русским не только больно, но и стыдно»[188]. Таким образом, преступниками оратор считал тех, из-за кого престиж правительства упал так низко, что его стало возможно подозревать в самых недостойных и отвратительных деяниях.

Гипотетически, Михайлов мог неправильно или не до конца расслышать слова депутатов. В его распоряжении могло вовремя не оказаться стенограмм. В Государственной думе I созыва выдача журналистам и публикация

[187] Там же. 1 июля.
[188] Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв I. Сессия I. Т. II. СПб., 1906. Стб. 1819.

стенографических отчетов могла задерживаться на 10–12 дней[189]. Однако определенная тенденциозность, прослеживаемая в манипуляциях со смыслами речей депутатов, говорит в пользу того, что искажения скорей всего были вполне осознанными.

Если взглянуть на другие газеты, то окажется, что группе графа Гейдена симпатизировали все те же «Слово» и «Новое время». «Все возлагают большие надежды на “партию центра”, которая <…> образуется вокруг графа П. А. Гейдена. С открытием действий этой партии соединяются надежды на то, что в Государственной думе перестанут только болтать и начнут действовать», – писал думский обозреватель «Слова»[190]. Для «Слова» Гейден также являлся самым сильным оппонентом левого крыла Думы: «Гейден спокойно анализирует их (трудовиков – А. Ф.) слова и, как хирург, разрезает все на части и, отбросив в сторону вопли, крики, удары в грудь и т. п. аксессуары, показывает, что кроме воды ничего не было в речи его противника <…> Он берет, что называется, измором, и противники его, выболтав весь митинговый вздор, тяжело дыша, возвращаются на свои места с таким облегченным мозгом, что уже больше возразить они не в силах»[191]. «Новое время» указывало на то, что Гейден являлся одним из немногих депутатов, отстаивавших истинно-парламентские формы ведения дискуссии и приемы законодательной работы: «Гр. Гейден <…> сказал, что Дума должна “уважать чужие права”, что “амнистия везде и повсюду принадлежит прерогативам верховной власти”, поэтому “нам совершенно неприлично возбуждать вопрос о требованиях”. Совершенно неприлично! Это первое слово на почве корректности и уважения чужих прав»[192].

Еще одной особенностью освещения деятельности Думы на страницах «Русского инвалида» было то, что газета не скрывала враждебного или, во всяком случае, настороженного отношения к депутатам, представлявшим

[189] Патрикеева О. А. Государственная дума Российской империи на страницах газеты «Новое время» // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2014. № 1. С. 164.
[190] Слово. 1906. 15 июня.
[191] Слово. 1906. 22 июня.
[192] Новое время. 1906. 2 мая

национальные окраины. Намекалось на то, что они неспособны искренне отстаивать интересы России в силу своей этнической принадлежности. В число таких «записных врагов родины» закономерным образом попали члены польского коло. В одном из номеров пересказ выступлений двух депутатов–поляков сопровождались следующим комментарием: «Интересны и оригинальны речи были речи двух депутатов: Стецкого (Люблинской губ.) и князя Друцкого-Любецкого (Минской губ.); их устами сегодня в первый раз заговорили окраины, а в частности Польша. У обоих сильный польский акцент, все интересы в узкой сфере родной “отчизны”»[193].

Иногда Михайлов прибегал и вовсе к грубому искажению смысла речей депутатов. Эти случаи легко можно выявить, сопоставляя пересказ выступлений и «цитаты» из них в «Инвалиде» с думскими стенографическими отчетами. Особенно показательной в этом отношении является передача «Инвалидом» речей депутатов Левина и Винавера по поводу белостокского погрома. Для дискредитации Левина и Винавера были приняты радикальные меры. Концовка речи депутата Левина в оригинале выглядела следующим образом: «Мы, Евреи, разучились плакать, мы не намерены больше плакать, мы будем действовать. Спасите еврейское население. Действуйте среди своих, а мы будем действовать среди наших. Мы сойдемся, так как все дороги сходятся. Все идет от индивидуального через национальное к общечеловеческому. Там мы сойдемся, там мы подадим друг другу чистые руки»[194]. В «Инвалиде» же сказано, что депутат Левин заявил следующее: «еврейство больше плакать не будет, а будет действовать»[195]. Указание на то, что «еврейство будет действовать» выглядело туманной, но от этого еще более зловещей угрозой. По крайней мере, на такое прочтение надеялись, вкладывая в уста депутата Левина эти слова.

[193] Русский инвалид. 1906. 25 мая.
[194] Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв I. Сессия I. Т. II. СПб., 1906. Стб. 1746.
[195] Русский инвалид. 1906. 27 июня.

Можно заключить, что Михайлов допускал весьма вольное обращение с речами депутатов. Корреспондент «Инвалида» не занимался откровенным сочинительством, но в то же время не останавливалась перед тем, чтобы выдергивать куски из разных предложений и составлять их вместе так, что содержание менялось, а акценты расставлялись противоположным образом.

Национализм сближал «Русский инвалид» с широким спектром консервативных газет: от умеренного «Нового времени» до крайне-правого «Русского знамени». «Новое время» уделяло пристальное внимание выступлениям в Думе представителей западных окраин. Так газета передавала одну из речей А. Р. Ледницкого: «Депутат Ледницкий произносит горячую и с внешней стороны очень искусно построенную речь в защиту русских инородцев. По содержанию своему эта речь, однако, не является ни глубокой, ни интересной»[196]. В специальной заметке о деятельности польского коло критиковались приемы, с помощью которых эта фракция пыталась достигнуть своих целей: «Очень неудачно обосновали польские депутаты свое ходатайство об автономии ссылкой на международные акты прошлого и, в частности, на тракт Венского конгресса 1815-го года»[197]. Умеренно либеральное «Слово» шло впереди, совершенно не скрывая своей неприязни к депутатам-полякам. Комментируя избрание в Думу от Минской губернии близких к кадетам поляков А. Р. Ледницкого и В. П. Янчевского, газета задействовала классический полонофобский стереотип о «польской интриге» и корыстолюбивом, консервативном шляхтиче, представляющем угрозу для «исконно русского» населения Западного края своими ассимиляторскими устремлениями. Ледницкий и Янчевский характеризовались как «заведомые реакционеры», «кадеты по расчету», идеал которых – «ополячивание и экономическое закрепощение местных крестьян»[198]. Не щадила октябристская газета и евреев, проводя странную, популярную в черносотенных кругах

[196] Новое время. 1906. 4 мая.
[197] Новое время. 1906. 2 мая.
[198] Слово. 1906. 22 апреля.

мысль о том, что кадетской партией руководят евреи, стремящиеся действовать исключительно в интересах своих соплеменников: «Партия, руководимая г.г. Гессенами и Винаверами, недавно проговорилась очень громогласно. <…> Она постановила добиваться предоставления евреям права повсеместного приобретения земель. <…> Вместо обещанной национализации земли и передачи ее трудящемуся народу, получается что-то вроде юдаизации крупного землевладения. <…> Из цепких рук еврея-помещика не только земля, но и сам крестьянин едва ли сможет вырваться»[199]. Не могла газета скрыть своих антипатий и при передаче выступления Винавера в Думе: «Выходит депутат Винавер. Он начинает давиться собственными словами и без воды говорить не может»[200]. И, наконец, крайнюю степень нетерпимости к «инородцам» проявляло издание Союза русского народа – газета «Русское знамя». «Члены Государственной думы должны быть одни русские и православные, а если кто иноверец или иностранец, то таковые не могут дать правоверному царю благонамеренный совет по делам, касающимся русского народа. Если кто царю небесному не верный, то может ли он быть верный земному православному царю? <…> Сыны Иуды не должны допущаться в члены Православной Государственной думы. За допущение иноплеменников в Государственную думу нас сам бог осуждает, а с ним и вся природа» – писал игумен Арсений в статье «Кто должны быть членами в Государственной думе?»[201]. В заметке с красноречивым названием «Правда о Думе» раскрывались следующие мысли о народном представительстве: «Не представители русского народа, за единичными исключениями, составляют громко именуемый газетами “первый русский парламент”, а представители грязной пены взбаламученного то там, то тут, евреями русского моря»[202]. В том же материале говорилось о

[199] Слово. 1906. 13 апреля.
[200] Слово. 1906. 5 мая.
[201] Русское знамя. 1906. 4 мая.
[202] Русское знамя. 1906. 12 мая.

«“продажных тварях”, пляшущих (в Думе – А. Ф.), по мере сил уменья, под музыку еврейских цимбалов».

Следует отметить, что в национальном вопросе «Русский инвалид» все же был намного корректнее даже не чуждых либеральным идеям «Слова» и «Нового времени». А форма описания думских заседаний, которой придерживался «Инвалид», радикально отличалась от принятых в черносотенной прессе описательных приемов. «И бессмысленная толпа баранов, не поняв, разумеется, даже смысла слов оратора, рукоплещет ему и гогочет от восторга»[203] – примерно в подобных выражениях описывало каждое из думских заседаний «Русское знамя».

Наконец, «Инвалид» пользовался и еще одним – наиболее простым приемом – умолчанием. В газете ни слова не было сказано о речи князя С. Д. Урусова об участии Министерства внутренних дел и неких таинственных «темных сил», пользующихся влиянием при дворе, в организации еврейских погромов[204]. О содержании проектов аграрной реформы – 42-х, 33-х и 104-х читателям «Инвалида» также приходилось лишь строить догадки. В рассказе о важнейшем заседании 13-го мая, на котором Думой была принята формула перехода к очередным делам с выражением недоверия тогдашнему составу правительства, отсутствуют речи депутатов. После речи председателя Совета министров И. Л. Горемыкина, собственно, и вызвавшей негодование Думы, приводится лишь перечень отвечавших ему парламентариев[205].

Однако по сравнению с другим официальным органом – «Правительственным вестником» – «Русский инвалид» вовсе не

---

[203] Русское знамя. 1906. 4 мая.

[204] Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв I. Сессия I. Т. I. СПб., 1906. Стб. 1132. Современниками эта речь признавалась одной из самых ярких и резонансных в I Думе. Особый авторитет словам Урусова придавало то, что он еще полгода назад занимал пост товарища министра внутренних дел. Последняя фраза из речи Урусова и вовсе стала крылатой: «Здесь (в наличии “темных сил” – А. Ф.), господа, скрывается большая опасность, все ее чувствуют, опасность, смею сказать, не исчезнет, пока на деле управления, а, следовательно, на судьбы страны, будут оказывать влияние люди, по воспитанию вахмистры и городовые, а по убеждению погромщики» По мнению историков, под «вахмистром по воспитанию» Урусов имел в виду великого князя Николая Николаевича, а под «городовым» подразумевался дворцовый комендант, а ранее санкт-петербургский генерал-губернатор и товарищ министра внутренних дел Д. Ф. Трепов.

[205] Русский инвалид. 1906. 16 мая.

злоупотреблял умолчанием. Военная газета не обошла молчанием ни одно из думских заседаний, тогда как «Правительственный вестник» действовал в совершенно иной манере. С середины мая 1906 г. стали выходить Вечерние прибавления к «Правительственному вестнику». В первых выпусках «Прибавлений» с задержкой более чем на три недели печатались полные стенограммы первых 6-ти заседаний Думы. Затем этой практике пришел конец. В номере за 5-е июня была по стенографическим отчетам целиком воспроизведена произнесенная в Думе речь главноуправляющего землеустройством и земледелием А. С. Стишинского, протестовавшего против предлагавшихся депутатами подходов к аграрной реформе[206]. В следующем выпуске приводилась речь поддержавшего Стишинского товарища министра внутренних дел В. И. Гурко, в номере за 9-е июня был напечатан текст первого думского выступления самого министра – П. А. Столыпина и т. д.[207] Непосредственно в «Правительственном вестнике» была напечатана обращенная к Думе декларация Совета министров, тогда как о реакции на нее депутатов, разумеется, не говорилось ничего[208]. Помимо выступлений министров в «Прибавлениях» печатались немногочисленные законопроекты, вносимые в Думу правительством, а со второй половины июня и весьма краткие (менее чем на столбец) отчеты о заседаниях Думы. Для сравнения: отчеты о куда менее интересных для публики заседаниях Государственного совета занимали в несколько раз больше места. «Правительственный вестник» был подчинен Главному управлению по делам печати Министерства внутренних дел, но в значительной степени являлся органом Совета министров. Факт подобного «освещения» деятельности парламента в «Правительственном вестнике» можно объяснить тем, что находившаяся в остром конфликте с Думой гражданская администрация не находила уместным информирование населения о «революционных» инициативах

[206] Вечерние прибавления к «Правительственному вестнику». 1906. 5 июня.
[207] Вечерние прибавления к «Правительственному вестнику». 1906. 6, 9 июня.
[208] Правительственный вестник. 1906. 14 мая.

народных представителей. Тогда как орган военного министерства, находившийся несколько в стороне от прямого столкновения исполнительной власти и законодательной палаты, мог себе позволить достаточно подробно писать о Думе.

В данной связи следует отметить, что военное ведомство было в значительной степени ограждено от законодательных инициатив Думы 96-ой и 97-ой статьями Основных государственных законов, оставлявшими за монархом прерогативу управления вооруженными силами. Парламент мог касаться военных вопросов лишь при обсуждении бюджета, однако Первая Государственная дума за краткий период своего существования так и не смогла приступить к рассмотрению государственной сметы доходов и расходов. Как уже отмечалось, депутаты во многих случаях игнорировали ограничения, накладываемые законом, но в отношении армии и внешней политики большинство Думы было солидарно в стремлении не «раздражать» верховную власть, поэтому данные темы редко поднимались в думских прениях.

После того как Государственная дума была 9-го июля распущена царским указом, рубрика «Инвалида» оборвалась без объяснения причин. Только через несколько дней в разделе «Внутренние известия» появилась небольшая новостная заметка о роспуске парламента и объявлении даты созыва следующей Думы. Еще позднее, уже в разделе «Телеграммы» появились сведения о том, что группа «бывших членов Государственной думы» собралась в одной из выборгских гостиниц, но тут же разошлась по просьбе губернатора[209]. Конечно, в «Русском инвалиде» ни слова не говорилось о выборгском воззвании, в котором население среди прочего призывали уклоняться от исполнения призывной повинности.

Подводя итог, можно сказать, что «идеальный» читатель рубрики «Инвалида», конечно, должен был сделать единственный возможный вывод:

[209] Русский инвалид. 1906. 12 июля.

Думу следует распустить. Парламент, состоящий из революционно настроенных, некомпетентных, неспособных даже нормально организовать прения депутатов не может принести пользы стране – это главный посыл аудитории, ради которого собственного и велась рубрика. Важно отметить более любопытную деталь – критика «Инвалида» не была направлена на идею народного представительства как таковую. Дума не по определению является «бессмысленной говорильней», нарушающей работу государственного аппарата. Она оказалась такой, поскольку конкретные депутаты – представители левых течений, составлявшие в ней большинство, не соответствовали своему назначению. Фактически «Инвалид» сетует на то, что при текущем составе Дума не может выполнять свои функции. Ее следует распустить не навсегда, но с целью провести новые выборы, которые, быть может, принесут лучший результат. Показательно, что «Инвалид» постоянно указывает на то, что ораторам левых партий делает замечания председатель. Он для «Инвалида» один из главных «положительных героев». Председатель в качестве ответственного должностного лица, облеченного определенной властью, старается сделать так, чтобы Дума функционировала как нормальное государственное учреждение. Его тщетные усилия по водворению порядка вызывают симпатию и указывают на начала, на которых должна строиться работа Думы. Своими действиями председатель декларирует норму, в соответствии с которой в Думе нельзя грозить министрам, скандировать революционные лозунги и затягивать прения бессмысленными речами. Таким образом, через фигуру председателя, следящего за регламентом и протестующего против поведения депутатов, на Думу переносятся представления о высокой бюрократической сфере с ее культом дисциплинированности и прагматизма, что, несомненно, является положительной характеристикой в глазах ведомственной газеты.

Весьма характерна и еще одна деталь. Репортажи из Государственной думы в «Инвалиде» неизменно сопровождались своеобразным «формуляром», в котором с точностью до минут фиксировалось время начала и окончания

занятий Думы, указывалось, кто председательствует в собрании (С. А. Муромцева часто заменял его товарищ – князь П. Д. Долгоруков), и давался краткий нумерованный перечень вопросов, значившихся в повестке каждого конкретного заседания. В «независимой прессе» материалы о Думе, как правило, не сопровождались столь обстоятельной преамбулой. Отчеты о заседаниях Думы «Русского инвалида» сочетают в себе особенности репортажа и официального протокола. Представляется, что и в этом можно усмотреть отголоски определенного видения Государственной думы. Педантичное заполнение протокольного формуляра (зачем читателю знать, во сколько началось заседание Думы?) служит дополнительным свидетельством в пользу того, что для «Русского инвалида» Государственная дума в своей лучшей потенции должна была являться не демократическим представительным органом, а еще одним «присутственным местом», в котором должны собираться (по выражению Николая II) «лучшие люди земли русской» для делового обсуждения государственных вопросов, внесения конструктивных предложений на рассмотрение верховной власти.

Однако тому, что «Инвалид» принимает идею парламента, можно дать достаточно простое объяснение. Дума была учреждена указом императора, была им дарована стране – тем самым институт народного представительства получил «высочайшее одобрение». Следовательно, «Русский инвалид» по обязанности министерского официоза вынужденный чтить любые проявления воли монарха, не мог себе позволить яростные нападки на институт представительства и призывы вернуться к форме правления, существовавшей до 1905 г., пойдя по стопам независимых от властей правых газет. Например, одно из старейших и наиболее авторитетных изданий ультраконсервативного направления – редактируемые основателем Русской монархической партии, впоследствии одним из лидеров Союза русского народа В. А. Грингмутом – «Московские ведомости», не могли писать о Думе в сколько-нибудь спокойном и отстраненном тоне. Газета обращалась к «русским людям» с паническими призывами подняться на борьбу с «крамольной» Думой,

навязанной царю враждебными силами. С апреля по июль 1906 г. практически в каждом номере «Московских ведомостей» помещались материалы с характерными заголовками вроде «Шабаш Государственной думы», «Долой Думу» и т.д. Номер за 16 мая вышел с таким заголовком на первой полосе: «Царь, народ и Дума. Люди русские, православные! Смотрите зорко!». Далее следовал текст «воззвания» к народу, начинавшийся так: «В Государственную думу затесались крамольники, которые называют себя представителями русского народа»[210]. В том же номере было помещено сатирическое стихотворное обращение к кадетам: «Какие вы избранники народа? Вы стадо алчное, вы наглый, лживый сброд…»[211]. Более умеренная правая газета «Киевлянин» обходилась без громких заголовков, однако ее передовые статьи зачастую были посвящены едкой критике Государственной думы. Выше уже говорилось о том, как к Государственной думе I созыва относилось «Русское знамя».

Так как «Русский инвалид» был вынужден признавать за Думой престиж государственного учреждения, вся критика неизбежно сосредотачивалась вокруг конкретных инициатив и требований Думы – и даже в большей степени вокруг особенностей ее депутатского корпуса. Согласно «Инвалиду», первые парламентарии в огромном большинстве отличались неверным пониманием своего долга, неподготовленностью для осознания и обсуждения важнейших вопросов, непониманием истинной сущности государственных интересов. Наиболее острая критика «Инвалида» была обращена против депутатов, не соответствовавших своего рода воображаемому культурному и образовательному цензу, необходимому для появления у человека «государственного смысла», без которого его участие в работе парламента являлось бессмысленным и даже вредным. В «Инвалиде» многозначительно намекалось на то, что некоторые депутаты уже в силу своей партийной или национальной принадлежности по определению не могли действовать во

[210] Московские ведомости. 1906. 16 мая.
[211] Там же.

благо государства и общества. Это относилось к социал-демократам, к представителям польского коло и во многом к евреям. Со схожих позиций Думу критиковали газеты умеренно-консервативного направления, однако приемы, к которым прибегала редакция официоза военного ведомства, были значительно грубее. У того, кто черпал сведения о деятельности Думы исключительно из «Инвалида», не могло даже создаться полностью верного представления о круге рассматриваемых ей вопросов. Частная пресса пристально следила за каждым шагом парламентариев, тогда как «Инвалид» не мог себе позволить заполнять известиями о Думе несколько листов ежедневного номера. Корреспонденты частных изданий не стеснялись выражать свое мнение по каждому из затрагиваемых Думой вопросов, делиться интересными наблюдениями и пускаться в отвлеченные рассуждения – все это «оживляло» их репортажи, придавало им неповторимый авторский стиль, привлекало интерес и симпатии читателей. Помимо этого, пресса была наводнена различного рода материалами, так или иначе относящимися к деятельности Думы или рассматриваемым ей вопросам. «Русский инвалид», безусловно не желавший превращаться в злободневную политическую газету, не мог себе позволить подобную «роскошь». Необходимого воздействия на читателя необходимо было добиться, имея в своем распоряжении лишь два-три столбца, самое большее – половину газетного листа. Поэтому, как уже отмечалось выше, основным приемом «Инвалида» было умолчание, которым пользовались наряду с манипулированием смыслами речей депутатов, а также едкими характеристиками ораторов, стиля работы и настроения Думы.

Если Михайлов, как правило, не выражал инвективы в адрес депутатов прямо, стремясь подвести читателя к определенной мысли, то в «Правительственном вестнике» были четко проартикулированы все требования к народным избранникам и представления о том, каким должен быть парламент, имплицитно содержащиеся в текстах официоза военного ведомства. В одной из передовых статей ведущий политический обозреватель «Правительственного вестника» писал следующее: «Привлечение к

государственной деятельности новых слоев образованного общества должно было, согласно почти общим ожиданиям, уже в ближайшее время внести успокоение в страну. Охотно верилось, что созыв Государственной думы откроет собой эру небывалой даровитости. Новые люди, чуждые рутине, свободные от ошибок прошлого, должны были своей кипучей творческой деятельностью исцелить раны нашего исстрадавшегося отечества. К сожалению, надежды эти за истекшие два месяца получили лишь очень слабое осуществление и даже, может быть, не осуществились вовсе»[212].

Что же анализ известий о Государственной думе на страницах «Русского инвалида» позволяет сказать о вовлечении профессиональных военных в сферу публичной политики, их заинтересованности в деятельности первого российского парламента?

Во-первых, как было показано выше, редакция газеты, принимая решение об освещении деятельности Думы, исходила из того, что значительная часть читателей неизбежно будет в той или иной степени интересоваться происходящим в стенах Таврического дворца. Таким образом, стоявшее за редакцией «Русского инвалида» Военное министерство подразумевало уже имеющуюся определенную степень политизированности офицерства, не могущего всецело отстраниться от участия в обсуждении злободневных вопросов в период бурной политической активности населения и коренных преобразований государственного строя. Конечно, от праздного интереса к новостям из Думы было еще далеко до ясного понимая расстановки сил и тонкостей переживаемого момента, формулирования четкой позиции по каждому из вопросов, внятного артикулирования требований и оформления политических симпатий. При этом, внимание к деятельности Думы официоза Военного министерства является достаточно весомым аргументом в пользу существования и широкого распространения по крайней мере такого интереса. В этом плане офицер мог не слишком отличаться от российского обывателя,

[212] Вечерние прибавления к «Правительственному вестнику». 1906. 1 июля.

также читавшего газеты, но недостаточно разбиравшегося в тонкостях социалистических учений, различиях между политическими партиями, предназначении института парламента и сути предлагаемых реформ.

В «Инвалиде» Михайлов помимо репортажей из Таврического дворца отвечал еще и за ведение рубрик «Обозрение газет», «Очерки о Японии», составлял отчеты о суде над контр-адмиралом Небогатовым и о заседаниях «Лиги обновления флота»[213]. То есть, являлся активным и значимым сотрудником редакции, от которого зависело наполнение наиболее интересных (после наград и назначений) новостных разделов газеты. Однако с полемической заметкой от своего имени Михайлов выступил лишь однажды. Статья называлась «Необоснованные черные мысли». В ней Михайлов спорил с ведущим публицистом «Нового времени» А. С. Меньшиковым, писавшем о «расстройстве армии» после Русско-японской войны. Эта статья интересна в нескольких отношениях. Во-первых, в Михайлове виден опытный журналист. Он пишет об особом влиянии печатного слова, способного внушить человеку мысли, противоречащие его личному опыту: «жажда каждого слова, пришедшего с родины, была так велика, что газеты читались всеми до последнего чина армии, и что тогда еще никто не был в состоянии относиться критически и хладнокровно к этому голосу с родины, и все бралось на веру»[214]. Во-вторых, он отмечает затронувшее и военные круги особое настроение накануне созыва Думы, говоря, что критическая книга генерала Е. И. Мартынова «Из печального опыта Русско-японской войны» могла появиться только «весной этого (1906 – А. Ф.) года, когда общество наше возлагало несбывшиеся надежды на тогдашнюю Государственную думу»[215]. И, в-третьих, в ней снова проявляется патриотизм Михайлова: «Но никакого расстройства армии в действительности нет. Напротив, несмотря на тяжелое,

[213] РГВИА. Ф. 400 оп. 3 д. 2892. Л. 8. Об.
[214] Русский инвалид. 1906. 2 ноября.
[215] Там же.

смутное время, армия самоотверженно несет тяжелую службу и является оплотом законности и порядка в стране»[216].

Михайлов исполнял функции парламентского корреспондента «Инвалида» и во времена II Думы. Основные приемы остались теме же, однако формат репортажей несколько изменился. Это было связано с тем, что правительство П. А. Столыпина отказалось от пассивной тактики кабинета Горемыкина. Премьер выступал в Думе с программными речами, а его коллеги защищали перед депутатами ведомственные законопроекты. Соответственно, пересказу речей депутатов (даже правых) стало уделяться куда меньше внимания. Если в Думе выступал кто-то из представителей исполнительной власти, то изложение его речи, как правило, занимала более половины репортажа. Выступления министров приводились со всей возможной подробностью. Иногда за недостатком места окончание печаталось в следующем номере. В свою очередь, отчеты о заседаниях, в которых не принимали участие представители ведомств, могли занимать менее столбца, «сжимаясь» более чем в два раза по сравнению с обычным объемом рубрики. Такой текст уже куда сильнее напоминал протокол, чем репортаж. Исключение делалось лишь для наиболее ярких выступлений правых и октябристов. Смысл нового подхода редакции очевиден – продемонстрировать активность правительства, отодвинув саму Думу на второй план.

§2. Михайлов на службе в думской канцелярии.

Вскоре Михайлов познакомился с жизнью российского парламента уже не как сторонний наблюдатель. В 1908 г. произошел резкий поворот в его карьере. Тогда Михайлов (с 1906 г. уже капитан) был высочайшим приказом

[216] Там же.

уволен от службы при Главном штабе и назначен в канцелярию Государственной думы.

Как получилось, что кадровый военный стал чиновником думской канцелярии? Оказалось, что обновленной Думе нужны служащие, хоть сколько-нибудь компетентные в военных делах. В ноябре 1907 г., по инициативе депутатов из фракции «Союза 17-го октября», в Думе была образована Комиссия по государственной обороне. Депутатам-членам Комиссии, хотя некоторые из них были отставными военными, явно не хватало специальных знаний для работы с законопроектами военного и морского ведомств. То же самое касалось и чиновников думской Канцелярии. Председатель Комиссии А. И. Гучков был озабочен возможными последствиями двойной некомпетентности, и потому решил заполучить на должность делопроизводителя профессионального военного. В Главном штабе рекомендовали Михайлова, и Гучков лично пролоббировал его назначение, хотя против выступали секретарь Думы И. П. Созонович и фактический начальник Канцелярии Я. В. Глинка[217]. «Если капитан Михайлов не будет назначен делопроизводителем, я принужден буду сложить с себя звание председателя Комиссии по государственной обороне», – так, по словам Михайлова, Гучков ставил вопрос перед секретарем Думы[218]. Гучков настоял на своем, поскольку Михайлов должен был казаться весьма подходящей кандидатурой. В его пользу говорили образование и умение владеть пером, но главную роль, по всей видимости, сыграло знакомство Михайлова с думской «кухней». В августе 1908 г. Михайлов приступил к исполнению своих новых обязанностей, а 6 ноября того же года был официально назначен делопроизводителем VI класса законодательного отдела Канцелярии Государственной думы с переводом на гражданскую службу и

[217] Глинка Я. В. Одиннадцать лет в Государственной Думе, 1906–1917: Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 74.
[218] Чрезвычайная верховная следственная комиссия. Вещественные доказательства из числа отобранных у капитана П. М. Михайлова в Смоленске // РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 111. Л. 2.

переименованием в коллежские асессоры[219]. Но вскоре у него начались неприятности и на новом месте службы.

Вероятно, поначалу Гучков был доволен своим выбором. Но очень скоро ему пришлось разочароваться. Даже с чисто деловой точки зрения Михайлов оказался плохим сотрудником. Гучков вспоминал, что он «оказался как канцелярист никуда не годным, плохо писал доклады, был ленив и хамски груб со своими подчиненными»[220]. Судя по другим источникам, Михайлов действительно не слишком хорошо справлялся со своими обязанностями. Сохранилось письмо, в котором он многословно оправдывается перед Гучковым за невыполнение работы в срок, сетуя на неправильную постановку дела в думской Канцелярии: «Получив Ваши указания по исполнению общих работ, я отправился в канцелярию Государственной Думы, где, ввиду летнего перерыва, находилось самое ограниченное число служащих, в том числе и дежурная переписчица, находившаяся лишь в общем отделе, занятая исполнением работ по отделу. Уехав, затем, в Старую Руссу, я вернулся обратно в г. СПб 30 августа и с 1-го сентября приступил к постепенному печатанию порученных Вами мне работ, причем работы эти затянулись ввиду отсутствия достаточного числа свободных налицо переписчиц <…> Что касается 2-ой работы, <…> то, имея в виду, вообще закончить обработку материала, печатание и редактирование и представление его Вам не позднее 1-го октября, т. е. за 10 дней до начала сессии, я занялся попутно некоторыми другими работами по комиссии, чисто подготовительного характера к предстоящей сессии, чем и объясняется отчасти некоторая медлительность работ. Но, теме не менее, не могу не указать, что отсутствие переписчиц в законодательном отделе до 1 октября, слишком плохо отзывается на сроках выполнения работ <…> Не беря на себя права изменения порядков, установленных в канцелярии начальниками отделов, я полагаю, что

[219] РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 1133. Л. 7.
[220] Гучков А. И. Александр Иванович Гучков рассказывает…: Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 81.

выполнение работ чинами канцелярии по поручению гг. членов Государственной думы, особенно в летнее вакантное время, должно быть регламентировано постановлением общего собрания, или же г. секретарем Государственной думы, проведено через совещание и объявлено в его приказах по канцелярии»[221].

Но главная проблема состояла в том, что Михайлов был не готов довольствоваться ролью обычного клерка. Близкое и продолжительное наблюдение за одним из центров политической жизни привело к тому, что у Михайлова появилось желание самому поучаствовать в большой политике. «Гучков, несомненно, видел в нем своего человека и пользовался, очевидно, мелкими услугами его, не касающимися его службы. Худшее, что только может быть. Михайлов же, будучи крайне бестактным, бесталанным и глупым человеком, всячески старался показать, что он находится под покровительством человека, имеющего вес и значение. Он возмечтал о себе и старался даже всей Канцелярии всячески показать, что он играет крупную роль в делах обороны государства»[222] – писал в дневнике Я. В. Глинка.

Перу Михайлова принадлежит один любопытный документ. По жанру этот текст правильней всего определить как донос. Причем очень масштабный, как по тяжести возводимых обвинений, так по значению – он стал частью большой интриги против вмешательства Гучкова и связанных с ним лиц в дела обороны. Но написан этот донос достаточно необычно – слишком литературно для такого жанра. По сути, получилось нечто вроде подробной мемуарной записи. События излагаются от первого лица, в хронологическом порядке, с массой деталей, отступлений и бытовых зарисовок. Выводы не проговариваются прямо – читателю как бы предоставляется возможность сделать их самому на основе приводимых «фактов» (этот прием Михайлов хорошо усвоил по своей журналистской работе). Текст построен таким образом, что читатель должен сопереживать

[221] Михайлов П. – А. И. Гучкову // ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 999. Л. 1–2.
[222] Глинка Я. В. Одиннадцать лет в Государственной Думе… С. 74.

автору (и герою), разделять его удивление и негодование, постепенно совместно обнаруживая «преступные» замыслы Гучкова. Это придает сочинению Михайлова почти что детективный оттенок. Характерно, что очень много места уделяется побочному, совершенно не имеющему отношению к делу сюжету – непростым взаимоотношениям Михайлова с его непосредственными начальниками по думской Канцелярии – Д. Ф. Огневым и В. П. Шеиным. Очевидно, и здесь Михайлов рассчитывал на сочувствие читателя. Даже играя в большую политику, этот человек не мог отказаться от сведения мелких личных счетов.

В самом начале рассказа Михайлов продекларировал свое политическое и жизненное кредо. При знакомстве секретарь Думы будто бы спросил Михайлова: «Вы – офицер, не революционер?», на что тот ответил: «”Как был всегда честным слугой и верноподданным своего самодержавного монарха, таким и останусь до конца дней своих. Кроме того, я никогда не забываю, что мои скромные имя и фамилия вместе с дворянским званием были удостоены чести носиться великим императором Петром 1-м”. Тогда его превосходительство протянул мне руку и сказал: ”ну славу богу, вы меня страшно обрадовали!”. Повторив еще раз, что ”я никогда не изменял своей присяге”, я раскланялся и ушел…»[223]. Далее, скромный тезка бомбардира Петра Михайлова перешел к рассказу о своих злоключениях на думской службе. Начальник законодательного отдела Канцелярии В. П. Шеин также встретил его не слишком радушно: «Последний (Шеин – А. Ф.) <…> все допытывался: ”да знаете ли вы законодательную технику? Да, что вам за охота идти сюда? Да как же это так вы назначаетесь, когда я вас не знаю?”. На все эти вопросы я отвечал, что буду трудиться, как долг и совесть повелевают, что изучить технику законодательства, вероятно, не так уже трудно и т.п.»[224]. Еще хуже прошло знакомство с Д. Ф. Огневым, исполнявшим обязанности старшего делопроизводителем Комиссии обороны: «Представляясь ему, я

[223] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 111. Л. 5.
[224] Там же. Л. 5 – 6.

заметил, что мое назначение ему явно не нравится, ибо, не стесняясь моего присутствия, он говорил: ”да как же это так? Ведь я просил назначить другого? Ведь было все условлено и распределено?”»[225]. Ниже Михайлов обозначит свои политические взгляды, и, отталкиваясь от них, даст общую характеристику чиновников думской Канцелярии: «Присматриваясь к моим новым сослуживцам, я заметил, что большинство из них настроено оппозиционно к современному образу правления, т.е. по своему политическому “credo” они в лучшем случае октябристы, в худшем – кадеты. Покойный делопроизводитель Переселенческой комиссии А. Д. Шипов иначе меня не приветствовал и не упускал случая заметить, что ”вот идет самый мрачный представитель черносотенства”; на это я ему отвечал: ”горжусь быть черносотенцем; как исконное русское имя, оно, конечно, непереносимо для кадетоидов и жидов, которых полагал бы или повесить, или выселить из России; а еще больше терпеть не могу жидовствующих русских”. Обращаясь затем к начальникам отделов, я убедился, что г. Глинка и г. Маиевский – ярые кадеты, самого левого оттенка, а г. Шеин – как бы беспартийный, иногда по виду, он правый, а если нужно, то октябрист, а то и втайне – кадет. Равным образом и прочие служащие в отделах: общем и финансовом – большинство – кадеты»[226].

За множеством подобных отступлений вырисовывается главная линия повествования – конфликт Михайлова с Гучковым. Лидер октябристов, вероятно, полагал, что обязанный ему назначением Михайлов будет преданным и надежным сотрудником, а потому стал давать ему конфиденциальные поручения. Но без предосторожностей доверившись Михайлову, Гучков совершил крупную ошибку – деликатные сведения попали к человеку, который решил предать их огласке в превратном истолковании. Михайлов описывает ситуацию следующим образом: «Продолжая затем разговор со мной, А. И. Гучков сказал мне: “Вам известно, что с нами работает

[225] Там же.
[226] Там же. Л. 13–14.

группа офицеров Генштаба с генералом Гурко во главе?” Я ответил, что ”мне это известно”. ”Ну-с, так вот, я прошу вам, как только будут поступать законопроекты и сметы, тотчас отсылать их к генералу Гурко, а также и к капитану Л. З. Соловьеву”. <…> Выйдя от А. И. Гучкова, я задумался над приказанием посылать законопроекты к генералу Гурко. Бывая у капитана Л. З. Соловьева, я слышал от него об этой ”группе офицеров Генштаба”, к которой и он сам, Л. З. Соловьев примыкает, но мне как-то не верилось; я никак не мог представить себе существование такой ”группы” наряду с военным министерством, и с Комиссией по государственной обороне Госдумы. Каковы ее цели, назначение, что она преследует? При случае я решил лично проверить, для чего, взяв с собой несколько законопроектов, оставшихся от 1-ой сессии и, значит, бывших уже в руках этой группы офицеров, я отправился на квартиру генерала Гурко и, застав его одного дома, сказал о поручении, данном мне А. И. Гучковым. Генерал Гурко со свойственной ему манерой говорить, просил меня аккуратно доставлять законопроекты, дабы своевременно их можно было бы обсуждать с членами Госдумы. Взглянув на бывшие при мне законопроекты, генерал Гурко заявил, что они ему известны, и что он дал уже по ним свое заключение А. И. Гучкову. Убедившись в существовании “группы офицеров Генштаба”, я решил выяснить состав ее, для чего начал производить свои наблюдения»[227].

Пообещав заняться расследованием деятельности группы, Михайлов снова уходит в описание своих служебных злоключений: «имея ежедневные трения, то с г. г. Шеиным и Огневым, то с А. И. Гучковым, я решил уйти совсем в работу, замкнуться в самом себе, трудиться, как и на военной службе, не за страх, а за совесть. В скором времени я забыл, что значит ложиться спать вовремя, ибо вставал из-за письменного стола не раньше 3-4 часов ночи, а вставал не позже 8-9 часов утра и на службу приходил к 10 часам утра ежедневно, а мои помощники приходили неукоснительно к 1 часу дня, за

[227] Там же. Л. 9–10.

исключением дней заседаний комиссии, когда являлись тоже к 11 ч. утра. Свидетели этому все сослуживцы по законодательному отделу, экспедиционная и журнальная части, сторожа, курьеры, швейцары и охранная стража Таврического дворца. Все это описываю не ради самовосхваления, а единственно с целью обрисовать характер той обстановки, в которой пришлось мне работать, причем, должен заметить, никто из моих сослуживцев по законодательному отделу не находился в столь тяжелых условиях, как я»[228].

Все эти, на первый взгляд, лишние, не относящиеся к делу сведения должны были, по замыслу Михайлова, дополнительно обрисовать царившую в Думе атмосферу интриг и несправедливости. «Кадетствующая», враждебная истинному патриотизму и беспринципная среда являлась подходящим фоном для подозрительного сотрудничества Гучкова с кружком военных. Михайлов подчеркивал, что неофициальные контакты членов Комиссии обороны с генералами вызывали недоумение и беспокойство только у него – как у едва ли не единственного среди чиновников Канцелярии верноподданного монархиста, сохранившего на гражданской службе усвоенные в армии представления о долге и верности присяге. С консервативных позиций, сторонником которых изображал себя Михайлов, уже само сотрудничество военных, по своему официальному положению не уполномоченных вмешиваться в решение стратегических вопросов, с думскими политиками являлось грубым нарушением дисциплины и субординации, а в конечном итоге – посягательством на прерогативы «верховного вождя» армии. Не желая участвовать в таком сомнительном, с его точки зрения, предприятии, Михайлов стал саботировать поручение Гучкова посылать копии законопроектов генералу Гурко и капитану Соловьеву: «Работа, между тем, увеличивалась в своем объеме, по мере того как прибывали все новые и новые законопроекты, которые я тем не менее не посылал ни генералу Гурко, ни капитану (ныне подполковнику) Соловьеву, за что не раз уже получал от А. И.

[228] Там же. Л. 14–15.

Гучкова замечания, делаемые им мне раздраженным тоном, пока, наконец, не произошло следующее. В конце октября 1908 г., встретившись со мной в Екатерининском зале, А. И. Гучков обратился ко мне с таким замечанием: “Петр Михайлович, мне жалуются и генерал Гурко, и Л. З. Соловьев, что вы никаких материалов им не посылаете. Я, наконец, спрашиваю вас, когда уже вы научитесь исполнять мои приказания? Я прошу, чтобы это было последний раз, что я делаю вам замечание!” С этими словами А. И. Гучков круто повернулся от меня и пошел в зал заседаний»[229]. Но, как пишет Михайлов, строгий выговор не поколебал его решимости: законопроекты по-прежнему не посылались. Вскоре внушение Михайлову пытался сделать уже сам генерал Гурко, но упрямый делопроизводитель не уступил и здесь: «5 ноября, было назначено вечернее заседание комиссии по государственной обороне по чрезвычайным кредитам с представителями ведомств. Готовясь к этому заседанию, я был приглашен к телефону. Начинается следующий разговор. “У телефона генерал Гурко”. Я назвал себя. ”Послушайте, что же вы, наконец, не присылаете мне ни смет, ни законопроектов, у меня назначены заседания, все съезжаются, а благодаря вам нет никаких материалов. Так, послушайте, нельзя делать”. На это я ответил, что у меня у самого сегодня заседание и, что я не имею времени выяснить этот вопрос как следует, а потому прошу генерала Гурко обращаться к А. И. Гучкову. С этими словами я повесил трубку и крайне раздраженный пошел к себе в делопроизводство…»[230]. Состоялся ли такой разговор в действительности, и верно ли Михайлов передает его содержание установить невозможно. Сомнения вызваны тем, что слова, приписываемые генералу, фактически являются завуалированной похвалой и признанием заслуг Михайлова. Ведь Гурко якобы заявил, что деятельность кружка была парализована на несколько месяцев, поскольку Михайлов прекратил посылку материалов. Таким образом, из записей Михайлова получается, что генералы на протяжении длительного времени собирались и тут же бесплодно

[229] Там же. Л. 15–16.
[230] Там же. Л. 16–17.

расходились, мирясь с тем, что их работа зависит от некоего делопроизводителя, который не присылает бумаг. В это откровенно трудно поверить. Но зато в таком изложении на передний план выдвигалась (пускай и временная) дезорганизация работы «заговорщиков» усилиями «бдительного» и «принципиального» отставного капитана.

Спустя четыре месяца Гучков, наконец, придумал способ обойти сопротивление делопроизводителя. Он вызвал Михайлова и сделал следующее заявление: «Так как вы сочли почему-то неуместным для себя исполнять мои приказания, как несовместимые с вашими понятиями о службе, то потрудитесь сейчас собрать мне полный комплект всех законопроектов (по 5 экземпляров каждого из них) и смет и прислать их мне на квартиру»[231]. Почему-то после этого разговора Михайлов с легкостью отказался от тактики саботажа, которой будто бы с таким упорством придерживался ранее. Он стал в точности исполнять новое поручение Гучкова: «Распоряжение было отдано экспедиции законодательного отдела и тотчас же приведено в исполнение, все, вновь поступившие законопроекты, в любом количестве экземпляров, по указанию А. И. Гучкова, посылались уже прямо к нему на квартиру из экспедиции законодательного отдела»[232].

После еще одного постороннего пассажа (в этот раз о том, как гг. Огнев и Шеин, наконец-то, оценили усердную работу Михайлова), начинается кульминационная часть повествования: «Наступил 1909 год. А И. Гучков уехал в Турцию и вернулся оттуда лишь 27 февраля. По приезде в СПб, он вызвал меня к себе для доклада текущих дел. Во время моего доклада его часто отрывали звонки к телефону. С кем А. И. Гучков говорил я, конечно, не знаю, но кому-то он объяснял, что ”младотурки – это те же октябристы” и, что ”особенно благоприятное впечатление производит председатель меджлиса Ахмед Риза Паша, которому он. А. И. Гучков обещал выслать некоторые законопроекты и документы, касающиеся реформ местного самоуправления,

[231] Там же. Л. 18.
[232] Там же. Л. 18–19.

городского благоустройства и т.п.” Дня через два я получил от А. И. Гучкова распоряжение: запаковать некоторые доклады по этим вопросам (доклады были уже в руках А. И. Гучкова) и отправить этот пакет почтой через 2-го драгомана нашего посольства в Турции, Андрея Николаевича Мандельштама для передачи его превосходительству Ахмеду Ризе Паше от А. И. Гучкова». Впервые упоминаются младотурки – турецкие «прогрессисты»-заговорщики, среди которых ведущую роль играли военные. При этом утверждается, что Гучков готов был отождествить с ними свою партию и ее сторонников.

Но это все еще подводка читателя. Несколько позднее в руки Михайлова якобы попал документ, позволяющий проникнуть в тайны Гучкова и генерала Гурко: «После пасхальных вакаций в апреле месяце в делопроизводство пришел секретарь комиссии А. И. Звегинцов и передал мне несколько исписанных листов и просил меня, чтобы я приказал перепечатать на машинке в пяти экземплярах возможно скорее. Я спросил его: “это служебный документ или частный?” А. И. Звегинцов ответил: ”о да, это совершенно частная работа, к делопроизводству не относящаяся”. <…> прежде чем дать в перепечатку эти листы, рассмотрел, что именно это за работа. 5 или 7 страниц листовой бумаги, кругом исписанные, носили общий заголовок ”К обсуждению военного бюджета”». На последней странице рукой А. И. Звегинцова было написано карандашом ”результаты совместной работы за 1908–1909 гг.” Затем написаны карандашом тоже рукой А. И. Звегинцова фамилии: ”Генерал Гурко, полковник Хотяинцев, полковник Новицкий, полковник Беляев, полковник Ниве, полковник барон Корф, капитан Соловьев (ныне подполковник), А. И. Гучков, А. И. Звегинцов, Н. В. Савич”. Прочтя эти фамилии, я сразу догадался, что это и есть та ”группа офицеров Генштаба”, которая ”работает совместно с членами Госдумы” <…> Отрезав эти карандашные заметки, я отдал в печать эти листы и когда была готова работа; т. е. 5 экземпляров, я их отнес в общее собрание и передал вместе с черновиками и отрезанными бумажками с фамилиями А. И. Звегинцову, который, поблагодарив меня, передал мне

экземпляр, сказав: ”а это вам, на память себе возьмите”. Я взял этот экземпляр и в тот же вечер ознакомился с его содержанием»[233].

К сожалению, на этом самом месте рукопись Михайлова обрывается. Неизвестно могло ли сохраниться ее продолжение. Точно так же ничего нельзя сказать и о документе, с содержанием которого он якобы ознакомился. По меньшей мере вызывает сомнения, что экземпляр записки «об итогах совместной работы» мог достаться Михайлову в виде подарка «на память».

Как бы то ни было, основной посыл сочинения Михайлова ясен и без утраченного фрагмента – Гучков вместе с доверенными депутатами и офицерами группы генерала Гурко создает в России организацию наподобие той, которая произвела переворот в Турции. Иными словами, готовит заговор, угрожающий основам политического строя.

Такие серьезные и отчасти правдоподобные (ведь неформальные контакты с военными действительно имели место) обвинения, несомненно, интересовали противников Гучкова. Во-первых, донос Михайлова предназначался для думских правых, на что есть прямое указание в тесте. На первом листе стоит пометка: «Совершенно доверительно, не подлежит оглашению за пределами партии правых»[234]. Но главным адресатом являлись все же не они, а куда более влиятельное лицо, во власти которого было прекратить деятельность кружка – военный министр В. А. Сухомлинов.

Его предшественник – А. Ф. Редигер стремился к сотрудничеству с «третьеиюньской» Думой. О двух первых созывах он высказывался примерно в духе репортажей Михайлова, но в Третьей думе, наконец, собрались люди, с которыми можно было работать. Министр лично инициировал неформальные контакты с депутатами. В начале декабря 1907 г. Редигер пригласил Гучкова и других членов Комиссии государственной обороны, по его выбору, на чаепитие, в ходе которого откровенно обрисовал депутатам тяжелое положение армии и обозначил неотложные финансовые нужды военного

[233] Там же. Л. 21–22.
[234] Там же. Л. 4.

ведомства[235]. По словам Гучкова, Редигер продолжил время от времени устраивать собеседования с членами Комиссии[236]. Более того, министр соглашался сообщать им секретные сведения[237]. Однако Гучков считал, что Комиссии, состоявшей из штатских лиц и отставных офицеров, малознакомых с современным положением дел в армии, необходимы регулярные консультации с военными экспертами. С этим Гучков обратился к генералу В. И. Гурко – своему хорошему знакомому со времен Англо-бурской войны. Получив согласие военного министра, Гурко стал работать с Комиссией обороны. В 1908 г. он возглавлял Военно-историческую комиссию по описанию Русско-японской войны. Члены Исторической комиссии и составили ядро «консультативного совета», который захотел создать Гучков. В состав Комиссии по написанию истории Русско-японской войны входили: К.М. Адариди, М.В. Грулёв, П.Н. Симанский, Ф.П. Рёрберг, С.П. Илинский, А.М. Хвостов, В.Н. Минут, Н.Н. Сиверс, А.В. фон Шварц, Н.А. Корф и К.К. Агафонов[238]. Однако, как отмечает А. А. Чирков со ссылкой на Ф. П. Рёрберга, не все члены Военно-исторической комиссии участвовали в работе с думцами[239]. С уверенностью можно говорить лишь о троих: в источниках называются Ф. П. Рёрберг, Н. А. Корф и С. П. Илинский[240]. В совещаниях с депутатами регулярно принимали участие офицеры, не входившие в историческую Комиссию. Сам генерал отмечал в воспоминаниях, что на заседаниях кружка обычно присутствовало 10–12 военных[241]. Совещания продолжались около двух лет и за это время, как указывает А. А. Чирков, состав действующих лиц менялся в силу служебных перемещений[242].

---

[235] Редигер А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2-х т. Т. 2. М., 1999. С. 187.
[236] Гучков А. И. Александр Иванович Гучков рассказывает… С. 55.
[237] Редигер А. Ф. История моей жизни…Т. 2. С. 187.
[238] Лукоянов И. В. «Не отстать от держав…». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX– начале XX в. СПб., 2008. С. 40.
[239] Чирков А. А. Взаимоотношения думской комиссии по государственной обороне с Военным и Морским министерствами в 1907–1917 гг. // Военно -исторический журнал. 2016. № 2. С. 42.
[240] Рёрберг Ф. П. Исторические тайны великих побед и необъяснимых поражений. Записки участника Русско-японской войны 1904—1905 гг. и члена военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны 1906—1909 гг. Мадрид, 1967. С. 301.
[241] Гурко В. И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. М., 2007. С. 314.
[242] Чирков А. А. Взаимоотношения думской комиссии по государственной обороне… С. 43.

Известные на сегодняшний день источники не позволяют назвать всех военных, работавших с Комиссией обороны под началом генерала Гурко. Перечень Михайлова явно не охватывает всех участников кружка, но в нем приводятся фамилии, не фигурирующие в других источниках. Наиболее полный и обоснованный список генералов и офицеров, участвовавших в совещаниях с членами Комиссии обороны выглядит следующим образом: В.И. Гурко, М. В. Алексеев, Ю. Н. Данилов, В. И. Марков, Ф. П. Рёрберг, Н. А. Корф, С. П. Илинский, В. Ф. Новицкий, С. А. Хотяинцев, В. В. Беляев, П. А. Ниве, Л. З. Соловьев. Кроме того, на заседаниях кружка появлялся помощник военного министра А. А. Поливанов. Почти все названные лица значились в списках офицеров Генерального штаба. Только Н. А. Корф и Л. З. Соловьев не были причислены к корпусу офицеров Генштаба, но и они являлись выпускниками Академии генштаба. Соловьев к тому же служил по Главному управлению генштаба (ГУГШ). Примечательно, что Л. З. Соловьев также являлся одним из авторов «Военного голоса». Со стороны думцев ведущую роль играл А. И. Звегинцов – секретарь Комиссии обороны и правая рука Гучкова, в прошлом также офицер Генштаба. Таким образом, депутаты контактировали с представителями наиболее образованной и профессионально подготовленной прослойки офицерства.

Программа занятий «военно-думского кружка»[243] строилась вокруг обсуждения тех самых законопроектов военного ведомства, которые якобы отказывался посылать Михайлов. Однако участники совещаний не были стеснены регламентом, и между ними наверняка происходил обмен мнениями по самым различным военно-политическим вопросам. Речь, конечно, не могла идти о подготовке государственного переворота по турецкому образцу, как намекал Михайлов, но между военными и депутатами существовала некая политическая солидарность. О содержании бесед практически ничего не известно. Но уже само участие в деятельности кружка подразумевало

[243] Термин А. А. Чиркова (Чирков А. А. Взаимоотношения думской комиссии по государственной обороне… С. 43).

определенную политическую позицию – военные реформы не могут больше подготавливаться бюрократическим способом за закрытыми дверьми канцелярий, необходимо их обсуждение, причем помимо профессионалов к нему должны привлекаться представители населения, которое несет на себе бремя военных расходов.

Представляется, что существование «военно-думского» кружка отражало две тенденции. С одной стороны, депутаты пытались явочным порядком расширить круг своих полномочий, к неудовольствию верховной власти вмешиваясь в дела обороны. С другой, военные, не имевшие избирательных прав, стремились наладить отношения с депутатами, сделать их своими союзниками и защитниками интересов армии.

Все это было возможно благодаря позиции, которую занимал военный министр. Уильям Фуллер полагает, что Редигер держал свои контакты с депутатами и работу кружка генерал Гурко в тайне от Николая II[244]. Что совсем не удивительно. Легко представить себе возможное отношение к этому императора – ведь Редигер был отправлен в отставку после того, как публично неосторожно обнаружил свое сочувствие взглядам Гучкова. На заседании Думы 23 февраля 1909 г. лидер октябристов выступил с резкой критикой высшего командного состава армии. По его мнению, из всех командующих приграничными округами лишь один[245] соответствовал занимаемой должности. В конце речи Гучков выразил надежду на то, что верховная власть услышит его слова и примет надлежащие меры[246]. Присутствовавшему в Думе военному министру следовало энергично оспорить, пусть даже справедливые, но выходившие за пределы компетенции Думы, немыслимо дерзкие и недопустимые в публичном поле обвинения, подрывавшие престиж генералитета. Вместо этого Редигер признал проблему и фактически согласился с Гучковым. Он завил: «при выборе на любую высшую должность

[244] Fuller W. Civil–Military Conflict in Imperial Russia, 1881–1914, Princeton, NJ: Princeton University Press, 1985. pp. 202.
[245] Командующий Киевским военным округом генерал Н. И. Иванов – хороший знакомый Гучкова.
[246] Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия II. СПб, 1908. Ч. 2. Стб. 2226.

приходится сообразовываться с тем материалом и с теми кандидатами, которые в данную минуту имеются налицо»[247]. Через две недели министр узнал от императора о своей отставке.

По сути, Редигер пытался наладить взаимодействие профессиональных военных с представителями общественности в противовес традиционным прерогативам императора и придворных сфер. Там царский министр не видел истинного понимания нужд армии и современных требований военного дела. Он вспоминал, что «по военной части многие реформы удалось провести лишь ввиду наличия Думы»[248]. Ставка оказалась слишком рискованной – Редигер проиграл. Его приемник сделал выводы и вернулся к прежней модели: отринув всякие заигрывания с общественностью, Сухомлинов видел свою единственную опору в доверии монарха. Собственно, это от него и требовалось – Николай II лично просил своего министра даже не появляться в Думе[249]. Исполняя монаршую волю, Сухомлинов действительно не приезжал в Думу без особой необходимости. Работу с народным представительством взял на себя помощник военного министра Поливанов, близко сошедшийся с Гучковым. Думский центр хотел видеть Поливанова в министерском кресле, что предопределили его конфликт с Сухомлиновым и последующую отставку[250].

При новом министре работа «военно-думского» кружка уже не могла продолжаться, и донос Михайлова пришелся как нельзя кстати. Обвинения в заговоре были нелепы и недоказуемы, но Сухомлинов воспользовался ими, чтобы удалить увлекшихся политикой (т. е. занявшихся не своим делом) генералов и офицеров из столицы[251].

В 1930-е годы, беседуя с Н. А. Базили, Гучков вспоминал, что Михайлов был «приставлен» к Комиссии обороны в «качестве соглядатая» и составил

---

[247] Там же. Стб. 2336.
[248] Редигер А. Ф. История моей жизни… Т. 2. С. 284.
[249] Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. Т. 1. М., 1924. С. 67.
[250] Савич Н. В. Воспоминания. СПб., 1993. С. 149–150.
[251] Сухомлинов В. А. Воспоминания. М. – Л., 1928. С. 190–191.

«обстоятельный донос, <…> где говорилось о создании в армии такого кружка, который должен подготовлять антимонархические течения, а может быть и действия, в самой армии»[252].

Был ли Михайлов действительно с самого начала «приставлен» к Гучкову, или же он, спустя некоторое время, сориентировавшись в ситуации, стал информатором по собственной инициативе? На этот вопрос трудно дать однозначный ответ, но второе представляется более вероятным. Кто мог его «приставить»? В момент назначения Михайлова Сухомлинов еще находился в Киеве, а военным министром был Редигер, симпатизировавший деятельности кружка «младотурок». Едва ли Сухомлинов мог наперед позаботиться о внедрении своего человека в Думу.

Гучков говорил Базили, что решил уволить Михайлова, поскольку контрразведка подозревала его в шпионаже[253]. Давая в 1915 г. показания по делу о «причинах несвоевременного и недостаточного пополнения запасов военного снабжения армии», основным фигурантом которого станет Сухомлинов, Гучков подробнее рассказал о капитане Михайлове. По всей видимости, он хотел показать, что полковник Мясоедов был не единственным офицером-изменником в окружении Сухомлинова. В рамках того же дела показания против Михайлова давал депутат П. Н. Крупенский – один из ближайших сотрудников Гучкова по Комиссии обороны, в квартире которого часто проходили совещания «военно-думского» кружка[254]. Крупенский утверждал, что в 1909 г. «узнал из-за границы, что в Комиссии государственной обороны на службе находится капитан Михайлов, и что (он – А. Ф.) должен быть под надзором в смысле недопущения его к государственным секретам»[255]. Своих заграничных источников Крупенский не раскрывал, да и откуда они могли у него взяться? Тем не менее он сообщил о

[252] Гучков А. И. Александр Иванович Гучков рассказывает… С. 81.
[253] Там же. С. 82.
[254] Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра… С. 41.
[255] Протоколы допросов П. Н. Крупенского, А. И. Гучкова и других лиц по делу о причинах несвоевременного и недостаточного пополнения запасов военного снабжения армии // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 737. Л. 24.

своих подозрениях Гучкову и Сухомлинову, который якобы странно отреагировал, спросив: «Михайловых много, как его имя?», и не предпринял никаких действий[256]. Крупенский продолжает: «Вскоре А. Гучков обнаружил, что Михайлов интересуется главное документами секретного шкафа Комиссии и решил его удалить, но тому мешал член Думы, секретарь Государственной думы Созонович. Основания его были, думаю, либо то, что как крайний правый, он не желал поддерживать лидера октябристов, либо получил от капитана Михайлова записку, о которой говорили. В которой Михайлов, желая себя защитить, указывал, что его гонят за то, что он обнаруживает Гучкова, Савича и меня в младотуречестве и что он об этом писал, кому следует, не знаю, правда ли это, но допускаю, что так. Во все это вмешалось совещание Государственной думы, и с трудом Михайлов был удален»[257]. Показания Гучкова дополняют слова Крупенского. Он указывает, что попросил генерала Поливанова (своего политического союзника) проверить подозрения насчет Михайлова и вскоре получил справку начальника контрразведки, подтвердившую его опасения[258]. Гучков также сообщил, что адресатом доносов Михайлова был Сухомлинов: «Об этом заговоре им был составлена подробная докладная записка, экземпляр которой, был им, между прочим, передан генералу Сухомлинову, после чего генерал Сухомлинов, как мне говорили, не раз вызывал его к себе для личных показаний»[259]. Гучков и Крупенский настаивали на том, что подозрения в измене заставили Михайлова выдвинуть ответные обвинения. Но скорее они сами пытались очернить информатора своих противников, объявив его иностранным шпионом.

Справка, о которой говорил Гучков, сохранилась, она действительно была прислана Поливановым и подписана начальником контрразведки полковником Н. А. Монкевицем[260]. Но она представляет собой довольно

[256] Там же.
[257] Там же. Л. 24–25.
[258] Там же. Л. 31–32.
[259] Там же. Л. 32.
[260] РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 1133. Л. 79.

странный документ. Там нет даже косвенных доказательств причастности Михайлова к шпионажу. Все основывалось на неясных слухах и смутных подозрениях отдельных лиц, которые даже не могли вспомнить (!), что заставило их усомниться в «надежности» Михайлова: «Начальник штаба Отдельного корпуса жандармов, генерал-майор Гершельман помнит, что в 1904 году он докладывал дежурному генералу Главного штаба генерал-лейтенанту Мышлаевскому о ненадежности штабс-капитана Михайлова, но не может припомнить, на основании каких данных им был сделан этот доклад. Генерал-майор Гершельман припоминает только, что штабс-капитан Михайлов постоянно брал в долг у товарищей незначительные денежные суммы, причем на него поступали жалобы на неуплату своих долгов; генералу Гершельману штабс-капитан Михайлов также не уплатил незначительного денежного долга. <…> Полковник Максимовский, по возвращении весной 1904 года из Парижа слышал от своих товарищей по Главному штабу, что штабс-капитан Михайлов был отчислен от Военно-статистического отдела ввиду того, что он ”подозрителен”, но фактов, на которых основано это подозрение, он не слышал. <…> Полковник Платов весной 1904 года из разговоров с Генерального штаба полковником Княжевичем – товарищем по Академии штабс-капитана Михайлова, вынес убеждение, что Михайлов пользовался среди товарищей весьма нелестной репутацией, причем его характеризовали даже как человека, способного за хорошую сумму денег продать любой секрет. Поэтому полковник Платов доложил об этом начальнику отделения генерал-майору Воронину, результатом чего и явилось отчисление штабс-капитана Михайлова от Военно-статистического отдела»[261]. По сути, из всего этого следовало лишь то, что Михайлов, как уже отмечалось, не пользовался любовью своих начальников и сослуживцев. Но такой справки Гучкову хватило для того, чтобы объявить неугодного человека шпионом.

[261] Там же. Л. 80–81.

Высказанные Гучковым подозрения помогли удалить Михайлова из Думы. Момент был выбран удачно. Гучков получил справку полковника Монкевица 1-го ноября 1910 г., а незадолго до этого в Думе произошел настоящий шпионский скандал. Корреспондент Австрийского телеграфного агентства, российский подданный барон Э. П. Унгерн-Штернберг передал австро-венгерскому военному атташе графу Спанокки добытые в Думе экземпляры законопроекта о контингенте новобранцев на 1909 г., а также доклада Комиссии обороны по аналогичному законопроекту на 1910 г. Разоблачить Унгерн-Штернберга помог полковник австрийского Генштаба Альфред Редль, работавший на российского военного агента в Вене М. К. Марченко[262]. 28 октября 1910 г. суд приговорил барона за измену к 4 годам каторги с лишением прав состояния[263]. Михайлов был непричастен к передаче секретных документов. Из Военного министерства в Думу поступило 550 экземпляров законопроекта о контингенте новобранцев на 1909 г., значительная их часть была отправлена в Комиссии и роздана депутатам[264]. Унгерн-Штернберг попросту купил забытый в зале заседаний экземпляр законопроекта у кого-то из прислуги Таврического дворца за 2 рубля, доклад Комиссии обороны достался ему таким же путем[265]. Дело Унгерн-Штернберга вел следователь Петербургской судебной палаты А. П. Александров. Расследование подтвердило, что в Думе небрежно относились к секретным документам[266]. Михайлов выступал на процессе Унгерн-Штернберга в качестве свидетеля и, по словам Я. В. Глинки, обличал непорядки в обращение с документами, чем окончательно разозлил Гучкова[267].

В той обстановке сведения, полученные Гучковым, несмотря на всю их туманность, вполне естественным образом позволяли подозревать Михайлова

---

[262] Markus G. Der Fall Redl. Vienna, 1984. S. 127–144.
[263] Всеподданнейшие доклады министров юстиции по делам политическим за 1910 год. Часть 2-ая. 6 июля–19 октября 1910 // РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 467. Л. 244.
[264] Дело о возбуждении судебного следствия о государственной измене пристава Государственной думы Эрнеста Унгерн-Штернберга // РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1157. Л. 8.
[265] Markus G. Der Fall Redl… S. 138.
[266] Зверев. В. О. Система мер противодействия угрозам военной безопасности Российской империи (1904–1914 годы). Дисс. на соиск. уч. степ. д. и. н. Омск, 2017. С. 225–226.
[267] Глинка Я. В. Одиннадцать лет в Государственной Думе… С. 74.

в соучастии Унгерн-Штернбергу. Ни у следствия по делу Унгерн-Штернберга, ни у контрразведки не имелось никаких компрометирующих Михайлова фактов, но его репутация была безнадежно испорчена. Фракция правых больше не могла защитить Михайлова, и ему пришлось согласиться подать прошение об отставке. 26 февраля 1911 г. Михайлов был официально уволен из Канцелярии Государственной думы.

Самое удивительно в этом то, что Михайлов действительно с 1904 г. находился в поле зрения контрразведки. Вероятно, на него обратили внимание с подачи того самого генерала Д. К. Гершельмана, который впоследствии не сумел вспомнить, чем были вызваны его подозрения.

В делах контрразведки сохранилось обстоятельное досье на Михайлова с данными наружного наблюдения. В первый раз оно было установлено в 1904 г., но не дало никаких уличающих в измене фактов: «Михайлов известен с 1904 года, когда он, состоя на службе в Главном штабе, был замечен в сношениях с неизвестным иностранцем, оказавшимся затем австрийским подданным бароном Адольфом Одколен; 29 сентября того же года Одколен, при встрече с Михайловым, передал что-то последнему. Кроме того, Михайлов часто посещал: редакцию газеты “Русь”, помещавшуюся в доме № 27 по Итальянской улице, Павловского Николая Александровича, коллежского асессора, и проживавшую в доме № 53 по набережной Фонтанки вдову чиновника Софью Михайловну Бакланову, с которой встречался почти ежедневно, находясь, видимо, с ней в интимных отношениях»[268]. Контакты с австрийским подданным выглядят подозрительно, но, видимо, их проверка не дала никаких результатов. Иначе почему Михайлов продолжил служить в Главном штабе, а затем отправился на войну в штаб главнокомандующего на Дальнем Востоке? Во второй раз Михайлов был взят под наблюдение в связи с делом Унгерн-Штернберга, это снова ничего не дало. Впрочем, был зафиксирован один любопытный факт: в декабре 1910 г. Михайлов «стал

[268] Справка о коллежском советнике П. М. Михайлове // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Д. 1. Л. 4.

усиленно посещать лиц, имеющих видное положение»[269]. Но, к сожалению, имена этих лиц не раскрываются. Скорей всего среди них был военный министр, и именно тогда Михайлов давал ему разъяснения к записке о «младотурках».

Контрразведка продолжила собирать сведения о Михайлове и после его ухода из Думы. В досье отмечается, что в начале 1912 г. Михайлов перебрался из Петербурга в Киев, где жил на широкую ногу, добывая крупные суммы «аферами по покупке и продаже имений»[270].

Досье было составлено 22 августа 1916 г. в связи с тем, что Михайлов (с подачи Гучкова и Крупенского) стал фигурантом дела Сухомлинова.

После начала Первой мировой Михайлов ходатайствовал перед императором о возвращении на военную службу. В прошении Михайлов посчитал нужным изложить краткую историю своего конфликта с Гучковым: «перейдя на службу в канцелярию Госдумы, я занял должность делопроизводителя Комиссии по государственной обороне, председателем которой в то время был член Думы А. Гучков, впоследствии – председатель Госдумы. Различие в политических взглядах моих, как офицера и потомственного дворянина Российской империи, воспитанного в строго монархической семье, в духе военной дисциплины, привыкшего служить по долгу присяги, не за страх, а за совесть, несомненно должно было привести к резкому столкновению моему с политическим авантюристом А. Гучковым, в результате чего я принужден был подать прошение об увольнении в отставку, которая и явилась актом политической мести ко мне со стороны А. Гучкова. Подробности этого столкновения моего с А. Гучковым, имеющие совершенно доверительный, негласный характер может доложить вашему императорскому величеству лишь военный министр, генерал-адъютант Сухомлинов, которому

[269] Там же. Л. 4–5.

[270] Там же. Л. 5. Известны некоторые подробности этих «афер». Например, Михайлов купил имение Стыдыня с 4544 десятинами земли в Волынской губернии у разорившегося владельца всего за 73 тысячи рублей (в зачет остальной суммы взяв на себя его долги), а затем получил в Дворянском банке ссуду в 296 тысяч рублей под залог этого имения. Все операции Михайлов из предосторожности совершал в качестве поверенного своей жены (Запродажные записи на продажу и покупку имений Михайловым П. М., доверенность и др. имущественно-хозяйственные документы // РГВИА. Ф. 248. Оп. 1. Д. 44. Л. 8–32.)

я лично докладывал все данные по этому делу. Убедившись, что в Госдуме служат не столько делу, сколько лицам, в зависимости от их политических взглядов, глубоко сожалея об уходе своем с военной службы, с которой я сроднился в течение 26 лет, ныне пробыл в отставке 3,5 года, я беру на себя смелость повергнуть к священным стопам вашего императорского величества мою всеподданнейшую просьбу об определении меня вновь на военную службу, дабы в путях монаршего милосердия, мне была дарована с высоты престола возможность продолжать служить вашему императорскому величеству, по примеру моих предков до конца моей жизни»[271].

Прошение было удовлетворено. Михайлов вернулся в армию и почти всю войну провел в тыловых штабах, запасных и хозяйственных частях[272]. Февральскую революцию он встретил, находясь в резерве чинов при штабе Минского военного округа. В марте 1917 г. его неожиданно настигли продвигавшиеся Гучковым и Крупенским обвинения в шпионаже. 15 марта в газете «Русское слово» была напечатана большая анонимная заметка о деле Сухомлинова. В ней приводились краткие сведения о якобы замешанных в темных делах лицах из окружения бывшего министра. Михайлов попал в галерею «изменников» и авантюристов наряду с С. Н. Мясоедовым, А. Альтшиллером, Н. М. Гошкевичем и другими. Абзац о Михайлове фактически является выдержкой из показаний Гучкова и Крупенского 1915 г., но с одним существенным отличием – в газете утверждалось, что Михайлов был соучастником Унгерн-Штернберга: «Из других лиц, которые окружали Сухомлинова, следует отметить отставного капитана Михайлова, который поддерживал в 1909 году знакомство с бароном Унгерн-Штернбергом, обещая последнему добыть секретное приложение к военному бюджету. <…> А. И. Гучков, наблюдая за Михайловым, обратил внимание, что Михайлов проявлял особый интерес к делам, хранящимся в секретном шкапу комиссии обороны. Тогда Гучков заявил Михайлову, что он предполагает его уволить, но

[271] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 111. Л. 23–24.
[272] РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 29763. Л. 2.

предоставляет ему некоторое время для подыскания себе места. Сначала Михайлов согласился, а через некоторое время отказался подать прошение и, вместе с тем, повел кампанию против председателя и некоторых членов Государственной думы, обвиняя их в младотуречестве. По этому поводу Михайловым была составлена записка, которая была представлена Сухомлинову. По словам Гучкова, Сухомлинов не раз вызывал к себе Михайлова для переговоров по этому вопросу»[273].

Статья, очевидно, была написана со слов Гучкова и Крупенского. Текст изобилует ссылками на них, и в целом политики преподносятся в качестве принципиальных борцов с «заговором» изменников родины, во главе которого стоял Сухомлинов. В показаниях Гучков и Крупенский не могли заявлять о связи Михайлова с Унгерн-Штернбергом, поскольку это противоречило выводам следствия, но публикация в газете (да еще и после падения «старого порядка») – совершенно иное дело. Было это запланировано или нет, но уже на следующий день после выхода номера «Русского слова» Михайлова арестовали в Смоленске, где находился штаб Минского округа, по распоряжению Исполкома местного Совета и на основании сведений, изложенных в заметке[274]. Сидя под арестом, Михайлов написал письмо в редакцию газеты «Смоленский вестник», в котором объявил клеветой все обвинения в свой адрес. Он утверждал, что до суда даже не слышал о существовании Унгерн-Штернберга, против Гучкова никогда не интриговал и никаких контактов с Сухомлиновым не имел. Более того, Михайлов заявил, что как раз Сухомлинов хотел удалить его из Канцелярии Думы – зачем это было нужно министру, капитан не пояснил[275].

В конце марта 1917 г. Гучков, ставший военным и морским министром Временного правительства, отправился инспектировать войска Западного фронта. Командующим фронтом Гучков, по согласованию с М. В.

---

[273] Русское слово. 1917. 15 марта.
[274] Протоколы опросов Александрова Николая Александровича, Скрягина Георгия Сергеевича, Михайлова Петра Михайловича, Гергарди Бориса Андреевича, произведенных товарищем прокурором Костенко // ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 3. Д. 8. Л. 5.
[275] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 111. Л. 2–3.

Алексеевым, сделал своего давнего знакомого – генерала Гурко. 30 марта, выступая перед Минским Советом, Гучков вспомнил о совместной работе с Гурко: «задолго до войны вопрос о военных реформах в России, а в частности в военном деле, волновал многих. Еще тогда организовался кружок членов Государственной думы, поставивший себе задачей провести ряд необходимых мероприятий и реформ в армии. Этот кружок нашел сочувствие в группе офицеров во главе которой был ”мой старый добрый друг, а ваш главнокомандующий, тогда еще молодой офицер”. Это заявление аудитория встретила аплодисментами. Мы трудились, работали, болели душой, но не встречали сочувствия. Напротив, вы, вероятно, знаете, чем тогда ответил Сухомлинов. Он обвинил нас в “младотуречестве” и подверг всяческим гонениям. Мы были названы изменниками и предателями»[276]. В тот же день последовало распоряжение военного министра отконвоировать Михайлова из Смоленска в Петроград и отдать в распоряжение коменданта Петропавловской крепости. Гучков явно стремился привязать Михайлова к делу Сухомлинова: бывший министр дискредитировал кружок истинных поборников укрепления военного могущества России, воспользовавшись услугами «шпиона» и клеветника. Гучков считал сворачивание сотрудничества с Думой одним из главных преступлений Сухомлинова. В таком ключе он высказывался и во время суда над генералом. Гучков противопоставил Редигера, шедшего навстречу Думе, Сухомлинову и заявил, что осознал всю пагубность назначения последнего, после того как тот поддержал клеветнические измышления о «младотурецком» заговоре[277].

1 апреля 1917 г. Михайлов был доставлен в Петропавловскую крепость, но его не стали помещать в Трубецкой бастион к бывшим сановникам, а оставили на вахте. Там 7 апреля Михайлов дал краткие показания товарищу прокурора Петроградской судебной палаты Костенко. Он, не вдаваясь в подробности, снова заявил, что в заметке «Русского слова» содержится

[276] Русское слово. 1917. 31 марта.
[277] Там же. 20 августа.

«сплошная ложь и клевета», а также подчеркнул свою лояльность новой власти: «К изложенному считаю необходимым добавить, что вообще в г. Смоленске революционное движение прошло тихо, все сразу объединились, никаких кровавых эксцессов не было и все твердо решили поддерживать Временное правительство, в чем единодушно принесли присягу»[278]. О других следственных действиях с Михайловым, если они и производились, ничего не известно.

Пребывание Михайлова в Петропавловской крепости никак не отражено в сохранившихся бумагах коменданта. С уверенностью можно утверждать, что он так и не был заключен в Трубецкой бастион. 28 августа 1917 г. Михайлов явился в качестве свидетеля на процесс Сухомлинова – т. е. уже находился на свободе[279]. На суде Михайлов заявил, что он препятствовал нелегальной, как ему тогда казалось, работе кружка генерала Гурко, и за это Гучков подверг его всяческим преследованиям, изобретя нелепые обвинения в шпионаже. О том факте, что сведения о кружке в искаженном виде передавались Сухомлинову, Михайлов предпочел умолчать.

Нельзя сказать, сколько времени Михайлов провел под арестом. Вероятно, он был выпущен за отсутствием каких-либо доказательств вины после того, как Гучков оставил министерский пост.

На сегодняшний день неплохо изучен феномен «шпиономании» в позднеимперской России. В литературе прослежена фабрикация обвинений против полковника Мясоедова и Сухомлинова[280]. Но дело Михайлова еще не попадало в фокус исследователей. А ведь он был включен в воображаемую сеть «шпионов» и «проходимцев», в центре которой находился военный министр. И если Мясоедов был виноват только тем, что Сухомлинов на время приблизил его к себе, то Михайлов получил клеймо шпиона в отместку за свои интриги.

---

[278] ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 3. Д. 8. Л. 5.
[279] День. 1917. 29 августа; Новое время. 1917. 29 августа.
[280] Шацилло К. Ф. «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967. № 4; Фуллер У. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009; Айрапетов О. Р. «Дело Мясоедова». XX век начинается... // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2009. № 23.

Через биографию политического авантюриста-неудачника можно взглянуть на более масштабные проблемы. История Михайлова и «младотурок» являлась эпизодом противостояния «прогрессивной» и «консервативной» группировок военной элиты. Столкнулись два политических мировоззрения. Как отмечалось, Михайлов постоянно указывал, что участие действующих офицеров в работе парламента не укладывалось в его представления о верноподданническом долге. С этих же позиций действовал Сухомлинов. В свою очередь, Редигер, делая шаги навстречу Думе, следовал общему «конституционному» курсу премьера Столыпина, вызывавшему категорическое неприятие правых, имевших прочные позиции в Государственном совете, петербургских «сферах» и при дворе. Замена Редигера консервативным Сухомлиновым была очередной победой этого круга и, соответственно, ударом по премьеру. В рамках масштабной атаки на Столыпина правым было выгодно встать в позу защитников военных прерогатив монарха, ведь Николай II ревностно противился распространению «новых порядков» законодательства на вооруженные силы – историческую «вотчину» короны[281].

Таким образом, политическую борьбу в военной среде следует рассматривать в качестве частного проявления основного политического конфликта, раскалывавшего элиты третьеиюньской монархии. Попытки проводить умеренные «прогрессивные» реформы с опорой на народное представительство встречали систематическое сопротивление консерваторов, умевших пользоваться симпатиями императора.

[281] Правым представился удобный случай развернуть публичную кампанию против нарушения Думой военных прерогатив короны в связи с законопроектом о штатах Морского Генерального штаба (МГШ). Дума должна была утвердить смету МГШ, но рассмотрение самих штатов, по мнению правых, не входило в ее компетенцию и нарушало 96 статью Основных законов. Под удар попадала не только Дума, но и внесший законопроект кабинет Столыпина. Император согласился с доводами правых и не утвердил законопроект. Столыпин оказался на грани отставки. Подробней см.: Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978. С. 134–137; Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Отношения между военными и гражданскими в III Думе // Последняя война императорской России. М., 2002. С. 28–31;

§3. «Младотурки» в Академии Генерального штаба.

Прозвище «младотурки» закрепилось не только за членами кружка генерала Гурко. В рамках данного исследования удалось восстановить историю другого приобретшего политический оттенок конфликта в военной среде. После Русско-японской войны остро встал вопрос о реформе Николаевской академии Генерального штаба – «кузницы» кадров высшего командного состава русской армии, откровенно не лучшим образом проявившего себя на Дальнем Востоке. Продолжавшаяся в течение нескольких лет работа официальных комиссий, собиравших суждения авторитетных специалистов о ситуации в Академии, не привела к выработке четкого плана реформ. Серьезные преобразования начались в Академии по инициативе «снизу».

От выпускников академии ожидали очень много. Уровень образования обер-офицеров и армейских строевых начальников, как правило, был не слишком высоким. Поэтому в России получила распространение практика назначения генштабистов на строевые должности помимо отбытия ими обязательного ценза. Выпускники Академии генштаба рассматривались, в первую очередь, не как узкие специалисты с конкретными задачами, а как профессионалы и знатоки военного дела вообще, проводники прогресса и достижений военной науки. Как писал полковник Генерального штаба В. Ф. Новицкий: «В области наших военных понятий нет, кажется, понятия более неопределенного, более расплывчатого, более произвольного, чем то, которое выражается у нас термином “Генеральный штаб”. <…> Есть ли это особая отрасль военной службы, предназначенная для обслуживания известных сторон военного дела или это – только отдельная корпорация офицеров? Есть ли это учреждение военного ведомства, имеющее определенное назначение, свои задачи, свою специальную область деятельности, или под этим названием следует подразумевать лишь совокупность людей, объединенных высшим военным образованием, но рассеянных по всем углам нашей армии? Наконец,

в чем заключается специальность Генерального штаба? В этом отношении мнения, встречающиеся, как в нашей военной литературе, так и нашей практической деятельности, расходятся до пределов невероятных»[282].

В 1909 г. Академия генштаба была переименована в Николаевскую военную академию. Новое положение фактически закрепляло за Академией статус военного университета вместо специализированной школы офицеров Генштаба. Его первая статья гласила: «Николаевская военная академия имеет целью давать офицерам нашей армии высшее военное образование. <…> Кроме того, задачей Академии является развитие трудами ее профессоров военной науки и распространение литературно-учеными их работами военных знаний в армии»[283].

В целом, такой подход препятствовал консолидации усилий корпуса офицеров Генштаба и адекватному применению их навыков, затрудняя появление в русской армии структур, по функциям, а главное, значению сопоставимых с германским Большим Генеральным штабом. При этом академический диплом еще не являлся гарантией высокого профессионализма и наличия адекватных эпохе навыков управления войсками. Офицеров Генштаба часто упрекали в том, что они превращались в канцеляристов, военных чиновников и за бумажной работой забывали то, чему их учили. «Сердце болит, когда видишь Божий дар, тонущий в чернилах, растворяющийся в канцеляриях» – сокрушался по этому поводу генерал Н. Д. Бутовский[284].

Когда армия стала терпеть чувствительные поражения на Дальнем Востоке, в военной среде начала разворачиваться дискуссия о назначении корпуса офицеров Генштаба и соответствии их образования современным требованиям. Основные претензии заключались в том, что слушатели Академии получали неудовлетворительную тактическую подготовку. Как

---

[282] Новицкий В. Ф. На пути к усовершенствованию государственной обороны. СПб., 1909. С. 11.
[283] Высочайше утвержденное положение о Николаевской военной академии // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1912. № 32318.
[284] Русский инвалид. 1905. 3 июня.

потому, что в Академии преподавались принципы стратегии и тактики, выработанные еще в наполеоновскую эпоху, так и в силу неразвитости системы практической отработки и закрепления полученных навыков[285]. Колоссальное значение в Академии придавалось изучению военной истории. Одержимость российской военной науки историей объяснялась желанием выработать наиболее общие и универсальные, актуальные во все времена принципы военного искусства[286]. Чрезмерное увлечение военной историей имело серьезные негативные последствия. Перекос в сторону военной истории и основанной на ее выводах отвлеченной теории военного искусства не давал слушателям Академии в должной мере ознакомиться с последними достижениями военной науки и технологии. Практическим занятиям по отработке навыков управления войсками и проведению боевых операций отводилась второстепенная роль. Они проводились весьма специфически и с сомнительными результатами. Знатоки Греко-персидских войн, походов Александра Македонского и кампаний Наполеона нередко испытывали серьезные затруднения, когда на их долю выпадало руководство войсками в условиях боевых действий индустриальной эпохи. Один из офицеров – участников войны с Японией вспоминал, что обучение в Академии концентрировалась вокруг вопросов такого рода: «в котором часу в Бородинском сражении какая-то бригада, кажется, Боннеми, куда-то скакала и кого-то рубила»[287]. Ярким примером военачальника, воспитанного в лучших традициях Николаевской академии и неспособного эффективно управлять массовыми армиями начала XX века, являлся А. Н. Куропаткин.

Еще до окончания боевых действий на Дальнем Востоке – в июне 1905 г. произошло организационное обособление российского Генштаба. Из бывших подразделений Главного штаба – генерал-квартирмейстерской части, а также двух управлений – военно-топографического и военных сообщений, было

[285] Steinberg J. All the Tsar's Men: Russia's General Staff and the Fate of the Empire, 1898–1914. Washington, 2010. pp. 159–163.
[286] Menning B. Baynets before bullets. The Imperial Russian Army, 1861–1914. Bloomington, 1992. pp. 125–132.
[287] Цит. по.: Гущин А. В. Русская армия в войне 1904–1905 гг.: историко-антропологическое исследование влияния взаимоотношений военнослужащих на ход боевых действий. СПб., 2014. С. 50.

создано Главное управление Генерального штаба (далее – ГУГШ). Первоначально начальник ГУГШ (по германскому образцу) выводился из подчинения военному министру и фактически становился в равное с ним положение, обладая правом личного доклада у императора. Масштабная реформа Генерального штаба не могла не затронуть и его Академию. При первом начальнике ГУГШ Ф. Ф. Палицыне была образована специальная комиссия под председательством генерала Н. С. Ермолова для выяснения недостатков подготовки офицеров Генштаба. Начальники академии Н. П. Михневич и сменивший его в 1907 г. Д. Г. Щербачев являлись убежденными сторонниками преобразований. Тем не менее дело реформирования Академии продвигалось с характерной для позднеимперской России бюрократической медлительностью, утопая в комиссиях, вырабатывавших компромиссные декларативные пожелания, и грозило кончиться ничем[288]. Так было, пока из командировки во Францию не возвратился лидер и идейный вдохновитель академических «младотурок» Н. Н. Головин.

В командировке Головин по заданию Академии на протяжении года знакомился с устройством французской Высшей военной школы (Ecole Superieure de Guerre), которой руководил будущий маршал Фердинанд Фош. Это заведение мало походило на Николаевскую академию генштаба – в основе учебного процесса лежали совершенно иные принципы. И Головин задался целью применить в России усвоенные им в ходе «обмена опытом» методики обучения. По возвращении он напечатал труд под заглавием «Высшая военная школа», в котором излагалась программа реформирования Академии генштаба. «В основе постановки учебного дела военной академии должна лежать идея прикладного обучения и вытекающее из этой идеи – объединение в одних руках прикладных и теоретических занятий по каждому отделу»[289] – так формулировалась главная идея. Введение «прикладного метода» обучения предполагало увеличение числа практических занятий по тактике в ущерб

[288] Подробней см.: Steinberg J. All the Tsar's Men… pp. 158–191.
[289] Головин Н. Н. Высшая военная школа. СПб., 1909. С. 43.

теории и истории, что необходимо влекло за собой изменения в расписании. Практические занятия, разумеется, существовали в Академии и раньше, но проводились в форме решения офицерами задач по тактике на дому с последующим разбором ошибок преподавателем. Проводились и занятия «в поле». Но для руководства ими привлекались офицеры не из числа преподавателей Академии, за которыми практически невозможен был контроль. Одним из основных недостатков существовавшей системы Головин считал отсутствие связи теории с практикой и единообразия в обучении. Лекции и практические занятия вели разные профессора, которые никак не сговаривались между собой и могли иметь совершенно различные взгляды на решение схожих задач. Такая разноголосица делала невозможной подготовку офицеров Генштаба в духе единой операционной доктрины. «Прикладной метод требует <…> объединения в одних и тех же руках и теоретического и прикладного обучения по каждому отделу академического курса» – формулировал Головин одно из ключевых положений своей программы[290]. Вдобавок Головин считал, что расписание надлежит составлять так, чтобы профессора имели возможность посещать занятия друг друга – такое значение он придавал согласованности взглядов[291]. Тактику Головин собирался преподавать не в общем, как это было раньше, а по родам войск, также в расписание предлагалось ввести отдельный курс службы офицеров Генштаба.

Помимо лекций, должны проводиться также «беседы» (подобие семинарских занятий), во время которых слушатели бы приглашались к обмену мнений с преподавателем и друг с другом. Подобным образом предполагалось устранить барьер между тем, кто говорит и теми, кто слушает, установить живую связь учеников с профессором, доселе находившимся на недосягаемой для них высоте.

Практические занятия Головин предлагал в корне обновить и разнообразить, выведя их из того застывшего и почти маргинального

[290] Там же. С. 124.
[291] Там же. С. 96.

положения, в котором они находились в Академии. Практическая часть курса должна была включать в себя «беседы», в ходе которых преподаватель демонстрировал примеры решения задач, упражнений на картах, самостоятельное решение задач на дому, самостоятельного решения задач в классе. Кульминацией зимнего этапа практических занятий становилась «военная игра». По мысли Головина, именно на основании «военной игры» следовало оценивать знания и способности офицеров[292].

Ключевым требованием Головина к практическим занятиям было предание им «жизненности». Под этим он подразумевал, что офицеров следует обучать только тому, чем им действительно придется заниматься «в жизни», т. е. на войне. «Если для малых войсковых частей не пишется “диспозиций”, а распоряжения заключаются в ряде устных приказаний; если в жизни не пишутся перед боевыми действиями длинные доклады, а ограничиваются кратким устным докладом; если в жизни не занимаются вычерчиванием кроки, схем; если в жизни приходится отдавать приказание на короткий промежуток времени, не забегая далеко вперед и т. д. – то совершенно то же самое должно требоваться и на практических занятиях» – писал он[293]. Головин считал, что раньше (в особенности до Русско-японской войны) тактические занятия в Академии генштаба, а, соответственно, и во всей армии отличилась как раз полным отсутствием «жизненности». Занятия эти были пронизаны «мертвящим канцелярским духом», а потому офицеры в войсках их не любили, сторонились и относились к ним, как к неизбежной формальности.

Реформы, разумеется, должны были коснуться и занятий «в поле». Обучению «на местности» Головин отдавал приоритет перед остальными формами занятий. Чтобы уделять достаточное внимание, следовало сокращать прочие отделы обучения и, прежде всего, лекционные курсы: «Можно и должно скупиться на лекции и на прочие занятия в классе – на прикладные же

[292] Там же. С. 54–63.
[293] Там же. С. 54.

занятия на местности нужно быть расточительным»[294]. Главное нововведение состояло в том, что отныне они должны были проводиться под началом того же наставника, который руководил занятиями в классе (подготовительными, по отношению к выездам «в поле»). «Полевые» занятия предполагалось проводить в несколько этапов. Начиная с краткосрочных (на 1 – 2 дня) «выходов в поле» в окрестностях Петербурга, и заканчивая недельными «общими полевыми поездками» в приграничные военные округа. «Выходы» прививали офицерам навыки «чтения» местности, а во время «общих поездок» имитировалась «боевая работа» армейского корпуса в течение нескольких дней. На Головина произвели впечатление практиковавшиеся во Франции «военно-исторические поездки», в ходе которых на местности разбирались известные сражения прошлого. И он выдвинул идею отправлять офицеров «дополнительного курса» в трехнедельную поездку на места бывшего театра Русско-турецкой войны 1877–78 гг.[295].

Внедрение системы прикладного обучения означало, что лекционным занятиям, преобладавшим в расписании Академии, теперь должно отводиться второстепенная, «ознакомительная» роль. Количество лекционных часов предполагалось сократить – в Николаевской академии на лекции отводилось в три раза больше времени, чем во французской Высшей военной школе, на которую ориентировался Головин[296]. Наконец, подлежала пересмотру система проверки знаний. Место баллов, полученных за традиционные экзамены, проверявшие лишь способность офицеров к «зубрежке», должны были занять оценки за выполнения конкретных заданий на практических занятиях[297].

Сторонникам Головина – «младотуркам» пришлось столкнуться с агрессивным противодействием. Их программу категорически отвергала группа консерваторов, ядро которой составляли маститые профессора Академии. Не желая перенимать новые методики преподавания и отдавать

[294] Там же. С. 78.
[295] Там же. С. 75–79.
[296] Там же. С. 86.
[297] Там же. С. 90–92.

первенство в Академии «младотуркам», «старшие» профессора выступали с позиций охранения академических традиций, освященных именами таких авторитетов как М. И. Драгомиров и Г. А. Леер[298]. Партию охранителей возглавляли ординарные профессора академии А. К. Баиов, Г. Г. Христиани, А. А. Гулевич; экстраординарные профессора Н. Н. Янушкевич и А. И. Медведев, а также М. Д. Бонч-Бруевич, занимавший должность штаб-офицера, заведовавшего обучением. Важную роль сыграло то, что консерваторы имели обширные связи (в том числе при дворе), а кроме того, пользовались поддержкой почетных и заслуженных бывших профессоров Академии. Последние противились тому, чтобы их бывшие ученики перевернули старые академические порядки. Они наравне со штатными преподавателями имели голос в Конференции академии[299].

По воспоминаниям одного из «младотурок», генерала А. К. Кельчевского, записанных В. А. Замбржицким, обсуждение предложений Головина на академическом собрании началось с выступления почетного члена Конференции, генерала А. К. Золотарева[300]. Кельчевский эмоционально пересказал выступление Золотарева:

«В начале сказал (Золотарев – А. Ф.), что отчет Головина ничем не примечателен, «разве что своими корректурными ошибками…». Потом продолжил: «были столпы академии: покойный М. И. Драгомиров, Г. А. Леер и другие, долголетними и упорными трудами коих создавалась наша almamater, наша военная академия, выпустившая столько государственных деятелей, и вдруг явились какие-то мальчишки, и хотят перевернуть вверх дном весь сложившийся порядок вещей, весь академический уклад,

---

[298] Кроме идейных разногласий, борьбы за власть и стремления сохранить привычную рутину, сыграла роль еще и материальная незаинтересованность в реформах. Головин выступал за то, чтобы преподаватели отдавали академии все свои силы, отказавшись от чтения лекций в других местах. А «совместительство» являлось многолетней устоявшейся традицией и приносило некоторым профессорам существенный дополнительный доход. По этой причине колебался, не спеша поддержать «младотурок» даже «прогрессивный» А. А. Незнамов (Замбржицкий В.А. «Младотурки в Академии Генерального штаба». Рукопись // ГАРФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 9. Л. 6–7.)

[299] Конференция академии была коллегиальным органом наподобие Ученого совета. На ее заседаниях должны были обсуждать вопросы «по ученой и учебной части».

[300]. Замбржицкий В.А. «Младотурки в Академии Генерального штаба». Рукопись // ГАРФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 9. Л. 8.

освященный традициями, давностью. Где же это мы живем? – с пафосом спрашивает он. К чему же это нас поведет? Что же взамен той жизнью оправданной системы, которую с такими усилиями насаждали Драгомиров и Леер, преподносят нам мальчишки (так и хочется заехать ему в физиономию за эти слова (отмечал Кельчевский – А. Ф.)). Они предлагают <…> одну задачу (по тактике – А. Ф.) на весь класс[301]! А? Ведь это полное незнание жизни! Дать одну задачу это научить офицеров списывать друг у друга! Так вот. К чему стремятся эти господа!! Проповедует доверие к молодому офицеру, к ученику, не понимая основной истины школьного режима, который требует <…> постоянного, непрерывного наблюдения и руководства…»[302].

Золотареву принялся возражать Кельчевский. По собственным словам, он «буквально как истерик кричал, когда разошелся в своей речи»[303]. В позднейшем пересказе речь его действительно выглядит дерзко и провокационно: «Как горько, как обидно было слышать здесь из уст почтенного моего старого профессора его слова. Он усомнился в русском офицере, в доверии к нему, он сравнивает его с гимназистом! Да, я вспоминаю свое время в Академии. Да, мы были школьники. Я помню, как однажды Аким Михайлович кричал нам: “Что вы стоите здесь, как бараны?” Так вы этого хотите? Вы хотите из русского офицера сделать? Скажите, я требую от вас ответа, что японская война, проиграна или нет? Да! Она проиграна, но кем, кем она проиграна? Вы молчите? Так я скажу: вами, почитателями военной доктрины, а не армии, вами, приготовляющими из офицеров – баранов… <…> Необходимо, пока не поздно перейти к другой, новой системе, чтобы готовить

[301] Постановка перед группой офицеров на практических занятиях одинаковой задачи, с которой каждый должен был справляться самостоятельно, действительно являлась важным и принципиальным моментом для Головина. Он полагал, что только когда все будут работать над одной задачей, можно рассчитывать на неподдельный интерес и «живой обмен мнений» при разборе. А в случае, когда каждый работал над своей задачей, польза от разбора в группе чьей-то задачи для остальных, по мнению Головина, «сводилась к нулю». К тому же когда преподавателю приходилось в сжатые сроки придумывать массу отдельных задач, они неизбежно получались плохо продуманными, «шаблонными» и располагающими к таким же «шаблонным», упрощенным решениям (Головин Н. Н. Высшая военная школа. СПб., 1909. С. 48–49.)
[302] ГАРФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 9. Л. 8–9.
[303] Там же. Л. 9.

не теоретиков, а практиков военного дела, людей, умеющих думать и разбираться в обстановке собственной головой»[304]. По словам Кельчевского, во время его речи бывший начальник Академии и почетный член ее Конференции, генерал Н. Н. Сухотин, обращаясь к Д. Г. Щербачеву, сказал: «Да он у вас Пуришкевич»[305].

После прений голоса членов Конференции разделились поровну. Здесь «младотуркам» помогла поддержка начальника Академии, отдавшего им свой председательский голос[306]. Программа «прикладного обучения» получила одобрение Конференции. Но в одночасье радикально перестроить по французскому образцу многолетний уклад Академии было невозможно. «Младотуркам» пришлось довольствоваться лишь частичным успехом. Новые курсы и методики обучения постепенно внедрялись усилиями «прогрессивных» профессоров. Ускорить изменения мог приток в Академию «свежей крови». С 1909 по 1914 гг. штат преподавателей Академии был существенно расширен и обновлен[307]. Было проведено разделение курса тактики по родам войск, учрежден курс службы Генштаба, слушателей стали разделять на небольшие группы для решения практических задач. Наконец, стало уделяться повышенное внимание «полевым» занятиям и отправки офицеров на летние маневры в корпусные штабы. Но были и трудности. Доля лекционных занятий хоть и сокращалась, но по-прежнему оставалась существенно выше, чем во взятой за образец французской Высшей военной школе. К тому же применение предложенных «младотурками» методик отдавалось на усмотрение преподавателей. Приведение взглядов преподавателей Академии к общему знаменателю ради выработки единого

[304] Там же. Л. 9–10.
[305] Там же. Л. 9.
[306] По воспоминаниям Б. В. Геруа, Щербачев, несмотря на то, что в свое время окончил академию и был причислен к Генштабу, прежде всего являлся гвардейским строевым офицером, собственных научных и педагогических взглядов не имел, а потому всецело попал под влияние энергичного Головина (Геруа Б. В. Воспоминания о моей жизни. С. 255.)
[307] В него вошли: Б. В. Геруа, В. Г. Болдырев, В. А. Черемисов, А. И. Андогский, А. Ф. Матковский, В. В. Буняковский, П. И. Изместьев, Д. К. Лебедев, С. Л. Марков, В. В. Кривенко, Ю. Н. Плющевский-Плющик, В. А. Златолинский, В. З. Савельев, П. В. Рябиков, А. А. Балтийский и Н. Н. Алексеев.

подхода к решению оперативно-тактических проблем оставалось недостижимым идеалом[308].

Партия «охранителей» не собиралась без боя сдавать позиции. По выражению Кельчевского, «обскуранты работали во всю, чтобы свалить новую систему»[309]. Противники «младотурок» прибегли к средствам «салонной дипломатии». Интрига шла с трех направлений: «Помню, однажды бывший наш слушатель, офицер лейб-гвардии Стрелкового императорской фамилии полка, Кульнев, хорошо знакомый с придворной и салонной жизнью, дружески сказал мне: “отчего ваша партия не сделает визита графине Клейнмихель? У нее приемы по четвергам… Поверьте, Вы (то есть, партия) много выиграете”. Я тогда не понял Кульнева. Мне и в голову не приходило подумать, что салон графини Клейнмихель может иметь какое-либо отношение, а тем более влияние на ход и постановку академической жизни… А, между тем, к прискорбию, это было так. У графини Клейнмихель предварительно разрешались многие очень важные академические вопросы нашими противниками во главе с Христиани… Другой салон, тоже в том же духе был у старой балаболки – жены Михневича, бывшего нашего профессора, а в то время начальника Главного штаба, у которого бывал Баиов… В салоне Сухомлиновой работал Бонч-Бруевич, там нам готовился удар и с той стороны, с какой мы его меньше всего ожидали…»[310].

Вхожий в дом военного министра В. А. Сухомлинова Бонч-Бруевич доставил академическому кружку реформаторов наибольшие неприятности. Именно ему сторонники Головина были обязаны прозвищем «младотурки». Военный министр поддержал Бонч-Бруевича и даже, по всей видимости, довел его слова до сведения императора: «В сквернейший день 7 ноября 1913[311] (как сейчас помню это число) в 7 часов вечера, когда я сидел у себя в кабинете раздается резкий телефонный звонок. Слышу низкий отрывистый голос

[308] Steinberg J. All the Tsar’s Men… p. 217–229.
[309] ГАРФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 9. Л. 16.
[310] Там же.
[311] Очевидно, Кельчевский ошибается и события происходили годом ранее.

Щербачева: ”Прошу сейчас прибыть ко мне по делам службы”. <…> у него застаю тоже, очевидно, только что прибывших Головина, Незнамова, Юнакова. Щербачев с орденами бродит взволнованно по кабинету. Господа, я вам должен крайне неприятную вещь сообщить. Я сегодня был у военного министра по его вызову, и он мне передал следующее: что до сведения государя императора дошло, что в Академии образовалась молодая партия профессоров Академии на манер “младотурков”, которая стремится приобрести популярность среди офицеров армии с тем, чтобы произвести государственный переворот… Щербачев до такой степени нас ошеломил, что мы приняли его сообщение в шутку и от души хохотали. Но Щербачев бегает, хмурится, нервно подергиваясь <…> и говорит, “Господа, это не шутки, это мне сказал военный министр”. Ах тааак? – удивились мы – в таком случае мы просим вас ваше превосходительство, завтра же поехать к военному министру и потребовать следствия и суда… Щербачев поехал. Мы с нетерпением ждем его возвращения. Приехал. Мы к нему в кабинет. ”Ну что же, Дмитрий Николаевич?” – спрашиваем. Щербачев сердится “Сухомлинов – отрывисто бросает он нам низкой октавой – объяснил, что сказанное им надо понимать, конечно, не в политическом смысле, а в том, что вы затеяли реформы в Академии не эволюционным, а революционным путем!” И Щербачев с сердцем в негодовании махнул рукой. Через неделю мы узнаем, что Щербачев переведен в корпус. Да еще в Туркестан. Да еще без права отказа! Вот тебе и младотурки!..»[312].

Версия о том, что кличку «младотурки» ввел в оборот Бонч-Бруевич приводится и в мемуарах Б. В. Геруа[313]. Из них она и стала известна историкам.

После ухода Щербачева, которому все же удалось избежать отправки в Туркестан благодаря вовремя открывшейся вакансии командира корпуса в Киевском округе, атмосфера в Академии изменилась. И без того медленно продвигавшиеся реформы остановились. Новый начальник академии Н. Н.

[312] Там же. Л. 16–17.
[313] Геруа Б. В. Воспоминания о моей жизни. Т. 1. Париж, 1969. С. 256.

Янушкевич состоял в лагере противников «младотурок». Еще меньше был склонен поддерживать преобразования сменивший его совершенно далекий от Академии князь П. Н. Енгалычев. Последнего, по причине его вопиющей неосведомленности и некомпетентности, называли «опереточным начальником»[314]. За штатом Академии предполагалось установить более жесткий контроль. Янушкевич стремился ввести предварительную цензуру публикаций преподавателей. Якобы на эту тему с ним разговаривал император, которому была неприятна полемика в военной печати. Теперь все предназначавшиеся к печати сочинения профессоров должны были предварительно просматриваться им и начальником ГУГШ Я. Г. Жилинским[315]. Ранее небывалая мелочная опека вызвала протест преподавателей. Они стали отказываться печатать свои труды: «Можете себе представить, как на нас подействовало это извещение! (о введении цензуры – А. Ф.) Точно обухом по голове! И мне, как раз, первому предстояло испытать на себе эту благодетельную цензуру, так как я только что написал ответ Свечину на его критику моей только что вышедшей книги ”Тактика полевой легкой артиллерии”. Мне эту статью так почеркали, что я отказался ее поместить. Интересны были пометки: ”это неудобно”, это ”обостряет критику”, это ”не нужно” и т. п. Тогда в виде протеста мы решили прекратить сотрудничанье и печатанье (так в тексте – А. Ф.) статей в академическом журнале ”Известия”, хотя это нас и било по карману»[316].

Из Академии стали удалять лидеров «младотурок». Получили назначения в строевые части Головин, Юнаков и Черемисов. Ходили слухи о том, что Академию может возглавить Бонч-Бруевич, не бывший даже ее профессором[317]. Но все конфликты оборвала Первая мировая война – в августе 1914 г. Академия генштаба была расформирована.

---

[314] ГАРФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 9. Л. 23.
[315] Там же. Л. 19.
[316] Там же.
[317] Геруа Б. В. Воспоминания о моей жизни… С. 259–260.

Каковы бы ни были планы М. Д, Бонч-Бруевича, ему суждено было сыграть решающую роль в падении «младотурок». До революции Бонч-Бруевич имел репутацию ярого консерватора и националиста. По выражению генерала Лукомского, он был «правее самых правых»[318]. Что не помешало Бонч-Бруевичу предложить свои услуги советской власти. Как писал Б. В. Геруа, «этот оплот консерватизма и исторических основ русской монархии пристал к новым господам»[319].

О содержании бесед Бонч-Бруевича с военным министром известно очень мало. Фактически только то, что Бонч-Бруевич сравнил преподавателей академии, пытавшихся изменить учебный процесс, с заговорщиками-революционерами.

Головин и его сторонники не формулировали и не преследовали никаких явных политических целей. Однако слова «младотурки» из уст Бонч-Бруевича хватило для того, чтобы удалить многих из них вместе со Щербачевым из Академии.

Вероятно, столь острая реакция высшего руководства отчасти объясняется тем, что «младотуркам» и лично Головину покровительствовал

---

[318] Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М. – Берлин, 2014. С. 254.

[319] Геруа Б. В. Воспоминания о моей жизни. Т. 1. Париж, 1969. С. 260. На посту начальника штаба Главковерха Крыленко, а затем военрука Высшего военного совета он фактически стал одним из создателей РККА (Каминский В. В., Веременко В. А. М. Д. Бонч-Бруевич – один из основателей Красной армии: страницы биографии / Новейшая история России. 2018. Т. 8. Вып. 1 С. 57–69). Успешная служба М. Д. Бонч-Бруевича при советской власти объяснялась тем, что его брат – В. Д. Бонч-Бруевич являлся ближайшим помощником и личным секретарем В. И. Ленина. Жизненные пути братьев резко разошлись. Пока старший брат делал военную карьеру, младший ушел в революционное подполье. Но, судя по сохранившейся переписке, это не мешало им поддерживать добрые отношения. Когда в 1911 году Владимир Бонч-Бруевич был арестован за участие в издании большевистской газеты «Звезда», встревоженный брат Михаил немедленно отправился «хлопотать» о его освобождении: «Дорогой Володя, письмо твое я получил. У градоначальника я был еще до получения твоего письма. По твоему письму я подал прошение градоначальнику, в котором просил о твоем освобождении из-под ареста. Что будет – не знаю, но меня поставь в известность. Если отдадут тебя на мое попечение, то я согласен принять, вполне уверенный в том, что ты исполнишь все, что от тебя требуют власти. Мамаше я ничего не писал и не собираюсь писать о тебе. Пока до свидания, будь здоров. Любящий тебя М. Бонч-Бруевич» (Бонч-Бруевич М. Д. Письма к Бонч-Буревичу В. Д. // ОР РГБ Ф. 369. К. 244. Д. 14. Л. 13). Родственные связи М. Д. Бонч-Бруевича были настолько надежными, что ему – царскому генералу, имевшему до революции репутации реакционера и соратника одиозного военного министра В. А. Сухомлинова, удалось пережить волны армейских «чисток» 1930–31 и 37–38 гг. Он скончался в 1956 г. в звании генерал-лейтенанта советской армии. Впрочем, по одной из версий, Бонч-Бруевичу помогла и то, что он активно сотрудничал с ОГПУ (Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. М., 2000. С. 35–36).

враждовавший с Сухомлиновым великий князь Николай Николаевич[320]. На посту начальник ГУГШ, а затем и военного министра Сухомлинов последовательно боролся с влиянием великого князя и не мог допустить, чтобы Академия генштаба оказалась в руках людей, близких его могущественному сопернику.

Однако более существенную роль, по-видимому, сыграло то, что Сухомлинов действительно стремился защитить традиции Академии, к формированию которых он ощущал себя причастным. Значительная часть своей службы будущий военный министр провел под крылом М. И. Драгомирова – столпа российской военной мысли того времени, многолетнего профессора и начальника Академии Генерального штаба. Сухомлинов являлся одним из ближайших помощников Драгомирова сначала по Академии, а затем по Киевскому военному округу. С «унаследованной» от Драгомирова должности командующего войсками Киевского военного округа он и перешел на высшие посты в министерстве. В Киеве же состоялось знакомство Сухомлинова с офицером штаба округа Бонч-Бруевичем, который так же считал себя учеником и последователем Драгомирова[321]. Оба стремились

---

[320] С 1905 по 1910 гг. Головин служил в штабе Петербургского военного округа, командующим которого был Николай Николаевич. Изгнанных из академии «младотурок» предполагалось перевести в удаленные от Петербурга строевые части. Но благодаря вмешательству великого князя, Головин «вне очереди» получил 20-й Финляндский драгунский полк, входивший в состав войск столичного округа.

[321] Бонч-Бруевич претендовал на статус главного толкователя «учения» Драгомирова. Амбиции Бонч-Бруевича подкреплялись тем, что незадолго до смерти Драгомиров позволил ему стать редактором нового издания своего учебника тактики. Обновленный учебник получал негативные отзывы. Высказывалось предположение, что Бонч-Бруевич являлся не столько его редактором, сколько фактическим соавтором. Б. В. Геруа назвал новое издание «дубовой переделкой» классического учебника 1883 г. (Геруа Б. В. Воспоминания… Т. 1. С. 256). А автор одной из рецензий писал: «Бонч-Бруевич, принявший на себя после смерти учителя армии труд редактирования (или исправления) его тактики, изданной 25 лет тому назад, вообразил, вероятно, себя двойником Драгомирова. С апломбом непогрешимого авторитета он взялся за руль русского военного дела и сразу налетел на мель: Мих. Ив. Драгомиров высказывал мысль, что вторая часть тактики – употребление войск – находится в постоянном брожении в зависимости от прогресса техники огнестрельного оружия, а г. Бонч-Бруевич никакого брожения не признает. Прогресс военной техники его не касается, и он живет как будто вне времени и пространства. <…> Невольно является мысль о судьбе драгомировской тактики. Как нам известно, М. И. Драгомиров при жизни приготовил к печати только раздел о пехоте. Стало быть, большая часть труда испытывает на себе тяжелую руку г. Бонч-Бруевича <…> Может быть, при таких отсталых тенденциях “драгомировская” тактика уподобится старинной картине знаменитого художника, отданной для реставрации маляру?» (Военный голос. 1906. 9 февраля). С этими замечаниями в своих воспоминаниях согласился А. С. Лукомский: «После смерти М.И. (Драгомирова – А. Ф.) Бонч-Бруевич продолжал работу уже вполне самостоятельно, и когда она была закончена, оказалось, что Бонч-Бруевич прибавлял много “отсебятины”, многие свои мысли и выводы прикрыл именем М.И. Драгомирова и в результате, по справедливому указанию одного из критиков, трудно было определить, где кончается Драгомиров и где начинается Бонч-Бруевич; какие мысли и какие выводы принадлежат М. Драгомирову и какие Бонч-Бруевичу. Критика на эту книгу озлобила Бонч-Бруевича, а тут

сохранить наследие своего великого учителя. Бонч-Бруевич был далек от мысли, что «драгомировские» принципы тактики устарели. Напротив, по его мнению, русская армия терпела неудачи на Дальнем Востоке из-за того, что ее командиры пренебрегали «учением» Драгомирова. В одной из заметок на эту тему Бонч-Бруевич писал: «…и на театре военных действий, и на полях сражений со стороны русской армии были допущены многие явные нарушения теории военного дела. Это ничем не оправданное нарушение теории является важным недочетом в нашей армии. <…> Работа войск в мирное время должна быть направлена к практическому изучению той теории военного дела и тех уставов, которые в данную эпоху должны применяться на войне. Это положение находит полное подтверждение во взглядах нашего маститого учителя М. И. Драгомирова., который постоянно и неуклонно требовал обучать войска тому, что требуется для военного времени. Исполнялся ли в нашей армии этот высокомудрый совет? Не нарушается ли он зачастую в течение мирной подготовки войск? <…> не в отсутствии ли умения оборонять и атаковать местные предметы заключается причина наших значительных потерь в людях даже и в тех случаях, когда, казалось, потери должны быть незначительными?»[322]. Когда после войны Японией предшествовавший период развития вооруженных сил России подвергся переоценке, Бонч-Бруевич, разумеется, стал яростно защищать заветы Драгомирова: «Не успела закончиться война, а уже некоторые досужие фантазеры провозгласили: “долой прежнюю тактику, – она ни к чему теперь не пригодна”; иначе говоря, – “долой выводы истории, мы предлагаем заменить их плодами нашего воображения”»[323].

Можно заключить, что история «младотурок» Академии генштаба показывает, как изначально будто бы совершенно не политический спор о подходах к преподаванию обернулся борьбой за власть между сторонниками

еще приплелась обида на то, что его “провалили” в попытках его попасть профессором в Академию Генерального штаба» (Лукомский А. С. Очерки из моей жизни… С. 256).

[322] Русский инвалид. 1906. 22 мая.

[323] Русский инвалид. 1906. 2 февраля.

«прогрессивных» реформ и бдительно охранявшими свои главенствующие позиции консерваторами.

Глава 3. Военные пропагандисты в поисках «внутреннего врага».

Как уже отмечалось выше, Первая русская революция была временем небывалого для России общественного подъема, который при этом не носил однонаправленного характера. Первоначальное доминирование противников режима в публичном пространстве вызвало встречную мобилизацию охранителей. Растерянность правительства перед натиском «освободительного движения» побуждала консерваторов из «публики» проявлять инициативу. Охранительная мобилизация затронула и группы, декларировавшие свою принципиальную аполитичность. В создавшихся условиях некоторые их представители считали своим долгом ради «спасения отечества» принять участие в политической борьбе, хотя бы давая официальным лицам ценные, как им казалось, рекомендации по преодолению текущего кризиса и сплочению народа.

§1. Полковник Ф.И. Сурин – историк и пропагандист.

12 октября 1905 года на стол исполняющего должность начальника Главного штаба генерала А. А. Поливанова лег документ, содержащий, по мнению его автора, предложения исторической значимости, общероссийского и даже международного масштаба. Это была записка «Об интеллектуальном противодействии посредством: а) литературы, б) сцены, в) пения, г) проповеди и лекций, д) школьных учебников и т.д.», составленная полковником Федором

Иосифовичем Суриным – осматривающим оружие штаб-офицером управления Казанского военного округа[324].

Кому или чему полковник Сурин считал необходимым оказать «интеллектуальное противодействие» посредством печати, изящных искусств, а также лекций, проповедей и школьных учебников? По его убеждению, абстрактным врагам России, к которым относились как революционеры, так и их мнимые зарубежные покровители, удалось наполнить и увлечь антигосударственной «литературой и проповедью <…> ¾ наших газет, журналов, нашей интеллигенции, высших и средних учебных заведений»[325]. Несмотря на то что Сурин не слишком хорошо владел политическим языком своей эпохи и называл революционную агитацию «проповедью», его мысли звучат весьма современно. Если говорить нынешним языком, его главный посыл состоял в том, что российское государство проигрывает в развязанной против него «информационной войне»: «Этому [революционному] увлечению дает отпор лишь сила войска и полиции. Отпор интеллектуальный – разоблачение лживости и опасности для Руси революционных действий – вовсе не организован, не поручен верноподданнической интеллигенции и не действует так же умело и решительно, как вражий»[326]. В качестве примера того, как правительству следует действовать в информационном поле, Сурин указывал на опыт недавнего противника России – Японии: «Сановникам, полководцам, литераторам велено было сочинять и пускать в ход боевые

---

[324] Делопроизводство по изданию каталога книг, одобренных к чтению в войсках // РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 5283. Л. 290. Ф. И. Сурин родился в 1846 г., происходил из потомственных дворян Казанской губернии. В 1863 он был выпущен из Александровского сиротского кадетского корпуса в Екатеринославский лейб-гренадерский полк в чине подпоручика. Участвовал в подавлении польского восстания 1863–1864 гг. С 3 января 1878 г. он находился на театре Русско-турецкой войны, где «заведовал боеприпасами» во взятой русскими войсками крепости Силистрия. С 1879 г. Сурин служил в частях и административных подразделениях Казанского военного округа. В 1910 году был отправлен в отставку с присвоением чина генерал-майора (Послужной список Ф. И. Сурина // РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 3234. Л. 2–19). С 1880 г. Сурин состоял «членом–сотрудником» Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, однако в изданиях общества его работы не печатались (Сидорова И. Б. Ученое братство: Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878–1931). Казань, 2014. С. 239). В 1914–1916 гг. Сурин пожертвовал казанскому городскому музею свою коллекцию археологических артефактов, «этнографических предметов» и книг. Ф. И. Сурин скончался в 1919 г. (Сидорова И. Б. Ученое братство… С. 239).

[325] РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 5283. Л. 290.

[326] Там же

песни, стихи, пьесы, статьи, разъяснявшие цель, выгоды, опасности, уязвимые места России и т. д. Десятилетние упорные внушения, как известно, вполне окупили все усилия и расходы, доказали всему миру, что литературные, психические внушения так же могущественны и необходимы для победы, как заранее подготовленное, многочисленное войско»[327].

Заботясь о благе Родины, полковник разработал целую программу широкой патриотической пропагандистской кампании. Все те ресурсы, которые, в понимании Сурина, использовал против России враг, должны были быть обращены против него. На организационном уровне силами Главного штаба, Совета государственной обороны, управления военно-учебных заведений и ведомства народного просвещения надлежало создать своего рода Министерство пропаганды в виде комитетов или особых совещаний «для руководства литературной, учебной, верноподданнической деятельностью, для интеллектуальной борьбы с революцией и прессой, закупленной врагами, с людьми, увлеченными психической эпидемией»[328]. От общих целей Сурин переходил к конкретным задачам. Каждый комитет, в зависимости от сферы своей компетенции (будь то литература, печать, театр, «публичные лекции и проповеди»), должен был заниматься внедрением в общественное сознание круга основополагающих, по мнению полковника Сурина, идей. Во-первых, спасение России заключено в духовном единении православной церкви и самодержавия (традиционный, восходящий к Н. М. Карамзину «символ веры» русских консерваторов): «Русь объединилась, усилилась и спаслась от ига монголов только благодаря объединяющей всех сильной власти русского царя, и благодаря воодушевлению, поддержанному русской православной верой»[329]. Во-вторых, Россия находится в готовом сомкнуться кольце врагов: «Это объединение посредством царя и креста снова стало необходимым ввиду замышленного и возможного нового нашествия на Русь союзных войск

[327] Там же.
[328] Там же.
[329] Там же. Л. 290 об.

Японии, Китая, Англии и др.»[330]. В-третьих, России принадлежит великая историческая миссия защиты христианской цивилизации Европы от варварского Востока: «Россия – защитница всей Европы от Азии. Усиление России прекратило разгром Европы – турками, монголами и другими выходцами из Азии. Ослабление России поведет к разгрому всей Европы, к падению ее культуры»[331]. Развивая этот пункт своей программы, Сурин выходил за пределы внутренней политики. По его убеждению, Россия должна была немедленно заняться ни чем иным как материальной, организационной и пропагандистской подготовкой «нового крестового похода против желтой расы». Вокруг этой цели должна была строиться внешняя политика страны. Русскому царю надлежало заключить «союзный крестовый договор» со славянскими и православными государствами: Болгарией, Сербией, Черногорией, Румынией и Грецией. На первый взгляд, это образование напоминает «всеславянский союз» Н. Я. Данилевского, однако, по мысли Сурина, со временем к этому причудливому православному, панславянскому и антивосточному блоку, осознав эпохальное значение и глубокую справедливость его целей, неизбежно примкнули бы все прочие христианские народы. Видимо, тогда и должен был начаться великий азиатский «крестовый поход» христианского Запада с православным царем во главе. Таким образом, полковник отметал идею особого, чуждого Европе славянского «культурно-исторического типа». Напротив, он видел Россию законной защитницей и главой не только славянства, но и всей семьи европейских народов. «Неблагодарным» западным собратьям стоило лишь признать очевидные права России на первенство.

Среди всех пропагандистских мероприятий по мобилизации общества особое внимание Сурин уделял музыке и хоровому пению. «Во всех учебных заведениях особый часовой урок» следовало отводить для «хорового пения верноподданнических песен, молитв, исполнения пьес для чтения,

[330] Там же.
[331] Там же.

декламаций». Необходимо было распорядиться и о том, чтобы аналогичные песенные часы назначались также «в казармах и лагерях войск». По всей видимости, это соответствовало личным склонностям и пристрастиям автора программы. В музыкальный сегмент пропаганды полковник Сурин стремился внести личный вклад. К записке он приложил слова и партитуру «народной песни» собственного сочинения «Готовьтесь – враг силен».

Другой и, пожалуй, более сильной страстью полковника Сурина были исторические изыскания. В последнем пункте его программы содержалось безапелляционное требование «внести в школьные учебники истории» предлагаемое им «объяснение причин прежнего завоевания России и указание на необходимость готовиться к новому нашествию». Положения, в соответствии с которыми надлежало привести школьные учебники, начальник Главного штаба должен был найти в прилагаемой к проекту статье Сурина «Завоевание России монголами: прежнее и замышляемое».

В 1904 г. эта статья объемом приблизительно в два авторских листа была помещена в декабрьском номере консервативного журнала «Русский вестник». Она являлась своего рода итогом многолетних изысканий Сурина в области истории, археологии, этнографии и даже сравнительного языкознания. Являясь деятельным членом Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, полковник, по собственным словам, провел много «историко-археологических исследований» в Поволжье и Приуралье. Накопленные данные позволили ему создать оригинальную концепцию истории Евразии со времен раннего Средневековья.

Отправной точкой для Сурина стало неожиданное наблюдение, сделанное им в ходе осмотра средневековых памятников Поволжья: «древнемонгольские» (золотоордынские) укрепления очень напоминали ему западноевропейские крепости и замки. Поразило его и обнаруженное в ходе раскопок огромное количество вещей «несомненно западноевропейской работы». Другое наблюдение относилось уже к области языкознания: по мнению полковника, многие «монгольские названия», например, «орда,

татары, алай» наверняка имели латинское происхождение. Подозрения Сурина усилились после того, как он заметил большое сходство «монгольского – буддийского» богослужения с католическим. После еще одного меткого наблюдения становится ясно, к чему полковник подводит читателя: ему показалось очень странным, что практически одновременно с монголами вторглись на Русь крестоносцы и шведы[332].

Итак, по мнению Сурина, в XIII веке существовал своего рода глобальный заговор против православия с папой римским во главе. Несмотря на взятие Константинополя в 1204 г., крестоносцы не сумели полностью сломить сопротивление православных славян и греков. Для этого, а также для борьбы с исламским миром им и понадобились язычники-монголы. Чингисхан являлся всего лишь послушным орудием Запада, это же относилось и к его многочисленным потомкам, включая Батыя. Более того, своими победами монгольская армия была обязана западным полководцам и «инструкторам»: «Никто более Чингисхана не годился для разгрома и палестинских мусульман и православных греков Востока: греков, русских и болгар, громивших латинскую Византию. Поэтому тысячи посланцев, дипломатических агентов, инструкторов были посланы папой, французским королем и другими государствами Запада к Чингисхану. <…> Чингисхану были посланы лучшие европейские полководцы, воины, инструкторы. <…> Орда была вооружена и организована по-европейски. <…> Почти ¾ второстепенных предводителей Чингисхана состояли преимущественно из христиан, европейских и местных – азиатских»[333]. Не решаясь говорить об этом как о неоспоримом факте, Сурин все же предположил, что и сам основатель Монгольской империи имел далеко «не туземное» происхождение: «Имена: Чингис, Угедей, Мухори, Темучин и т.п. принадлежат к известному еще, но не монгольскому языку. Может быть, все это такие же псевдонимы, какие были в обычае у средневековых рыцарей,

[332] Ф. И. Сурин (Масальский). Завоевание России монголами: прежнее и замышляемое // Русский вестник. 1904. № 12. С. 582–583.
[333] Там же. С. 592.

у наших зауральских и украинских казаков! У папских агентов! Возможно, что Чингисхан был такой же монгол, как и захваченный европейцами его полководец, оказавшийся при поверке англичанином и папским тамплиером!..»[334].

Как же Сурин объяснял тот факт, что обо всем этом умалчивали историки? Ответ прост – они предавали национальные интересы, находясь под гипнотическим влиянием западной науки: «до наших дней научной разработкой и систематизацией русской истории преимущественно занимались иностранные и неправославные ученые – “западники” Санкт-Петербургской Академии наук. Они же раздавали патенты на знание истинных ученых только тем из своих и из русских православных, которые одобряли все то, что доказывало русским необходимость придерживаться нерусских взглядов на русскую историю»[335].

Историческая наука того времени, очевидно, не могла принять пропитанные теорией заговора, бездоказательные, дилетантские, хотя и весьма самоуверенные построения полковника. Это были не имевшие ничего общего с подлинной историей перенесенные в прошлое геополитические фантазии человека начала XX столетия, современника Русско-японской войны. С этой точки зрения взгляды Сурина и представляют определенный интерес.

Родная для Сурина Казань являлась одним из важнейших центров изучения Востока в России, но полковник был далек от научных традиций российского востоковедения, во многом отказавшегося от жестких расистских коннотаций, характерных для западного ориентализма[336]. Лейтмотивом сочинения Сурина является презрение к восточным народам. Полковник придерживался наиболее жесткой расистской трактовки популярного в то

[334] Там же. С. 595.
[335] Там же. С. 584.
[336] Тольц В. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М., 2013; Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Русский ориентализм. Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до белой эмиграции. М., 2019.

время мифа о «желтой опасности». По его мнению, сами ни на что не способные «желтые дикари», как и в Средние века, представляют угрозу исключительно благодаря помощи Запада: «Всю душу, силу и технику завоевателей монголов составляли эти иностранцы-руководители. Так было, так и есть теперь в Японии и в Китае»[337].

Что касается судьбы политического проекта, изложенного Суриным в послании начальнику Главного штаба, то военное ведомство, вполне ожидаемо, не стало всерьез рассматривать предложения полковника. Однако Поливанов все же счел записку Сурина заслуживающей определенного внимания и распорядился направить статью «О завоевании России монголами» на рецензирование в редакцию «Русского инвалида»[338]. Текст рецензии обнаружить не удалось, но судя по тому, что статья так никогда не и не была напечатана в виде отдельной брошюры с рекомендацией к распространению в войсках (как предлагал ее автор), отзыв едва ли был положительным.

Не найдя поддержки и понимания у военного начальства, полковник Сурин тем не менее попытался собственными силами способствовать пропаганде патриотических идей. На этот раз в качестве инструмента идеологического воздействия был избран театр. Незадолго до начала Первой мировой войны была опубликована псевдоисторическая пьеса Сурина «Смерть героя Скобелева. Что дороже золота, любви, жизни?». В преамбуле говорилось, что пьеса является первым опытом «беатификации (так в тексте – прим. авт.) любимого русским народом героя Скобелева»[339]. В свою очередь, «беатификация» таких деятелей прошлого, как Скобелев, необходима, поскольку «при новом внезапном нападении невозможно избегнуть новой Цусимы, трудно ожидать будущей Полтавы, если <…> подготовка патриотического подъема не будет начата задолго до внезапного

[337] Сурин (Масальский) Ф. И. Завоевание России монголами… С. 613.
[338] РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 5283. Л. 293.
[339] Сурин Ф. И. Смерть героя Скобелева. Что дороже золота, любви, жизни? СПб., 1913. С. 6.

нападения»[340]. По сюжету русского героя-богатыря генерала Скобелева коварно отравляет иностранка, суфражистка и нигилистка с красноречиво намекающим на ее национальную принадлежность именем Юдифь. Помимо прочего, имя героини указывает на своего рода смелый художественный замысел. Сурин трактует историю Юдифи и Олоферна с точностью наоборот: Олоферн – Скобелев наделен всеми возможными благородными чертами, тогда как благочестивая ветхозаветная героиня Юдифь предстает исчадием ада, воплощение антисемитских и антизападных стереотипов. Вероятно, столь провокационная интерпретация библейского сюжета должна была сделать пьесу выдающимся в глазах современников произведением. Но творчество Сурина вновь оказалось невостребованным – насколько известно, «Смерть Скобелева» никогда не ставилась на сцене.

В пьесе Сурин обыгрывает трагические эпизоды биографии М. Д. Скобелева, смешивая реальные факты и расхожие слухи с собственным вымыслом. Капитан Узатис – храбрый боевой офицер, пользовавшийся расположением и покровительством Скобелева, в 1880 г. вследствие приобретенных на жестокой партизанской войне привычек убил и ограбил О. Н. Скобелеву – мать генерала. Узатис, по всей видимости, действовал исключительно по собственной инициативе, однако у Сурина он оказывается лишь пешкой в руках заговорщиков – англичан[341]. Австрийская или

---

[340] Там же.

[341] История о том, как герой войны и георгиевский кавалер ради наживы убил мать своего прославленного боевого командира, казалась настолько чудовищной и невероятной, что породила слухи о подставивших невиновного Узатиса таинственных заговорщиках. См.: Малыхин В. По поводу статьи «Памяти О. Н. Скобелевой» // Русский вестник. 1904. № 11. Но зачем могущественным заговорщикам понадобилось убивать прибывшую на Балканы с благотворительной миссией светскую даму? Значит, благотворительность служила лишь прикрытием, и деньги, привезенные Скобелевой, на самом деле предназначались для подготовки восстания в остававшейся под властью Турции Восточной Румелии. Во главе восстания должен был встать Скобелев, но враги славянства нанесли «белому генералу» жестокий удар в спину. В качестве вероятного организатора рассматривался начальник румелийской милиции «турецкой службы пруссак» Штрекер-паша. См.: Из воспоминаний Э. В. Экка / Публ. Ю. В. Алехина // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. М., 2001. Т. XI. С. 443–449. Эту схему в общих чертах и воспринял Сурин. Однако он не пытался оправдать злополучного капитана. Напротив, предательство так близко стоявшего к Скобелеву человека служит для Сурина иллюстрацией силы и коварства врага. Вдобавок, во главе заговора Сурин, вместо немецкого генерала Штрекера, поставил англичан. По другой версии, у Скобелевой не было тайной миссии, а как раз Узатису требовались ее деньги для поднятия восстания в Македонии. См.: Яшеров В. В. Памяти О. Н. Скобелевой // Русский вестник. 1904. № 8.

германская подданная Шарлотта Альтенроз, в номере которой скончался Скобелев, у Сурина превращается в еврейку Юдифь. Сообщники Юдифи – англичане, но у нее самой отсутствует определенное гражданство. Эта героиня является агентом «еврейского капитала», наиболее прочно укоренившегося в «англо-саксонском» мире. «Мисс Юдифь» в пьесе связана не только с Англией, но и с Америкой. Получив задание соблазнить Скобелева, она уверяет, что это не составит ей труда, заявляя: «"школу любви и очарования" я окончила в Нью-Йорке первой ученицей»[342].

Конструирование идеального, в понимании Сурина, образа русского полководца и государственного деятеля не предполагало заботы о сходстве героя пьесы с подлинным М. Д. Скобелевым. Сурин не сомневался в том, что в пропагандистских целях можно отбросить аккуратность и по отношению к памяти прославляемого исторического деятеля. Реальный Скобелев в последние годы жизни размышлял о судьбоносном противостоянии «тевтонов и славян», в котором последние должны были, объединившись, завоевать себе свободу. Его публичные антинемецкие высказывания имели широкий резонанс и вызывали дипломатические осложнения. Скобелев пьесы Сурина не замечает существования Германии – все его помыслы обращены на Восток.

В обличье Скобелева на сцене должен был предстать образцовый, по мнению драматурга, политический и военный лидер начала XX столетия. Он транслировал излюбленные идеи Сурина о «желтой опасности», «крестовом походе» против азиатов и т. д. Помимо этого, Скобелев, как подлинный народный вождь, указывал пути решения многих проблем русской жизни и современности в целом. В одной из сцен русские крестьяне сетуют генералу на бедность и тяготы жизни. Скобелев уверенно указывает им: «На волостные деньги купите плуг, жнеи, косилки»[343]. Но главное средство к «обогащению» крестьян, указанное генералом – создание «промышленных артелей», ведь зимнее время у них «пропадает даром». Для полного успеха «кустарных

[342] Сурин Ф. И. Смерть героя Скобелева… С. 17.
[343] Там же. С. 25.

артелей» Скобелев обещает сделать так, чтобы интендантство отдавало многомиллионные подряды русским крестьянам, а не дельцам-инородцам. Крестьяне с благодарностью принимают все наставления и клянутся пойти за генерала «в огонь и в воду»[344].

В другой раз за советом к Скобелеву приходят русский «народник» и французский «социал-демократ». «Народник» почему-то начинает превозносить достоинства «воинской школы», через которую в народе распространяются основные человеческие («христианские») и гражданские добродетели. Он интересуется мнением «великого полководца» по «этой части социологии» – Скобелев отвечает, что превыше всего «долг чести». «Социал-демократ» добавляет: «И мы, анархисты, революционеры служим своему долгу под знаменами республики»[345]. Стороны остаются полностью довольны друг другом.

В последнем акте к Скобелеву приходит еще один представитель левого лагеря – в пьесе он обозначен как «депутат – боевик». Депутат просит Скобелева встать во главе «партии боевиков». Генерал дает «боевику» суровую отповедь: «царь и крест всю Русь спасли – без них спасенья нет! Вашими единомышленниками убит Александр II – освободитель 20 миллионов крепостных рабов. Иоанн Грозный и Петр Великий уцелели потому, что, как и я, поклонялись священному объединению боевых и рабочих сил, всех славян с Русью! <…> Вы не соль земли русской <…> Мне жаль тех героев, которые погибнут среди вас. Они растратят свои и чужие силы и жизни с заведомо негодными средствами, не ведущими к спасительным реформам. <…> Только разделяя вековую любовь русского народа к царю, к православию, к объединению Руси, вы можете вызвать мое соучастие и найдете поддержку в русском народе/ <…> До свидания!»[346]. Пристыженный «боевик» покорно удаляется.

---

[344] Там же. С. 26–27.
[345] Там же. С. 77. Этот эпизод, по всей видимости, порожден сведениями о попытке Скобелева встретиться во Франции с П. Л. Лавровым.
[346] Сурин Ф. И. Смерть героя Скобелева…С. 90.

После взятия Геок-Тепе Скобелев поучает покоренных текинцев, а в их лице и всех азиатов. Он дает им рецепты превращения песчаных степей в плодородные земли, распоряжается создать «показательный рассадник», откуда должно начаться озеленение пустыни. Велит им прекратить «дикую» кочевую жизнь, из-за которой пропадают богатства их земли. Подчеркивается, что азиаты наказаны за свою нерадивость: «Бог отдал голодающим христианам ваши царства и земли за то, что вы, как рабы ленивые, скрыли, не использовали богом данные людские силы и таланты и все богатства вашей земли»[347]. Теперь закаспийским кочевникам (и всем азиатам) остается только покориться могучей «русской силе» и влиться в ее ряды: «Под русской властью будете жить в сто раз лучше прежнего <…> Где победили русские – там увеличивается благоденствие»[348]. В следующем действии Скобелев заявляет, что на Дальнем Востоке России не составит труда превратить корейцев в «воинов» и преданных союзников наподобие балканских славян[349].

Большее значение в пьесе имеет коммуникация русского героя Скобелева с Западом. Генерал и его сподвижники не жалели сил на то, чтобы продемонстрировать величие и историческое значение России европейцам (а в действительности – потенциальной публике). Скобелев «заказывал» вымышленному адъютанту с подходящим для этих целей именем Баян «живые картины» различной тематики. Одна из них имела пространное название – «Освобождение самой России из 240-летнего рабства, Освобождение от рабства Черногории, Сербии, Болгарии, Греции, Грузии, рабов и Европы в 1814 г. от Наполеона I»[350].

Авторские ремарки указывали, что на сцене эту «картину» можно воспроизвести средствами кинематографа (!) с пышным музыкальным

---

[347] Там же. С. 50.
[348] Там же.
[349] Там же. С. 62. По-видимому, уподобление этого дальневосточного народа славянам связано с распространенным в тогдашней России представлением о корейцах, как о наиболее симпатичной и культурно близкой русским «желтой» нации, к тому же нуждающейся в защите от посягательств агрессивных соседей. См.: Курбанов С. О. Россия и Корея в конце XIX–начале XX века // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в новое время. СПб., 2011.
[350] Сурин Ф. И. Смерть героя Скобелева… С. 59.

сопровождением. Действие заключалось в следующем: обобщенный «русский богатырь» или «святой Александр Невский в царской короне» мечом разрубает цепи, которыми были прикованы к крестам изображавшие перечисленные страны «фигуры», начиная с России. Затем Александр Невский (или богатырь) должен был повалить на пол Наполеона, державшего за горло изображавшую Европу актрису. Неблагодарная Европа отворачивается от своего освободителя, а после на сцене появляется дракон, разевающий устрашающую пасть «с надписью Азия»[351].

Неотступно следующая за Скобелевым Юдифь и прочие заговорщики чрезвычайно интересуются «картиной» и просят генерала пояснить каждую «аллегорию». Тот охотно растолковывает им, что «русский богатырь» один, «без помощи иностранных войск и учителей», освободил Россию от ига, «это же повторил в 1612 и в 1812 гг.» и т.д.[352]

Далее действие переносится на «Скобелевский митинг-концерт» в Париже. Живая картина из предыдущего действия проигрывается снова, но на этот раз в антураже из «типично-русских вещей». Это своего рода калейдоскоп клишированных образов России и «русскости»: на сцене должны появиться «самовар, изба, дуга, тройка, мужик, баба, лапти, церковная утварь» и даже «четверть водки»[353]. После того как французская (и вообще европейская) публика ознакомилась с достижениями русской культуры и «мировыми заслугами» России, Скобелев объявляет, что он «пришел просить боевой помощи и уплаты за тысячелетние услуги». Далее генерал произносит программную речь о новом крестовом походе: «Мы, 150 миллионов русских, <…> охраняем 433 миллиона европейцев от нашествия более чем 800 миллионов азиатов, Франция и вся Европа должны не только помогать нам, но и вознаграждать за эту нашу международную роль, историческую службу, иначе все богатства, вся цивилизация Европы будут разрушены, <…> как

[351] Там же. С. 60.
[352] Там же. С. 61.
[353] Там же. С. 63.

прежде было времена Атиллы, Чингисхана и <…> великих нашествий. <…> Крестовый поход сыграет роль предохранительного клапана о объединителя христианских царств, сил, выгод; поможет успешно бороться с нищетой, с нашествиями азиатов, со всяческим злом и бедствием»[354]. После этих слов Скобелев дает знак к демонстрации живой картины «Желтая опасность и крестовый на нее поход». Азиатскому дракону из прошлой картины коллективными усилиями отрубают головы европейские и американские крестоносцы «с гербами и знаменами своих царств»[355]. После этого хор исполняет приведенную выше песню Сурина «Готовьтесь – враг силен» (на протяжении всего спектакля ее должны были бы исполнить около десятка раз)[356]. Французы оказываются благодарными слушателями: они с восторгом принимают идеи Скобелева и объявляют, что русско-французский союз знаменует собой начало «новой круазады»[357].

На этом же митинге есаул Баян, пожалуй, второй по значимости персонаж пьесы после Скобелева, предлагает решение проблемы тюрем и преступности в европейском масштабе. Преступников и дармоедов всех «европейских племен» не следует кормить за счет честных людей, лучше и отправить их на российский Дальний Восток, где они станут «морскими казаками». Эти казаки-пираты под «русскими крестовыми знаменами» сделают в Тихом океане «то же, что Ермак в Сибири»[358]…

---

[354] Там же. С. 71.

[355] Этот сюжет во многом отсылает к известному рисунку «Народы Европы, охраняйте свои священные блага», подаренной Николаю II кайзером Вильгельмом II. На нем архангел Михаила указывает воительницам, символизировавшим страны Европы, на Восток, откуда надвигается обозначающий «желтую опасность» Будда. В суринском нарративе вместо архистратига небесного воинства народы Европы поднимает на борьбу Скобелев.

[356] Сурин Ф. И. Смерть героя Скобелева… С. 71–72.

[357] Там же. С. 74. «Митинг-концерт», разумеется, является плодом фантазии полковника Сурина. Однако последний визит Скобелева во Францию действительно обернулся резонансными событиями, как бы предвосхищавшими грядущее русско-французское сближение. В феврале 1882 г. Скобелев, выступая перед учившимися во Франции сербскими студентами, назвал Германию главным врагом славянства. В частности, проникновением чужестранцев во все сферы государственной жизни он объяснял слабость и нерешительность России на международной арене. Речь попала в газеты и была с восторгом встречена французским обществом, чего нельзя было сказать об официальном Петербурге. Несмотря на это, Скобелев не только не стал опровергать публикации, но, напротив, подтвердил подлинность своих слов в беседе с корреспондентом и добавил, что видит спасение славянства в союзе с Францией. Последние слова дополнительно подлили масла в огонь. Скобелев был срочно вызван в Петербург с запрещением ехать через Германию. См.: Масальский В. Н. Скобелев: исторический портрет. М., 1998.

[358] Сурин Ф. И. Смерть героя Скобелева… С. 78; 58.

После парижского триумфа Скобелева в пьесе наступает развязка. Герой возвращается в Москву и трагически гибнет, отравленный заговорщиками. Зловещая Юдифь, погубившая «белого генерала», исчезает со сцены, в то время как прочие герои остаются, чтобы напомнить зрителю – дело Скобелева живо, и задача потомков – преодолевая вражеские козни, довести его до конца. Это предполагалось продемонстрировать с помощью финальной «картины» пьесы – «Желтая опасность и Апофеоз героев России». На этот раз вместо «типично русских вещей» перед зрителями должен предстать целый пантеон «морских» и «сухопутных» русских героев: Александр Невский – «основатель русского флота», Олег «цареградский», княгиня Ольга, Петр Великий, Орлов Чесменский,, Хмельницкий, Сусанин, Суворов, Ермолов, Потемкин, Минин, патриарх Гермоген, О. Н. Скобелева, Надежда Дурова, генерал Черняев, наконец, Скобелев, адмирал Макаров, а с ними прочие исторические деятели, запечатленные на памятнике тысячелетия России. Русские герои, расположившиеся на декорации, изображающей носовую часть броненосца (символ «нарождающегося русского океанского флота»), грозно взирают на все того же азиатского дракона. В это время на переднем плане под торжественную музыку проходят процессии с хоругвями, депутации балканских славян, частей, которыми командовал Скобелев, и т.д. Некий болгарин провозглашает, что «тени Скобелева и его матери вели полки славян» на турок в минувшую Балканскую войну. Под занавес все действующие лица дают клятву «пожертвовать все силы, средства, всю кровь» Святой Руси – «земному богу нашему»[359].

Почему выбор Сурина пал именно на Скобелева? Во-первых, образ героя освобождения Болгарии и «полководца Суворову равного» в 1913 гг. приобрел особую актуальность в связи с событиями на Балканах. К тому же на 1912 г. приходилось тридцатилетие со дня смерти Скобелева. Во-вторых, «белый генерал» отличился по двум важнейшим для Сурина направлениям: в деле

[359] Там же. С. 98–100.

покорения азиатских народов и освобождения балканских славян от турецкого «ига»[360]. Большое значение имело и то, что Скобелев был склонен к авантюрам, не лишен политических амбиций и умер в расцвете сил при странных обстоятельствах – все это создавало благоприятную почву для конспирологических теорий. Наконец, фигура Скобелева могла быть особенно важна и интересна Сурину как участнику Русско-турецкой войны 1877–78 гг.[361]

Каковы были истоки идей Сурина? Во-первых, на него, несомненно, оказала влияние популярная в русской публицистике рубежа XIX–XX веков тема «белого царя», которому суждено править Азией. В то время легенду о «белом царе» активно пропагандировал известный в России почитатель Востока князь Э. Э. Ухтомский – представитель т. н. «восточничества»[362]. Ухтомский не считал Восток чем-то враждебным и чуждым. Напротив, он полагал, что житель Азии, будь то индус или китаец, духовно ближе русскому человеку, чем европеец. По Ухтомскому, Россия и страны Востока от Персии до Кореи и Японии принадлежат к одной цивилизации, для которой характерно особое мудрое консервативное миросозерцание: сохранение традиций предпочтительней безудержного прогресса, духовное важнее материального, а вера выше критической рациональности и т. п. Таким образом, историческая миссия России состоит в том, чтобы защитить древний религиозный Восток от агрессивного империализма «бездуховного»

---

[360] Сурин даже сочинил речевку для обозначение борьбы на два фронта. В пьесе Скобелев несколько раз декламирует: «Двойной отпор Руси врагам готовим мы и здесь, и там!».

[361] Ф. И. Сурин родился в 1846 г., происходил из потомственных дворян Казанской губернии. В 1863 он был выпущен из Александровского сиротского кадетского корпуса в Екатеринославский лейб-гренадерский полк в чине подпоручика. На действительной службе находился 46 лет. Участвовав в подавлении польского восстания 1863-64 гг. С 3 января 1878 г. находился на театре Русско-турецкой войны, где «заведовал боеприпасами» во взятой русскими войсками Силистрии. С 1879 г. и до конца служил в частях и административных подразделениях Казанского военного округа. В 1910 году был отправлен в отставку с присвоением чина генерал-майора. (Послужной список Ф. И. Сурина // РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 3234.). С 1880 г. Сурин состоял «членом –сотрудником» Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, однако в изданиях общества его работы не печатались (Сидорова И. Б. Ученое братство: Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878–1931). Казань, 2014. С. 239). В 1914–16 гг. Сурин пожертвовал казанскому городскому музею свою коллекцию археологических артефактов, «этнографических предметов» и книг. Скончался в 1919 г. (по другим данным в 1916 г.).

[362] Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009. С. 70–102.

капиталистического Запада. От России этого ждут и сами азиаты, которые якобы издавна готовы преклониться перед легендарным «белым царем». Народы Востока должны легко согласиться на господство России в силу своего с ней органического родства. В отношении Китая Ухтомский писал, что воцарение «западных начал» будет для Срединного царства несравненно более болезненным и губительным, чем «добродушный погром китайцев нашим (русским – прим. авт.) оружием»[363]. «Погром», который планировал Сурин, должен был быть далеко не «добродушным», и сами китайцы были для него не духовными братьями, нуждавшимися в защите от «хищнического» Запада, а представителями враждебной «низшей» расы. Но идею о том, что русскому царю суждено править Востоком, он вполне мог позаимствовать из широко тиражировавшихся сочинений Ухтомского.

«Желтую опасность» увязывал с антироссийским западным заговором другой генерал – известный своей общественной деятельностью в качестве председателя Московского славянского общества А. И. Череп-Спиридович[364]. Однако если Сурин апеллировал к прочно укоренной в российском общественном мнении англофобии, то Череп относился к несколько иному течению. Он как раз представлял восходящую к И. С. Аксакову и московским славянофилам, близкую генералу Скобелеву панславянскую и анти-германскую линию, к которой после Русско-японской войны был искусственно примешан «желтый» вопрос. «Желтая опасность» была инкорпорирована Черепом в мифологию извечного противостояния между славянами и германцами. Специфика текущего исторического момента, по мнению Черепа, состояла в том, что Германия посредством «десятков тысяч» своих агентов активно готовит Китай к нападению на Россию. Но сама она не решится атаковать Россию до готовности Китая, а потому России необходимо нанести упреждающий удар по германизму – объединиться с балканскими

[363] Ухтомский Э. Э. К событиям в Китае. Об отношениях Запада и России к Востоку. СПб., 1900. С. 47.
[364] Шемякин А. Л. По стопам С. А. Никитина («славянская Москва» и Сербия в 1878–1917 гг.) // Славяне и Россия. 2013. № 1.

славянами в Славянскую империю или Славию (подобно тому, как Пруссия создала германский рейх) и, опираясь на дружественные западные нации, разгромить Австрию, чему изолированная (до прихода китайцев) Германия не посмеет помешать. В противном случае России грозит двойное скоординированное китайско-немецкое нападение и раздел между «монголами» и германцами[365]. Сочинения Черепа показывают, что к 1910-м годам традиционная англофобия была серьезно потеснена агрессивной германофобией и в значительной степени утратила былую политическую актуальность после русско-английского соглашения 1907 г. Об Англии Череп отзывается исключительно благожелательно, даже противопоставляя качественные английские промышленные товары германской «дряни»[366]. Его симпатии распространяются и на весь «англо-саксонский» мир – удержать массу «желтых» от нападения Россия (а скорее уже Славия) должна не иначе как вступив в союз с Соединенными Штатами[367]. Схемы Черепа и Сурина очевидно похожи. Меняются наименования врагов, но Англию можно легко заменить на Германию и наоборот без утраты основного содержания. Однако есть и более существенное отличие: Череп был сосредоточен на панславянской программе и чужд вселенского пафоса избавления белой расы от желтой угрозы. Но в остальном двух «идеологов» сближает прямолинейность, безудержное прожектерство и склонность к теориям заговора, а также подчёркнутая нацеленность на защиту самодержавия. После революции Череп-Спиридович забыл о панславизме и стал одним из наиболее известных конспирологов русской эмиграции, объяснявшим «катастрофу», постигшую Российскую империю, деятельностью «иудо-монгольского» мирового правительства[368].

---

[365] Череп-Спиридович А. И. Как нам избавить Россию от экономического и политического рабства. СПб., 1911. С. 34–35, 48–50.
[366] Там же. С. 32–33.
[367] Там же. С. 45–46.
[368] Ермаков В. А. Антимасонская деятельность русской монархической эмиграции "первой волны" (1917–1940) // Интерактивная наука. 2018. № 3 (25).

Ухтомский и Череп-Спиридович мыслили главным образом в романтических категориях «народного духа», в то время как у Сурина видны следы более «прогрессивных», научных социал-дарвинистских воззрений. Вероятней всего, «прививку» естественно-научного расизма Сурин получил от своего сослуживца по штабу Казанского военного округа и коллеги по Обществу археологии, истории и этнографии при Казанском университете генерала В. А. Мошкова. В отличие от Сурина, Мошков создал себе репутацию настоящего ученого: он первым составил этнографическое и антропологическое описание гагаузов – малочисленного народа, проживающего на территории современной Молдавии. За работы об инородцах Поволжья Мошков был удостоен золотой медали Императорского Русского географического общества[369]. Кроме того, фольклористы до сих пор высоко оценивают его как этномузыковеда – собирателя народных песен и мотивов[370]. Но сам Мошков вовсе не считал собирание фольклора или составление этнографических описаний своим главным вкладом в познание. Эти штудии лишь подтолкнули его мысль к самым широким обобщениям истории человечества.

Мошков разработал оригинальную полигенетическую концепцию происхождения человека. По его мнению, во времена ледникового периода на территории северной Европы, отделенной широкими водами от остальных частей света, сформировался «белый дилювиальный (допотопный) человек». Тысячелетия борьбы за существование в суровых климатических условиях сделала этого «нордического» человека верхом физического и интеллектуального совершенства. Параллельно в Азии и Африке расселялся питекантроп (согласно Мошкову, высшая человекообразная обезьяна). После схода ледника «гениальный дилювиальный человек» сумел покинуть свои исконные земли и приступил к колонизации остальных материков. «Звероподобных», лишенных речи питекантропов он обращал в нечто среднее

[369] Русские фольклористы. Биобиблиографический словарь. Т. 3. СПб., 2018. С. 649.
[370] Фольклористическое наследие В. А. Мошкова. Антология. СПб., 2003.

между домашней скотиной и рабами, но при этом почему-то повсеместно стал с ними скрещиваться. Так в результате смешения высшей и низшей разновидностей появился современный человек, которого Мошков назвал «ублюдочным»[371]. В наименьшей степени метизация затронула население Европы (и особенно германские народы), но даже наиболее «чистокровным» современным европейцам, по мнению Мошкова, далеко до их «гениальных» предков. Если белый человек пострадал от смешения с обезьяной (Мошков называл это «грехопадением»), то питекантропа скрещивание возвысило. Согласно теории Мошкова, гибридная сущность современного человека полностью определяет социальную и политическую структуру мира. Элиты занимают господствующее положение в силу своей особой биологической полноценности, близости к «гениальным» белым предкам, тогда как среди низших классов преобладают признаки питекантропов. Мошков подробно писал об отсутствии духовной жизни и способности к абстрактному мышлению у русских и европейских крестьян, сближавшей их с цветными «дикарями»[372]. Женщины не пользуются равными с мужчинами правами, поскольку у них доминируют признаки самок питекантропа – наложниц древнего белого человека[373]. Господство европейцев обусловлено их «очевидным» биологическим превосходством над небелыми народами, но и последние имеют своими правителями тех, в чьих жилах есть благородная белая кровь[374]. Мошков полагал, что «ублюдочный» вид не может быть устойчивым. По законам природы человечество стремится вернуться к «исходным типам» – «дилювиальному» белому человеку и питекантропу. Этот скрытый «эволюционный» процесс ответственен за все катаклизмы и противоречия человеческой истории[375]. Но когда он завершится, белый

[371] Мошков В. А. Новая теория происхождения человека и его вырождения, составленная по данным зоологии, геологии, археологии, антропологии, этнографии, истории и статистики. Т.1. Происхождение человека. Варшава, 1907. С. 42–120.
[372] Там же. С. 162–183.
[373] Там же. С. 132–135.
[374] Там же. С. 166–171.
[375] Мошков В. А. Механика вырождения. 1912 г. – начало «железного века» в России. Варшава, 1910. С. 8–24.

человек снова обретет утраченную вследствие кровосмесительного «грехопадения» древнюю райскую гармонию, а питекантроп вернется в джунгли.

Сочинения Мошкова являются образцом использования «научного» подхода в целях реакционного, социал-дарвинистского мифотворчества. Наукообразие «железных» доказательств в виде россыпи из личных наблюдений автора и цитат классиков расологии (Г. Лебона, Ж. Гобино, Е. И. Денникера, Х. Чемберлена, Э. Ранке и др.) должно было легитимировать реакционные идеологические постулаты о жесткой биологической обусловленности всех форм социального неравенства. Крайний натурализм Мошкова полностью стирал границу между социумом и миром природы. История человечества, по Мошкову, являлась лишь отображением естественных эволюционных процессов, на которые люди не в силах повлиять. Итогом этих процессов должно было стать появление (а точнее, возвращение) совершенного белого человека, но приблизить или отдалить этот момент никак нельзя – ведь все находится во власти природных сил. Подобный биологический детерминизм, с одной стороны, давал потенциальным сторонникам учения Мошкова уверенность в будущем торжестве «расы господ», а с другой, как будто подразумевал полную деполитизацию через признание человеческого бессилия перед лицом природы. Однако на практике сторонникам расовых теорий было нелегко отказаться от активной роли в истории. Разница между Мошковым и Суриным состоит в том, что последний отказался от наиболее жестких форм натурализма и перенес вопрос о торжестве белой расы в сферу политики. С точки зрения Сурина, человеческая история имеет самостоятельное значение, исход борьбы между «высшей» и «низшей» расами заранее не предрешен, а потому необходима самая полная мобилизация ресурсов белого человечества на борьбу с его экзистенциальным врагом.

Самобытность Мошкова выражается еще и в том, что он был совершенно равнодушен к ключевому для большинства расовых теоретиков еврейскому

вопросу. При всем его расистском мировоззрении Мошкова нельзя считать антисемитом, равно как и фанатиком какой-то конкретной национальности. Правильней было бы назвать его ревнителем квазиаристократической «расы господ», черты которой, пускай и неравномерно, но все же проявлялись во всей человеческой популяции. Мошков в глобальном масштабе противопоставлял биологический детерминизм ненавистной ему левой, демократической «утопии» равенства между людьми и народностями. Судьбы России мало интересовали этого мыслителя.

Подобная «вселенская» широта воззрений обособляла Мошкова даже от тех редких русских националистов, которые пытались адаптировать для своих нужд европейские расовые теории. Научный расизм в целом не очень хорошо приживался на русской почве. Не в последнюю очередь потому, что расизм европейских теоретиков часто был направлен и против славян[376]. Если к расистским учениям все же обращались, то, как правило, с целью (в отличие от Мошкова) представить славян и русских в качестве полновесных представителей «высшей» арийской расы, ничуть не уступавших германцам. Наиболее известными адептами расовых теорий среди русских националистов были профессор университета св. Владимира И. А. Сикорский и влиятельный публицист «Нового времени» М. О. Меньшиков. Первый настаивал на особом «здоровье» и «жизненной силе» русской «расы-нации», единственную угрозу для которой представляет смешение с абсолютно чуждым, «дегенеративным» еврейством[377]. Тогда как у второго были выражены характерные для Мошкова мотивы «загрязнения» русской нации низшими элементами. Утратой русскими своей расовой чистоты и единства Меньшиков подобно Мошкову (но вряд ли под его прямым влиянием) объяснял существующие политические неурядицы и даже борьбу фракций в Государственной думе[378].

---

[376] Подробней см.: Weinerman E. Racism, Racial Prejudice and Jews in Late Imperial Russia // Ethnic and Racial Studies. 1994. Vol. 17. № 3.
[377] Могильнер М. Homo imperii. История физической антропологии в России. М., 2008. С. 265–270.
[378] Weinerman E. Racism, Racial Prejudice and Jews in Late Imperial Russia. pp. 450–452.

Мошков, очевидно, находился на некотором удалении от основных политических течений тогдашней России. Можно ли считать маргиналом и полковника Сурина? Он не гнушался чрезвычайно смелых исторических построений, примитивной аргументации и топорных художественных приемов, но в его идеях и, особенно, в их преломлении было мало оригинального. Не было ничего исключительного и в его стремлении поучаствовать в пропагандистской кампании.

§2. Военное ведомство и официозная военная печать.

В то время в Военное министерство поступало множество записок о поднятии пошатнувшейся дисциплины и патриотического духа посредством пропаганды. В той же связке дел, что и записка Сурина, имеется прошение «Потомственного дворянина Николая Александровича Андрушкевича и сына канцелярского служителя Ивана Викторовича Шкарина», датируемое 1-м мая 1905 г.[379] Эти господа решили издавать листок «На войне» с целью «популяризировать настоящую (Русско-японскую – прим. авт.) войну среди общества и народа», а также «противостоять многочисленным прокламациям подпольных кружков»[380]. Для успеха своего предприятия Андрушкевич и Шкарин просили выделить им 5000 рублей и приобрести за казенный счет «некоторое количество» экземпляров издания[381].

[379] РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 5283. Л. 187.
[380] Там же.
[381] Там же.

С подобными инициативами выступали и люди, занимавшие более высокое положение. Командующий войсками Виленского военного округа, мотивируя свое решение оказать поддержку выходившей при штабе округа газете, писал военному министру: «К числу действительнейших средств для проведения в армию здравых идей и для борьбы с зловредной пропагандой, столь сильно проникшей в войска, надо отнести печатное слово»[382]. Командование Приамурского военного округа и вовсе решило издавать рассчитанную как на военных, так и на гражданских лиц газету охранительного направления с неожиданным для такого рода изданий названием «Свободное слово». Объясняя этот оригинальный ход, начальник штаба округа также писал о необходимости «парализовать столь пагубное влияние преступных (нелегальных – прим. авт.) изданий и разнузданной местной прессы»[383]. Командующий войсками Туркестанского округа, ходатайствуя о выделении средств на нужды выходившей в Ташкенте военной газеты, подчеркивал, что решение о начале ее издания было принято «под влиянием серьезной необходимости противиться энергичной пропаганде агитаторов-революционеров в войсках»[384].

Регулирование потоков печатной продукции, предназначавшейся для военнослужащих, осуществлялось посредством циркуляров Главного штаба. В них объявлялось о выходе в свет различных изданий, признанных полезными для военнослужащих. В списках отдельно выделялись издания, удостоившиеся особой рекомендации к распространению в войсках. За экспертизу книг и периодических изданий для военных отвечала Часть по изданию уставов и положений об образовании войск в составе 3-го отделения Главного штаба. До установления Временными правилами о печати 24-го ноября 1905 г. явочного порядка регистрации газет и журналов подразделение

[382] О назначении пособия для издания газеты «Виленский военный листок» // РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 5300. Л. 1. об.
[383] О рекомендации книг, журналов и газет и о выдаче пособий. Ходатайства издателей об объявлении в приказах о выпускаемой ими периодической печати и о новых книгах // РГВИА. Ф. 868, Оп. 1. Д. 736. Л. 60.
[384] Переписка по ходатайствам издательств журналов и газет о выдаче им субсидий // РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 776. Л. 1.

Главного штаба отвечало и за выдачу разрешений на выпуск периодических изданий для войск. В феврале 1906 г. Часть по изданию уставов была упразднена, а ее функции перешли к воссозданному по инициативе военного министра А. Ф. Редигера Комитету по образованию войск при Военном совете[385]. В Комитет по образованию войск входили 6 постоянных и 13 временных членов[386]. Председателем Комитета был назначен генерал С. Н. Мылов, однако уже в конце 1906 г. он оставил должность по болезни. Мылова сменил генерал А. П. Скугаревский, возглавлявший Комитет вплоть до его расформирования в августе 1909 г.

Определенное время главным «подрядчиком» военного ведомства в сфере пропаганды являлся полковник Д. Н. Дубенский. С 1901 г. он издавал «военно-народную» газету «Русское чтение». В 1904–1905 гг. Дубенский являлся также редактором официальной «Летописи войны с Японией». С началом Первой мировой ему снова было поручено издание «Летописи войны», к тому же с октября 1914 г. Дубенский занимал должность придворного историографа и отвечал за написание официальных отчетов о поездках императора на фронт[387]. Связи при дворе Дубенскому удавалось использовать к выгоде «Русского чтения». С 1901 г. газета, по высочайшему повелению, выписывалась «на счет министерства двора для всех рот, эскадронов и батарей войск гвардии и армии», шефом которых состоял император[388]. Когда возникла потребность в широком распространении верноподданнической солдатской газеты, Дубенский напомнил о себе. 10 ноября 1905 г. он отправил военному министру обстоятельное послание о пользе, которую может принести печатное слово в деле «успокоения» войск. Эти рассуждения подводили к следующему выводу: «Что касается собственно частного вопроса, какая газета может быть пригодна для армии, я могу указать, что

[385] Приказ по военному ведомству. 1906. № 123. Там же. Редигер. А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2-х т. М., 1999. Т. 1. С. 435.
[386] Приказ по военному ведомству. 1906. № 123.
[387] Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Т. VI / под ред. П. Е. Щеголева. М. – Л., 1926. С. 374
[388] РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 776. Л. 28.

общедоступных газет у нас очень мало. <…>. Приходится невольно обратить внимание вашего превосходительства на издаваемую и редактируемую мною газету «Русское чтение», которая возникла пять лет назад именно с целью, чтобы дать народу и армии простую, спокойную газету»[389]. Дубенский достиг своей цели. «Русское чтение» не просто порекомендовали в обыкновенном порядке. В конце ноября 1905 г. и. д. начальника Главного штаба в особом секретном письме просил командующим округами позаботиться о «самом широком» распространении газеты «Русское чтение» среди нижних чинов в целях борьбы с революционной пропагандой[390]. Более того, в соответствии с высочайшим повелением от 15 июля 1906 г. газета «Русское чтение» выписывалась за счет Военного министерства для всех частей русской армии (из расчета по 2 экземпляра на каждую роту, эскадрон, батарею, отдельную команду и т. д.)[391]. Однако последняя мера слишком противоречила стремлению военного ведомства к жесткой экономии. Годовая подписка всех воинских частей на «Русское чтение» обходилась бы примерно в 80 тысяч рублей [9, л. 353] тогда, как даже ежегодная субсидия «Русскому инвалиду» и «Военному сборнику» составляла 37 тысяч рублей[392]. От выписки «Русского чтения» для всей армии за казенный счет на 1907 г. отказались. Дубенский пробовал возмущаться, ссылаясь на высочайшую волю, но получил от помощника военного министра довольно резкий ответ: «Военный министр не имел в виду оказывать “Русскому чтению” постоянную, ежегодную денежную поддержку, и таковая была оказана <…> лишь для ознакомления войск с этим изданием, которое затем должно идти собственными силами <…>. Из обращения полковника Дубенского в Комитет (по образованию войск – прим. авт.) усматривается, что ему, по-видимому, неизвестно состоявшееся решение военного министра, <…> а потому решение это ему надлежит объявить,

[389] О разрешении распространять в войсках с целью прекращения революционной пропаганды газеты «Русское чтение» // РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 5295. Л. 2–3.
[390] Там же. Л. 6–24.
[391] РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 736. Л. 354.
[392] Переписка об увеличении ежегодной субсидии газете «Русский инвалид» и журналу «Военный сборник» // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 301.

прибавив, что получение им в должности при Главном штабе содержания без определенных занятий ему следует рассматривать, как сочувственное отношение Военного министерства к его изданию»[393].

Наибольшую настойчивость проявлял издатель московского журнала «Война и мир» штабс-капитан В. Г. Свистун-Жданович. В фондах Российского государственного военно-исторического архива мной было обнаружено 24 прошения за его подписью. На протяжении года (с 30 ноября 1906 по 25 ноября 1907 г.) Свистун-Жданович методично направлял свои послания руководителям военного ведомства. Прежде чем начать «осаду» министерства, Жданович также заручился поддержкой высших сфер. Каким-то образом ему удалось добиться высочайшей аудиенции и лично преподнести императору свой журнал. Прием состоялся 18 октября 1906 г.[394]. Первое письмо издателя «Войны и мира» переслала Редигеру канцелярия министерства двора. Ходатайствуя о субсидии, Жданович заявлял, что правительство не должно «скупиться ни на какие средства» для поддержки печати, пропагандирующей полезные для армии идеи[395]. В письме генералу Мылову Жданович указывал, что его издание может служить для офицеров чем-то вроде пособия по подготовке бесед с нижними чинами на общественные темы[396]. Он также попытался предостеречь Мылова, упомянув немало раздражавшую военное ведомство антиправительственную офицерскую газету, приостановленную в сентябре 1906 г.: «Погибнет журнал “Война и мир” – на его месте, может быть, вырастет ”Военный голос”»[397].

Царь одобрил начинание Ждановича, но распоряжений о финансовой поддержке не отдавал. Решение оставлялось на усмотрение военного ведомства. Тем не менее Комитет по образованию войск охотно согласился выдать Ждановичу 10 тысяч рублей на покрытие расходов по изданию в 1906–

[393] РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 776. Л. 25.
[394] РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 776. Л. 52.
[395] Об отпуске из запасного кредита и других источников сумм на удовлетворение разных текущих потребностей канцелярии военного министерства // РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 68807. Л. 93.
[396] РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 736. Л. 92.
[397] Там же. Л. 193.

1907 гг.[398]. Субсидия была одобрена как ввиду монаршего благоволения просителю, так и потому, что поддержка такого журнала соответствовала планам министерства. Председатель Комитета Мылов, хорошо знавший служившего под его началом в Русско-японскую войну редактора «Войны и мира» полковника М. С. Галкина, даже высказывался за взятие журнала в казну (вопреки утвержденной позиции по официальным изданиям)[399]. Этого не произошло, а уже в мае 1907 г. Жданович сообщил, что израсходовал все деньги и возбудил прошение о новой субсидии[400]. Были задействованы самые разные рычаги. Его ходатайство поддержал командующий войсками Московского округа генерал Гершельман[401], Жданович писал царю[402] и великому князю Михаилу Александровичу, которой пожертвовал на журнал 500 рублей из личных средств[403]. Наконец, даже императрица Александра Федоровна просила П. А. Столыпина «обратить благосклонное внимание» на журнал «Война и мир»[404]. Жданович посылал А. А. Поливанову экзальтированные телеграммы: «К будущему подписному году, во имя лучших дней “Военного сборника” под талантливым руководительством вашим, умоляю спасти журнал. Вам одному могут быть понятны все трудности и стоимость издательского дела (С 1899 по 1904 г. Поливанов являлся редактором “Русского инвалида” и ”Военного сборника” – прим. авт.)»[405]. Все это подействовало – в июле 1907 г. ему дополнительно выделили 3000 рублей[406]. Однако уже осенью Жданович снова просил о субсидии. Ему предполагалось ассигновать еще 10 тысяч рублей, военный министр лично

[398] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 68807. Л. 83.
[399] РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 736. Л. 192.
[400] Ходатайства издателей журналов «Родная речь», «Война и мир» и газеты «День» о материальной и моральной поддержке этих изданий // РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1182. Л. 533–539.
[401] РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 736. Л. 221.
[402] РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 776. Л. 52.
[403] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 68807. Л. 535.
[404] РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 776. Л. 68
[405] Там же. Л. 90.
[406] Там же. Л. 125.

распоряжался об ускорении процесса[407], но поддержку Ждановича пришлось резко прекратить[408].

В начале ноября 1907 г. выяснилось, что в типографии «Печать и гравюра», принадлежавшей В. А. и В. Г. Свистун-Ждановичам, была напечатана книга И. Будния «Побежденные: повесть горькой действительности»[409]. Примечательно, что на повесть Будния в министерстве обратили внимание благодаря статье «Будний или “Блудний”?» в журнале «Разведчик»[410]. Это произведение было написано в расчете на легкий успех с оглядкой на падение престижа русской армии и популярные в обществе антивоенные настроения. Его герои, офицеры маньчжурской армии, были выставлены в карикатурном и уничижительном свете – как морально разложившиеся уклонисты, всеми способами пытавшиеся сбежать с передовой[411]. Участие в издании такого сочинения очевидным образом плохо сочеталось с целями, которые декларировал Жданович для официальных инстанций и самого царя. Но и раскрытие этого обстоятельства не смутило предприимчивого издателя. Отчаявшись добыть еще денег, он просил военного министра посодействовать продаже журнала А. С. Суворину, но в этот раз получил категорический отказ[412]. Лишившись субсидий, журнал «Война и мир» прекратил свое существование.

В 1905–1908 гг., помимо упомянутых изданий, от Военного министерства получали субсидии: «Виленский военный листок» и «Туркестанская военная газета», журналы «Доброе слово», «Вестник русской конницы», «Русский воин», «Вестник русского солдата», «Братская помощь», «Вестник офицерской стрелковой школы», «Вестник общества ревнителей военных знаний»[413]. За указанный период военное ведомство истратило на поддержку

---

[407] Там же. Л. 140–141.
[408] Там же. Л. 142.
[409] Переписка об учебнике Вишнякова и образовании войск // РГВИА. Ф. 868. Оп.1. Д. 771. Л. 2.
[410] Толузаков. С. Будний или «Блудний»? // Разведчик. 1907. № 883. С. 565–566.
[411] Будний И. Побежденные: повесть горькой действительности. М., 1907.
[412] РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 776. Л. 176, 191.
[413] РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 5300.; РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 775; РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 776; РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 736. РГВИА. Часть по изданию уставов. О приеме от 3-го отделения Главного управления

различных периодических изданий (кроме официальных) порядка 160 тысяч рублей. Эта сумма не кажется значительной на фоне общих военных расходов. Но если принять во внимание тот факт, что по крайне мере до конца 1908 г. боеспособность армии находилась на очень низком уровне, поскольку средств не хватало даже на пополнение запасов, израсходованных в Русско-японскую войну[414], то станет понятно, что любой дополнительный расход был ощутим и затруднителен.

Можно привести еще массу подобных примеров. Однако в данном случае важно то, что организация государственной пропаганды на качественно новом уровне являлась насущной проблемой в 1905–1907 гг. Неэффективность применявшихся методов борьбы с революционной агитацией, недостаточное использование возможностей печатного слова – общее место рассмотренных записок. Руководство военного ведомства во многом разделяло эту точку зрения. Комитет по образованию войск, отвечавший за экспертизу поступавшей в армию печатной продукции, отмечал неспособность прежней официальной печати соответствовать запросам читателей в условиях жесткой конкуренции со свободно высказывающейся на различные темы частной прессой[415]. Выход видели в финансовой поддержке консервативных частных военных изданий.

Подобная политика военных властей порождала все большее число желающих внести свой вклад в дело «интеллектуального противодействия» революционной пропаганде. Формуляр типичной записки верноподданного, из патриотического долга предлагавшего свои услуги правительству, непременно включал в себя просьбу о деньгах. Сурин прямо не добивался субсидий, но и он, несомненно, стремился угодить правительству и правой общественности в надежде на награду и признание. Вероятно, Сурин не получил серьезного отклика не из-за дикости и идеологической

Генерального штаба…// Ф. 400. Оп. 3. Д. 5307.; О назначении субсидии по 3000 руб. в год на издание журнала «Доброе слово» в течение 1906–1908 гг. // РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 67289.

[414] Шацилло К. Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М., 2000. С. 103–113.

[415] РГВИА. ф. 868. Оп. 1. Д. 776. Л. 81.

неприемлемости его трудов, а в виду отсутствия у него конкретных реализуемых предложений, граничащего с безумием прожектерства. В 1913 г. пьеса о Скобелеве с таким идейным наполнением могла иметь шансы на успех, однако драматургического мастерства Сурина не хватило для того, чтобы создать, пусть и плохое, но сколько-нибудь технически пригодное для постановки произведение, которое не выглядело бы пародией. Сурин неплохо чувствовал политическую конъюнктуру момента, в попытках обрести покровителей цинично и грубо приспособлял к своим нуждам идеологические конструкции, которые брал в готовом виде из печати и от своих знакомых. Проблема заключалась в том, что ему не хватало умения облекать свои задумки в удобоваримую форму. Менее увлеченные, но лучше понимающие бюрократическую практику просители нередко добивались большего.

Однако насколько успешной была политика военного ведомства в сфере пропаганды? Иными словами, давало ли распространение субсидируемых изданий ожидаемый воспитательный эффект? На этот вопрос трудно дать однозначный ответ. Но представляется, что в следующем отзыве одного из офицеров содержится немалая доля истины: «Все печатные произведения получаются в ротной канцелярии, здесь смотрят на них, как на вещь казенную, с которой нужно обращаться бережно и за которую отвечают. В лучшем случае, будучи прочитаны фельдфебелем, ротным писарем и фельдшером, они заносятся в журнал и наводят вечное успокоение на одной из полок ротной библиотеки. Таким образом, получаемые войсками журналы и газеты не достигают своей цели – солдатской массы, а читаются лишь избранными»[416].

[416] РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 776. Л. 48.

§3. Граф Л.Л. Толстой на службе военной пропаганды.

Русская-японская война и революция 1905–1907 гг. уронили престиж русской армии в глазах образованной публики. Войска, не сумевшие одержать ни одной серьезной победы над силами «нецивилизованной» (по бытовавшим тогда представлениям) азиатской страны, стали главным орудием подавления внутренних беспорядков, взяв на себя функции малочисленной полиции. Армия, неспособная справиться с внешним противником, то есть выполнить свой прямой долг, в то же время с успехом вела войну против собственного народа – такая точка зрения набирала влияние в обществе. Страницы оппозиционной печати полнились антивоенной сатирой и выпадами в адрес офицерств. Популярность набирали призывы распустить регулярную армию, превратившуюся в карательный инструмент самодержавия, и заменить народной милицией, военных с позиций «истинного патриотизма» стыдили за службу «реакции». Появление повести А. И. Куприна «Поединок», рассказывавшей о том, как военная служба погубила молодого идеалистически настроенного офицера, совпало со стремительным падением былой привлекательности военной карьеры для молодых людей. В глазах интеллигенции военная служба становилась зазорной. В этих условиях у армии появился неожиданный защитник. Им стал Лев Львович Толстой – сын Льва Николаевича Толстого, кумира русской интеллигенции, известного своим крайним пацифизмом. Л. Л. Толстой начал сотрудничать с официальной военной печатью, чем помогал военному ведомству бороться с антимилитаризмом интеллигенции.

В начале 1907 года в «Русском инвалиде» была напечатана своего рода программная статья с броским заглавием «Милитаризм – фактор культуры». Впрочем, особенно громкое, почти сенсационное звучание заголовку

придавало имя автора. Подпись гласила – Л. Л. Толстой. Это был не однофамилец и тезка, но родной сын писателя – Лев Толстой-младший.

Лев Львович прошел трудный путь от фанатичной (не характерной для других сыновей) приверженности идеям отца до полного разрыва и публичной борьбы с толстовством.

Широко известно высказывание А. С. Суворина о месте Л. Н. Толстого в жизни России: «Два царя у нас: Николай Второй и Лев Толстой. Кто из них сильнее? Николай II ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его трон, тогда как Толстой, несомненно, колеблет трон Николая и его династии».[417] В амбициозности и уверенности в своем предназначении Лев Толстой-сын не уступал отцу. Он стремился вмешаться в противостояние «двух царей» и склонить чашу весов на сторону Николая Романова, поколебав доселе незыблемый «трон» Л. Н. Толстого.

Имя и демонстративное со взглядами отца открывали перед Львом Львовичем двери влиятельных редакций и властных кабинетов. Его статьи регулярно печатались в «Новом времени», а через министра внутренних дел П. Д. Святополк-Мирского Толстому удалось добиться аудиенции императора. Встреча состоялась 27 января 1905 года и продлилась два часа. По ее итогам Николай II оставил в дневнике сухую запись: «Погулял до завтрака. В 2 ½ принял гр. Льва Толстого-сына. Гулял и убил ворону».[418] Однако Лев Львович, по всей видимости, остался доволен тем впечатлением, которое ему удалось произвести на государя. Толстой доказывал необходимость скорейшего созыва Земского собора как исторической, традиционной русской формы представительства, и царь демонстрировал живейшее согласие; Толстой говорил о том, что предпочтение в Соборе следует отдать крестьянству и обратить особое внимание на его нужды – царь уверял, что мыслит так же[419].

---

[417] Цит. по: Ломунов К. Н. Лев Толстой в современном мире. М., 1975. С. 46.
[418] Дневники императора Николая II. 1894–1918 гг. М., 2012. Т. 2. Ч. 1. С. 18.
[419] Толстой Л. Л. Опыт моей жизни; Переписка Л. Н. и Л. Л. Толстых. М., 2014. С 86.

Очевидно, Лев Львович не знал, что Николай II предпочитал, соглашаясь во всем с собеседником, не обнаруживать перед ним своих истинных мыслей и намерений. Роль неофициального советника царя льстила самолюбию сына писателя[420]. Лев Львович явно преувеличивал степень своего влияния, когда заявлял, что Николай II для Манифеста 17-го октября позаимствовал из его книги «"Современная Швеция" <…> список пяти гражданских шведских свобод: свободу личности, слова, собраний, веры и печати».[421] Не менее фантастично выглядит и утверждение Льва Львовича о том, что его письмо заставило Николая II выслать Распутина: «Я просил его позднее навсегда удалить Распутина. Он временно послушался, и Распутин был сослан в Сибирь, но через две недели снова возвращен в Царское, по просьбе императрицы»[422]. Впрочем, вдобавок Лев Львович заявлял, что он давал императору в том числе и верные военно-стратегические указания: «В начале великой войны я посоветовал мобилизовать возможно большее количество войск, что было исполнено, и вследствие этого <…> немцы должны были перебросить 12 корпусов с Западного фронта на Восточный, благодаря чему был спасен Париж и дальнейшие операции союзников могли развиваться успешно»[423].

Из всех доживших до зрелого возраста сыновей Толстого Лев Львович был, пожалуй, наиболее штатским человеком. Его младший брат Андрей Львович в 1904 году отправился на Дальний Восток в действующую армию, получил ранение в боях с японцами и был награжден георгиевским крестом. В 1900 году получил офицерский чин и другой младший брат – Михаил Львович, впоследствии участник Первой мировой и Гражданской войн. Старшие братья Сергей и Илья Львовичи также благополучно отслужили в армии положенный срок: первый по окончании университета, второй, поступив

[420] Басинский П. В. Лев в тени Льва. М., 2015. С. 410.
[421] Толстой Л. Л. Опыт моей жизни; Переписка Л. Н. и Л. Л. Толстых. С. 86.
[422] Там же. С. 87
[423] Там же. В дальнейшем у Льва Львовича появился повод посетовать на неблагодарность жителей французской столицы: «Голодая позднее в качестве беженца в "столице мира", каким именем французы величают Париж, я говорил им, что выходило как будто несправедливо то, что я голодал именно в том городе, спасению которого я содействовал» (Там же).

вольноопределяющимся после исключения из гимназии. Для Льва Львовича же воинская повинность стала серьезным нравственным и физическим испытанием. После оставления университета перед ним стояла дилемма – подчиниться закону и пойти в армию или же не явиться в воинское присутствие и понести наказание («пострадать») за верность своим (а вернее отцовским) идеалам.

Как полагает П. В. Басинский, Л. Н. Толстой напрямую не оказывал давление на сына, уважая его свободу выбора, но тем не менее давал понять, что считает для него правильным понести наказание за отказ от военной службы. Этим путем в то время шли многие увлеченные толстовской «проповедью» молодые люди, но только не дети самого Толстого. Лев Николаевич возлагал большие надежды на единственного преданного его идеям сына. Тогдашние друзья Льва Львовича – «толстовцы» во главе с В. Г. Чертковым – открыто убеждали его «принести себя в жертву». Категорически против грозящего суровыми последствиями отказа от службы выступала мать – С. А. Толстая. Разрываясь между матерью с одной стороны, отцом и его последователями с другой, Лев Львович принял половинчатое решение[424].

В итоге стремившийся показать силу духа и «пострадать» за убеждения Л. Л. Толстой не просто не уклонился от воинской службы, но по родственной протекции был определен в привилегированный отдельный гвардейский стрелковый батальон, командиром которого был хороший знакомый брата С. А. Толстой[425]. Лев Львович проживал не в казарме, а на квартире у родственников в Петербурге, тяготился дисциплиной и, по всей видимости, плохо воспринимал учение, забывая приветствовать офицеров и однажды даже не узнав карету императрицы. При этом он собирался демонстративно отказаться от принесения воинской присяги. Благожелательно настроенное к молодому человеку начальство нашло выход из положения: в декабре 1892 года Льва Львовича комиссовали из армии по причине слабого здоровья. Его

[424] Басинский П. В. Лев в тени Льва. С. 215–218.
[425] Там же. С. 219.

странная служба продлилась менее четырех месяцев[426]. Однако пережитые потрясения положили начало тяжелой нервной болезни, от которой Льву Львовичу удалось оправиться только через несколько лет. Впоследствии он видел причину болезни в «толстовстве» и связывал выздоровление с избавлением от учения отца: «Я же поплатился (за следование идеям отца – прим авт.) долгой и тяжелой болезнью, которую победил только благодаря тому, что навсегда похоронил и осудил толстовское учение, взятое в его целом, и, выбравшись из полудикой, бестолковой России, увидел и понял рациональный и организованный Запад»[427].

С «рациональным и организованным» Западом Лев Львович познакомился в Швеции, где проходил курс лечения под наблюдением известного доктора Вестерлунда. Эта благополучная страна произвела на сына Толстого сильное впечатление. Женившись на дочери Вестерлунда, Лев Львович продолжил регулярно бывать в Швеции, нередко находя в сравнении материал для критики российских порядков и явлений общественной жизни. По мысли Льва Львовича, не воевавшая с наполеоновских времен, отказавшаяся от великодержавных амбиций Швеция могла послужить для России примером и в сфере отношения к обороне государства. Его статья «Милитаризм – фактор культуры» как раз начинается сопоставлением российской и шведской ситуации: «Прошлым летом я прочел как-то в шведских газетах следующую телеграмму из города Норчепинга: “Вчера приговорен судом за распространение своей брошюры ‘К борьбе с милитаризмом’ Сундстрем из города Иевле к году каторжных работ. Некоторые судьи стояли за два года”. Тем же летом я получал кучу русских газет, в которых было помещено множество объявлений о целом ряде книг и брошюр, гораздо более крайних, написанных не только против милитаризма, но имеющих целью разрушить весь существующий строй».[428] Как утверждает

[426] Толстой Л. Л. Опыт моей жизни; Переписка Л. Н. и Л. Л. Толстых. С. 47–49. Касаясь эпизода с отбытием воинской повинности в другой книге воспоминаний, Лев Львович откровенно признавался: «Я остался, в сущности, в дураках» (Толстой Л. Л. В Ясной поляне. Правда об отце и его жизни. Прага, 1923. С. 36.)
[427] Толстой Л. Л. Опыт моей жизни; Переписка Л.Н. и Л. Л. Толстых. С. 31.
[428] Толстой Л. Л. Милитаризм–фактор культуры // Русский инвалид. 1907. 10 января. № 7. С. 5

Лев Львович, в отличие от русских, шведы ответственно относятся к проблемам национальной безопасности и берегут свой «милитаризм»: «Громадное большинство шведских граждан сознательно относится к своему государственному устройству, громадное большинство, в вышеприведенном случае, стоит за вооружение страны, за милитаризм, который один может защитить шведскую культуру и обеспечить ее правильное дальнейшее развитие и потому все шведское общество – за исключением, может быть, очень немногочисленных крайних социалистов – анархистов, солидарно с приговором суда в Норчепинге»[429]. Соответственно, России необходимо так же «до крайней степени усиливать милитаризм» и «опираться на него, как на одну из самых прочных <…> государственных и культурных основ».

Лев Львович убежденно доказывал, что укрепление военной мощи страны является непременным начальным условием успешного развития в любой из сфер государственной и общественной жизни: «Нет сомнения, что с возрождения русской армии, русского воинства и расцвета русского милитаризма должен начаться расцвет русской жизни вообще. Никакие свободы, никое просвещение, никакое законодательство, никакое развитие промышленности не помогут, пока мы будем покоряемы японцами и социал-революционерами, пока мы не станем сильными внутри страны и вне ее».[430] По его мысли, прежде чем вновь заявить о себе на международной арене, Российскому государству следует при помощи военной силы водворить порядок внутри страны. Со взбунтовавшимся народом надлежит поступить так же, как с внешним врагом. Говоря об этом, Лев Львович использует характерные выражения, уместные при описании военных кампаний: «России нужно покорить самое себя», «покорить свой собственный народ». Народ необходимо обуздать и заставить «сплотиться в единое государственное, крепкое тело для того, чтобы можно было думать о внешних победах»[431].

---

[429] Там же.
[430] Там же.
[431] Там же.

В своих сочинениях Л. Л. Толстой часто затрагивает тему «борьбы». По его мнению, борьба между индивидуумами, переходящая в вооруженную борьбу между народами, организованными в «крепкое государственное тело», составляет основное содержание человеческой истории. Современная ему эпоха не составляет здесь исключения, напротив, конкуренция между отдельными людьми и народами обостряется, борьба становится все более напряженной. Статью под заглавием «Жизненные задачи русского офицера» Лев Львович начинает с фразы «Жизнь – это борьба как отдельных людей, так и народов между собой»[432]. Лев Львович выделяет «разумные» и «неразумные», «правильные» и «неправильные» виды борьбы. К «неправильным» видам борьбы относится прежде всего «отрицающая патриотизм», «ложная и вредная» социальная борьба. Разжигаемая левыми политическими силами социальная борьба подрывает единство нации, ослабляет государство, ставит его в невыгодное положение перед другими народами-конкурентами. Согласно Льву Львовичу, в последние годы «разум русского человека и государства помрачился». Обезумевшее русское общество отдает силы «неразумной» и «вредной» социальной борьбе. Однако среди общего помешательства «здоровье разума» сохранила часть крестьянства, а главное – армия. Здесь Лев Львович возвращается к риторике покорения взбунтовавшейся страны: «даже если в этой борьбе русская армия останется одна, то и в этом случае она может и должна выйти победительницей из настоящей смуты и снова поставить страну на надлежащий ей путь»[433].

Наставляя офицеров, Лев Львович писал, что они должны твердо усвоить простую истину: все лучшее в мире достигается «энергией и деятельностью, борьбой и победой сильнейших и разумнейших над слабейшими и неразумнейшими»[434]. Соответственно, этот закон распространяется и на сферу международных отношений: «тот народ принесет

[432] Толстой Л. Л. Жизненные задачи русского офицера // Русский инвалид. 1907. 17 января. № 13. С. 3.
[433] Там же.
[434] Там же. С. 5.

человечеству высшую сумму блага, который выкажет наибольшую силу, стойкость, мужество и жизнеспособность – духовно, умственно и физически. Тот же народ, который выкажет бессилие, погибнет, не оставив в мире следа»[435].

Резюмируя сказанное, Лев Львович сформулировал несколько ключевых установок, которыми должны были руководствоваться офицеры русской армии. Из абсолютизации борьбы, возведения борьбы между национально-государственными сущностями в центр исторического процесса логично вытекает следующий призыв: «Пусть будут войны, великие, кровопролитные войны, если они будут борьбой лучшего с худшим, добра со злом, разума с безумием! Боритесь в этих войнах за высшее, за разумнейшее, сильнейшее, лучшее, за все свое русское, за русские богатейшие земли, подобных которым нет на свете, за русского даровитого человека, за русские нравы, за русскую литературу, искусство, торговлю, промышленность, науку, музыку, за светлое будущее всей русской культуры и не уступайте ее никому! Победят вас, снова беритесь за оружие, пока не победите!».[436] Следовательно, русский офицер обязан верить в то, что «русская армия призвана покорить мир и насадить в нем высшее благо, высшую силу, высшую культуру людей».[437] Непрерывная, упорная победоносная борьба – вот единственное достойное содержание жизни, по мнению Л. Л. Толстого. Все, что не вписывается в это идеал – «не реальные жизненные цели, а заоблачные мечтания». Под «заоблачными мечтами» Лев Толстой-сын подразумевал главным образом идеи своего отца.

Идейная воинственность охватила этого имевшего тяжелые воспоминания о службе в армии человека во время Русско-японской войны. Зиму и весну 1904 года Лев Львович с семьей проводил в Египте. Находясь в окружении англичан, с радостью встречавших известия о военных неудачах

[435] Там же.
[436] Там же.
[437] Там же.

русских, он проникся духом соревнования между народами. В одном из египетских писем С. А. Толстой Лев Львович выразил свое видение геополитических перспектив: «На то, чтобы Россия покрыла собой всю землю, нужно еще тысяч семь, восемь лет, если мы будем продолжать так быстро расти, как росли с начала Новгорода или даже Московского княжества. Еще тысячу лет для покорения всего азиатского материка, еще тысяч пять лет на покорение и слияние с народами остальных материков».[438] Развивая эти взгляды, он дошел до крайнего шовинизма: «Желтые люди, Китай, Япония и Корея, — это только желтый фон, основа, на которой призваны работать белые люди во главе с Россией, как Россия покрыла собой татар и других инородцев»[439]. Впрочем, и «белых» людей – европейцев – со временем должна постичь та же участь, что и народы Азии: «Замечательно, что мы (русские – прим. авт.) всех покрываем и никто не покрывает нас. Ни один народ никогда в истории не показал этой расовой мощи. Европейцы никто не сделает этого. Напротив, мы опять же покрываем и растворяем в себе всех европейцев: и немцев, и поляков, ближних соседей, и начали то же с более отдаленными — англичанами, французами, итальянцами. Все они только наши слуги, наши приказчики, наши школьные учителя, которых всех заменят в будущем их ученики»[440]. Что касается японцев, то они вызывают у Льва Львовича «гадливое чувство, как комары, напившиеся кровью, которых приходится раздавить»[441].

Статья «Жизненные задачи русского офицера» была выпущена в виде отдельной брошюры под заглавием «Памятка русского офицера» учрежденным Л. Л. Толстым издательством «Доброе дело» в серии «Патриотическая библиотека». В этой же серии увидела свет «Памятка русского солдата» его же авторства. По своему идейному наполнению

[438] Цит. по: «Время идет интереснейшее…» (Письма Л. Л. Толстого к Николаю II) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год. СПб., 1996. Вступ. статья, публикация и комментарий В.Н. Абросимовой и С.Р. Зориной. С. 106.
[439] Там же. С. 107.
[440] Там же.
[441] Там же.

солдатская памятка была идентична офицерской. Русскому солдату также следовало видеть смысл жизни в «разумной борьбе», духовно и физически совершенствоваться, а главное – ясно осознавать: «Все данные за то, чтобы Россия <…> в будущем завоевала мир»[442].

Если текст офицерской памятки был первоначально опубликован в «Русском инвалиде», то солдатская памятка выросла из воззвания «К русским солдатам», напечатанном в «военно-народной» газете «Русское чтение», редактором-издателем которой был упоминавшийся выше полковник Д. Н. Дубенский[443]. Л. Л. Толстой являлся одним из ведущих публицистов «Русского чтения». В отличие от «Нового времени», где сына Толстого все же затмевал М. О. Меньшиков и другие известные сотрудники, в «Русском чтении» Лев Львович мог считаться главной «звездой». Его статьи, всегда содержащие поучительные рассуждения на злободневные темы, как правило помещались на первых страницах газеты[444].

В конце 1906 года Лев Львович, основательно расширив первоначальный текст, дал ему претенциозное название «Памятка русского солдата»[445]. 20 декабря 1906 он отправил «Памятку» императору, надеясь таким образом добиться поддержки властей в ее распространении.[446] Обращение к верховной власти на этот раз дало определенный результат – министр двора запросил мнение Главного штаба о брошюре. «Памятка» была рассмотрена на заседании Комитета по образованию войск при Военном

---

[442] Толстой Л. Л. Памятка русского солдата. СПб., 1907. С. 16.

[443] Толстой Л. Л. К Русским солдатам // Русское чтение. 1905. 22 декабря. № 151. С. 1–2.

[444] На одну из «милитаристских» статей Льва Львовича в «Русском чтении» откликнулся крестьянин Арсений Дидура из села Капустяны: «…Теперь Толстой говорит – надо увеличить армию: а кем ее увеличить? Помещиками или крестьянами? Кем государство держится – помещиками или крестьянами? Государство больше держится голодными крестьянами и армия увеличится (так в тексте – прим. авт.) сухопутная и морская, а сытые помещики только статьи в газеты сообщают. А что будет с той армией, если она голодная и голая все равно, как и теперь будет, если не поставить какой налог на помещиков, чтобы они продали землю крестьянам…» (Письма Бабенко М. Т., Дидуры Арсений, Писаченко Г. И. в редакцию газеты «Русское чтение» с отзывами и впечатлениями о статьях графа Л. Л. Толстого // ИРЛИ. Ф. 303. Оп. 1. Д. 929. Л. 7.)

[445] По аналогии с впервые изданной в России в 1906 году и получившей большой резонанс «Солдатской памяткой» Л. Н. Толстого. Лев Николаевич был возмущен как содержанием брошюры сына, так и тем, что она имела фактически то же заглавие. «Может писать, что угодно, только не под тем же названием, что отец. Из простого приличия» – жаловался он в разговоре. (Цит. по: «Время идет интереснейшее…» (Письма Л. Л. Толстого к Николаю II). С. 146.)

[446] «Время идет интереснейшее…» (Письма Л. Л. Толстого к Николаю II). С. 145.

совете. Первоначальный вердикт Комитета был неблагоприятен для автора «Памятки». По мнению членов Комитета, автор, поставив себе задачу разъяснить русскому солдату его предназначение, справился с ней лишь отчасти. Главный недостаток брошюры усматривали в том, что в ней полностью игнорировалась фигура «верховного вождя армии»: «Толкуя солдату его обязанности и призвание, он опирается лишь на два стимула: благо народа и отечества, и ни одним словом не упоминает о долге солдата по отношению к государю императору – верховному вождю армии, к присяге, к чести знамени, т. е. о том, на чем прежде всего зиждется военное воспитание»[447]. Состоящая из рассуждений о политических задачах, общечеловеческих и гражданских идеалах «Памятка» Л. Л. Толстого действительно сильно расходилась с принятыми в русской армии традициями «воспитания» нижних чинов. Это был своего рода политико-философский трактат как по форме, так и по содержанию, казавшийся малопригодным для военнослужащих. Помимо отсутствия традиционных верноподданнических формул, заучивание которых лежало в основе «гражданского воспитания» нижних чинов, Комитет отметил недостаточную ясность языка «Памятки».[448] Соответственно, дать брошюре официальную рекомендацию не представлялось возможным[449].

Однако стремление использовать имя сына Толстого в пропагандистских целях было слишком сильно. Делопроизводитель Комитета, полковник Лазаревич в вежливом письме предложил Льву Львовичу исправить брошюру («восполнить пробел»), указав на обязанности солдат перед «верховным вождем армии»[450]. Он незамедлительно выполнил это требование, хотя и достаточно формально. Как показали В. Н. Абросимова и С. Р. Зорина, Лев Львович, нисколько не меняя текст, лишь добавил в него

[447] Переписка с учреждениями военного ведомства и штабами войсковых частей об издании военных газет и журналов // РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 775. Л. 506.
[448] Там же.
[449] Там же.
[450] Там же. Л. 18. Еще один экземпляр письма хранится в фонде Л. Л. Толстого в отделе рукописей ИРЛИ РАН. См.: «Время идет интереснейшее…» (Письма Л. Л. Толстого к Николаю II). С. 148.

несколько упоминаний царя[451]. Тем не менее этого оказалось достаточно. Формальное препятствие для одобрения брошюры было устранено. При повторном рассмотрении Комитет снова отметил ряд недостатков «Памятки», в частности, очевидное незнакомство автора с военной жизнью: «автор – сам не воин, а дилетант в вопросах солдатского воспитания, тем более что и характер изложения не совсем приспособлен к солдатской аудитории»[452]. Более того, из-за массы отвлеченных рассуждений ценными признаются лишь последние три страницы «Памятки» (всего их было 16), где автор, обобщая свои мысли, пытается дать солдатам ряд руководящих установок. Но при всем при этом брошюра признавалась заслуживающей объявления в циркуляре Главного штаба[453].

Впрочем, позднее обозначилось еще одно препятствие – во избежание путаницы с «Солдатской памяткой» Л. Н. Толстого следовало сменить заглавие брошюры. Исправленный вариант, по рекомендации Комитета, был озаглавлен «Назначение русского солдата». После этого Лев Львович через министра двора получил долгожданное высочайшее одобрение своей брошюры.[454] Наконец, 5-го декабря 1907 года о выходе брошюры Л. Л. Толстого «Назначение русского солдата» было объявлено в циркуляре Главного штаба наряду с девятнадцатью другими изданиями.[455]

На солдатской и офицерской «памятках» не закончились попытки сотрудничества Л. Л. Толстого с официальной военной печатью. В Отделе рукописей Института русской литературы сохранился черновик статьи, в которой Лев Львович снова обратился к теме «духа» русского офицерства. В заголовок была вынесена фраза «Мы не пойдем», якобы брошенная одним

---

[451] «Время идет интереснейшее…» (Письма Л. Л. Толстого к Николаю II). С. 152.
[452] РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 775. Л. 269 об.
[453] Там же. Л. 270. Если в предназначавшейся для «внутреннего пользования» рецензии сочинение Льва Львовича оценивалось весьма сдержанно и снисходительно, то совершенно иным был тон отзыва, опубликованного в литературном приложении к «Русскому инвалиду». «В прекрасной “Памятке русского солдата” Л. Л. Толстого офицер найдет источник веры в высокое значение и свое, и солдата и сумеет передать ему заветные мысли автора, мысли, которые должны быть близки сердцу каждого русского и тем более истинного-военного человека» – писал капитан В. В. Жерве (Литературное приложение к «Русскому инвалиду». 1907. № 4. С. 26.)
[454] «Время идет интереснейшее…» (Письма Л. Л. Толстого к Николаю II). С. 152.
[455] Главный штаб. Циркуляры за 1907 год. СПб., 1908. С. 470.

офицером, отказывавшимся защищать дальневосточные рубежи России в случае новой войны с Японией. Лев Львович считал подобные, прямо расходившиеся с воинским долгом настроения весьма распространенными (едва ли не преобладающими) в военной среде.[456] Причину упадка воинского духа он видел в порочности мировоззрения, приобретаемого молодыми людьми в школе и семье: «Почему находятся офицеры, не верящие ни во что на свете, <…> офицеры, не признающие ни царя, ни патриотизм, ни бога. Потому что с детского возраста их не приучали верить, их, напротив, всячески разучивали верить <…>. Они вечно слышали дома и в школе одно только отрицательное отношение ко всему на свете»[457]. Статью, в которой офицеры русской армии довольно нелепо уподоблялись ни во что не верящим нигилистам, Лев Львович надеялся поместить в официальной газете военного ведомства. В феврале 1907 года редактор «Русского инвалида» и «Военного сборника» Ф. А. Макшеева вполне ожидаемо сообщил Льву Львовичу, что в таком виде принять эту статью к печати он не может.[458] При этом Макшеев обходительно добавил, что ему хотелось бы видеть «художественные строки» Льва Львовича в «Русском инвалиде», и потому предлагал по-иному построить статью. Редактор указал необходимые исходные положения: «негодные» офицеры есть, но составляют лишь незначительное меньшинство; «здоровое» и сплоченное большинство должно само, без вмешательства начальства «выдавливать негодных» из военной среды[459]. Несмотря на то что предложенная схема противоречила собственным идеями Льва Львовича, он вскоре переписал статью в соответствии с указаниями Макшеева. В марте исправленный текст был напечатан в «Русском инвалиде». Вызывающее заглавие «Мы не пойдем» сменилось на более нейтральное – «Плевелы». В самом начале статьи помещалась обязательная оговорка: «Я не говорю здесь о светлой, большей части русского воинства, которой держится Россия. Я

[456] ИРЛИ. Ф. 303. Оп. 1. № 63. Л. 1.
[457] Там же. Л. 2–3.
[458] Макшеев Ф. А. Письма Л. Л. Толстому // ИРЛИ. Ф. 303. Оп. 1. Д. 432. Л. 5.
[459] Там же. Л. 6.

говорю о темной, маленькой его частичке»[460]. Далее Лев Львович помещал свою излюбленную филиппику против «системы воспитания», недостатки которой, как теперь оговаривалось, затронули лишь очень небольшую часть офицерства… Вторая часть статьи оказалась посвящена критике «либералов и революционеров», винивших во всем правительство, тогда как истинной причиной «неустроенности жизни» являлось отсутствие у них самих «государственного воспитания»[461].

В течение года в «Инвалиде» было помещено еще три заметки за подписью Л. Л. Толстого. Однако в них уже не было самостоятельных пространных рассуждений автора. В первом случае Лев Львович излагал предложенную А. П. Семеновым Тян-Шанским программу развития российского военно-морского флота[462], а в следующих двух заметках реферировались главы книги капитана шведской армии Ивара Хульта о военном воспитании[463]. Далее статей Льва Львовича в военном официозе уже не появлялось. Долгого и плодотворного сотрудничества с «Русским инвалидом» не получилось, несмотря на то, что военное ведомство какое-то время выражало заинтересованность в публицистике Л. Л. Толстого. В скором времени обнаружилось, что его идеи было непросто согласовать со взглядами военных и облечь в приемлемую для них форму. В конце 1912 года увлекшийся карточной игрой и потому испытывавший острую нужду в деньгах Лев Львочич пытался продать право на 4-е по счету издание своих «памяток» типографии военного министерства за скромные 200 рублей, но получил категорический отказ.[464] В ответе начальника типографии говорилось, что хозяйственная комиссия нашла предложение Льва Львовича, «сопряженным с убытками» и потому «крайне невыгодным».[465]

---

[460] Толстой Л. Л. Плевелы // Русский инвалид. 1907. 9 марта. № 54. С. 3
[461] Там же. С. 4.
[462] Толстой Л. Л. Какой нам нужен флот // Русский инвалид. 1907. 22 декабря. № 278. С. 3.
[463] Толстой Л. Л. Наше воспитание // Русский инвалид. 1908. 13 марта. № 50. С. 3–4; Там же. 28 марта. № 72. С. 5–6.
[464] Такое количество переизданий было вызвано внесением исправлений по требованию Комитета по образованию войск, а не особым успехом «памяток».
[465] Письма Льву Львовичу Петра Федоровича Заусницкого // ИРЛИ. Ф. 303. Оп. 1. Д. 310. Л. 1.

Историки литературы низко ставят художественные дарования Л. Л. Толстого и дают негативную (если не уничижительную) характеристику его личности.[466] Однако безотносительно способностей и личных качеств Льва Толстого-сына его горячая полемика с отцом стала заметным фактором общественной жизни. У тех, кто с недоверием и скепсисом относился к толстовской проповеди, появился влиятельный союзник. Льву Львовичу все же удалось дать в руки противников «толстовства» мощное оружие. Тем, что даже родной сын не согласен с Толстым, можно было веско закончить спор о его учении. Не будучи военным, Л. Л. Толстой оказывал ценную услугу военной пропаганде, давая ей возможность использовать свое имя. Если Толстой-отец отрицал войну и насилие, отказывая военному сословию в праве на существование в лучшем, «просветленном» мире, то Толстой-сын разделял точку зрения профессиональных военных, доказывая необходимость существования и укрепления вооруженных сил в текущей международной обстановке. И даже более того, встав на позиции социал-дарвинизма, в борьбе, в насилии и его апофеозе в виде вооруженного противостояния народов Толстой-сын находил двигатель прогресса, источник совершенствования общественных отношений и самой человеческой природы.

[466] Например, В. Б. Шкловский так отзывался об Л. Л. Толстом: «формально принадлежал к искусству и, будучи плохим писателем, плохим скульптором, сгорал от зависти к отцу и в своих дневниках, перебивая изложение, писал о том, как он ненавидит своего отца» (Шкловский В. Б. Лев Толстой. М.,1964. С. 806.) В том же ключе пишут о Льве Львовиче и современные биографы Л. Н. Толстого: «Если кто и испытывал (к Л. Н. Толстому – прим. авт.) чувство зависти и недоброжелательность, переходящую иногда в злословие и клевету, то это Лев II, Лев Львович (“Тигр Тигрович”, как его, не слишком изощренно шутя, называл Владимир Стасов), одержимый разными комплексами, в том числе комплексом неполноценности, всё время неуютно ежившийся в тени отца» (Зверев А. М., Туниманов В. А. Лев Толстой. М., 2007. С. 623.)

§4. Идеология военных пропагандистов.

Основой российского дискурса о «желтой опасности», в рамках которого следует рассматривать сочинения Сурина, был глубоко укоренившийся в культуре страх перед опустошительным нашествием азиатских варваров на христианский мир[467]. Религиозные эсхатологические мотивы, наиболее ярко представленные в известном «пророчестве» Владимира Соловьева, преобладали над научным расизмом. Сурин присоединил к противостоянию языческому воинству антихриста тему биологической борьбы за существование между расами-видами.

В то время встречались и более экзотичные подходы к решению проблемы «желтой опасности». Пожелавший остаться неизвестным автор брошюры «Китай или мы» предлагал российскому правительству завоевать северные китайские провинции и обратить местных жителей в государственных рабов. Их следовало перевезти в европейскую Россию и продавать крестьянам и помещикам по цене в 900 рублей за семью из шести человек[468]. Китайцы лишались какой бы то ни было законной защиты – хозяева должны были обладать над ними правом «жизни и смерти». Освобожденные китайские земли следовало за счет средств, вырученных с продажи в рабство местных жителей, заселить русскими крестьянами на положении казаков[469].

В чем-то близка ко взглядам Сурина концепции «Желтороссии» И. С. Левитова. Согласно этому автору, российским властям надлежало позволить китайцам заселить неосвоенные территории за Байкалом. Таким образом создавалась «Желтороссия», которая должна была стать такой же неотъемлемой частью российского национально-государственного тела, как

[467] Дятлов В. И. Экзотизация и «образ врага»: синдром «желтой опасности» в дореволюционной России // Идеи и Идеалы. 2014. № 2. Т.1. С. 30.
[468] Китай или мы. Курск, 1904. С. 8.
[469] Там же. С. 18.

Мало- и Белороссия[470]. В этом присутствовал перекликающийся с идеями Сурина пафос включения народов Востока в орбиту русской «цивилизации», их аккультурации и дальнейшей ассимиляции.

Но, пожалуй, в наибольшей степени совпадает с позицией Сурина брошюра члена черносотенного «Союза Михаила Архангела» Н. Д. Облеухова (псевдоним – П. Ухтюбижский). Во-первых, России, по его мнению, не избежать рокового столкновения с желтыми народами, «испытывающими органическую ненависть к европейцам»[471]. Во-вторых, Россия потерпела поражение от Японии, поскольку на самом деле «против России воевала <…> не Япония, а Англии при помощи японских штыков»[472]. Более того, против России существовал «международный заговор»: «На англо-американские деньги была организована и подогрета внутренняя смута, и в то же время даже без объявления войны на нас напала Япония, действовавшая по указке Англии и Соединенных штатов»[473]. В-третьих, могущества России, «опомнившейся» и окрепшей после неудач, явившихся «господней карой» за отступничество от веры и «исторических заветов», хватит для того, чтобы отразить грядущее нашествие[474]. Как и у Сурина, «крестоносное» воинство одержит победу над азиатским драконом: «Если в Азии столкнется Россия, несущая народам свет православия с желтыми народами, погрязающими во тьме язычества, то в исходе этой борьбы не может быть сомнения. Крест одержит победу над драконом, олицетворяющим “князя мира сего”»[475].

О вовлеченности полковника Сурина в деятельность политических организаций ничего не известно, но по своим взглядам он явно примыкал к крайне-правому лагерю. В этом отношении показательна его попытка увязать две «великие» фобии: «желтую опасность» и «еврейский заговор». Азиатские

---

[470] Ларюэль М. «Желтая опасность» в работах русских националистов начала века // Русско-японская война (1904–1905). Взгляд через столетие. М., 2004. С. 588.
[471] Ухтюбижский П. Русский народ в Азии. СПб., 1913. С. 65
[472] Там же. С. 69.
[473] Там же. С. 78.
[474] Там же. С. 86.
[475] Там же. С. 85.

полчища натравливает на Русь Англия – страна, олицетворяющая «еврейский капитал».

В целом традиционная риторика «истинно русских» людей сочеталась у Сурина с менее характерным для черносотенных авторов расовым, биологическим уклоном. Но самой отличительной чертой его сочинений являлся своего рода наивный оптимизм. Одержимость Сурина борьбой с внешним врагом как бы отодвигала на второй план внутренние противоречия, делала их незначительными. Ему казалось, что хорошо поставленная пропаганда способна в короткий срок сплотить и мобилизовать население империи, включая революционеров (людей, временно заблуждающихся, но не лишенных «чести») и инородцев, которые должны были осознать, что под властью русского царя они процветают. По этой логике можно было точно так же в одночасье прекратить междоусобные распри народов Европы, указав им на общего врага. Борьба с восточной угрозой должна была решить проблемы всего европейского континента.

Можно заключить, что военные, выступавшие с консервативными и националистическими политическими высказываниями, не придерживались единой системы взглядов. В данном случае правильней говорить об общем «стиле мышления»[476]. Он включал в себя приверженность упорядоченной, иерархической организации общества; представление о нации как об объективной, вневременной, обладающей уникальными качественными характеристиками сущности – культурном (духовном) сообществе или биологическом сверхорганизме, принадлежность к которому должна означать политическое единство и устранять социальные противоречия; убежденность в том, что за любыми негативными политическими и социальными тенденциями стоит планомерная деятельность враждебных сил; наконец, склонность к жестким, решительным действиям и предельно примитивным подходам к решению сложных проблем. Сочинения данной категории авторов

[476] Манхейм К. Консервативная мысль // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 572–583.

близки к впоследствии сформулированному Карлом Шмиттом пониманию политики и политического как антагонистического конфликта национально-государственных общностей с врагом – другой национально-государственной общностью, представляющей экзистенциальную угрозу суверенному бытию нации[477]. Партийная борьба, социальные, экономические, религиозные и прочие конфликты внутри государства должны прекратиться во имя противостояния внешнему врагу. Если же какая-то партия или часть народа отвергает политическое единство перед лицом экзистенциального врага, то она становится внутренним врагом – пособником и инструментом врага внешнего. Конечной формой разрешения конфликта с экзистенциальным врагом является война, в которой внутренний фронт может оказаться не менее важным, чем внешний. Для Шмитта способность определять экзистенциального врага и вести с ним войну являлась мерилом существования политической общности. В случае с военными пропагандистами такой критерий политического подразумевала их специфика их профессии. Прямой задачей военных являлась борьба с внешним врагом, но, если существованию государства угрожал внутренний враг (самим фактом своей антигосударственной деятельности приравниваемый к внешнему врагу и объединяемый с ним в одно целое), то нельзя оставаться в стороне от борьбы с ним. Подобную логику преподносили в качестве своей мотивации герои данной главы. На этой основе могли создаваться самые различные, в том числе взаимоисключающие политические проекты. Представляется, что вытекающий из отсутствия единой доктрины плюрализм мнений по конкретным вопросам при общих основополагающих установках был характерен и для русских правых в целом.

Расовая идеология, пустившая глубокие корни в военной среде, вдохновляла на применение тоталитарных методов. Первая мировая война дала примеры тотальной войны с «внутренним врагом», инициированной

[477] Шмитт К. Понятие политического. СПб., 2016. С. 294–257.

командованием русской армии. В 1914–1915 гг. военные власти организовали массовую депортацию еврейского населения из прифронтовой полосы (большая часть территории черты еврейской оседлости оказалось в прямом ведении военного командования). Было насильственно депортировано более полумиллиона человек, вина которых заключалась только в их еврейском происхождении[478]. Депортации сопровождались жестокими погромами, в которых принимали участии казачьи и регулярные части, и продолжались, несмотря на протесты гражданских властей, указывавших на порождаемый ими хаос в тылу. Кроме того, военные – упоминавшийся выше М.Д. Бонч-Бруевич и полковник А.М. Резанов играли ведущую роль в печально известной кампании по борьбе с т.н. «немецким засильем».

Революция заставила активизироваться в публичном поле не только правую общественность. После 1905 г. правительство предпринимало попытки адаптироваться к новой политической реальности, в которой ему необходимо было публично защищать свой курс. К работе в официозных изданиях нового типа (таких как газеты «Русское государство», а затем «Россия») удалось привлечь талантливых сотрудников, способных вести публицистический отдел на уровне ведущих «независимых» изданий. Правительственные органы печати говорили на понятном образованной публике политическом языке. Ситуация в армии была сложнее. Разрозненные усилия подобных Сурин армейских «энтузиастов» охранительной политики даже в случае поддержки со стороны военных властей редко оказывали существенное влияние на настроения нижних чинов. Проблема заключалась не столько в ущербности их идей, сколько в отсутствии адекватного для малограмотной солдатской среды языка патриотической пропаганды. Идеи полковника Сурина были примитивны, но и для их восприятия требовались базовые познания в истории и географии. Офицеры, не имевшие эффективного инструментария идеологической обработки, в массе своей испытывали

[478] Lohr. E. Nationalizing the Russian Empire. The campaign against enemy aliens during World War I. Harvard University Press, 2003. pp. 121–166.

трудности с разъяснением нижним чинам смысла военных конфликтов и происходивших в стране событий. Отсутствие системы всеобщего обучения налагало на армию бремя общегражданского патриотического воспитания нижних чинов (в отличие от других европейских стран, где военная «школа» создавала национальное самосознание наряду со школой общеобразовательной)[479]. На страницах «Русского инвалида» и других офицерских изданий создавался образ идеального командира – воспитателя народной массы, который должен был не только обучить «малоразвитого» крестьянина приемам военного дела, но и сделать из него сознательного добропорядочного гражданина, даже привить ему передовые приемы ведения сельского хозяйства. Эта была откровенная утопия. Перед офицерством ставилась невыполнимая силами одной лишь армии задача.

[479] Weber E. Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France, 1870–1914. Stanford, 1976.

Заключение.

Представляется, что проведенное исследование в значительной степени опровергает распространенный тезис о сознательном дистанцировании российского офицерства от политических вопросов и политической жизни страны. Офицерство принадлежало к образованному слою населения и уже в силу этого обстоятельства было вовлечено в политические дискуссии и политические конфликты своего времени, недоступные малограмотному большинству народа. «Но кто же это “русское офицерство”? Разве не это не то же интеллигентное общество русское?» – риторически восклицал обозреватель журнала «Разведчик»[480]. При этом основная часть военных находилась в роли пассивных наблюдателей – потребителей новостей и печатной продукции. Но насколько вообще был высок уровень политического участия в рамках существовавшего политического режима, который, даже претерпев трансформацию, продолжал сохранять черты абсолютной монархии? Кроме того, военные были юридически лишены даже тех скромных возможностей, которые получили штатские. Однако настоящее исследование показывает, что несмотря на сказанное выше, некоторые группы военных не только находили возможности для активного участия в политической жизни, но даже превращали это в своего рода бизнес. Если одни считали публичное декларирование определенной политической позиции своим гражданским (и профессиональным) долгом, то другие находили в этом потенциальный источник обогащения, приобретения ценных связей и продвижения по карьерной лестнице. Военные находились в центре ключевого для истории третьеиюньской монархии конфликта между верховной властью и народным представительством, между консервативными и прогрессивными, умеренно-либеральными группами элиты. Те же противоречия между сторонниками

[480] Разведчик. 1908. 5 августа. С. 545.

реформ и стремившимися к сохранению статус-кво консерваторами наблюдались и в самой военной среде.

При этом во многих работах о русской армии присутствует выраженная тенденция к упрощению этих процессов. Факты, указывающие на все большую политизации общества и зарождении новой политической культуры (характерный для XX в. процесс), без достаточных к тому оснований воспринимают в качестве свидетельства существование военного заговора с целью совершения государственного переворота, тем самым некритически солидаризуясь с позицией консерваторов и полицейских чиновников начала XX века[481]. Представляется, что никакого военного заговора по «младотурецкому» образцу не существовало, но при этом имела место политизация части офицерства. Недовольство режимом, на который они возлагали ответственность за военные неудачи и текущее состояние вооруженных сил, приводило к попыткам использовать новые институты (то есть народное представительство, политические партии, получившую относительную свободу печать) для лоббирования своего видения развития армия. Российская военная элита не была достаточно сплочена и политически мотивирована для совершения государственного переворота. Российский корпус офицеров Генерального штаба не представлял из себя такую сплоченную (в том числе идеологически) и мощную корпорацию, как, например, германский Генштаб, сумевший в годы Первой мировой войны во многом подчинить себе и внутреннюю политику государства, фактически плавно установив военное правление без прямого переворота[482].

Можно ли приравнивать курс на умеренные «прогрессивные» реформы в сотрудничестве с народным представительством, который поддерживали в том числе и многие высшие сановники империи, к антимонархическому заговору? Во всяком случае, современные историки могут опереться в этом на

[481] Хутарев-Гарнишевский В.В. Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913–1917 гг.; Мультатули П.В. Кругом измена, трусость и обман. Подлинная история отречения Николая II. М., 2012; Кобылин В.С. Император Николай II и заговор генералов. М., 2008.
[482] Hull I. Absolute Destruction: Military Culture and the Practices of War in Imperial Germany. Cornell University Press, 2005. pp. 226–263.

тогдашних консерваторов, с помощью преувеличенных обвинений в подготовке переворота, сводивших счеты со своими политическими противниками. Подлинная вина «младотурок» заключалась в их попытке, устанавливая связи с народным представительством и политическими партиями, действовать в обход прежних властных иерархий, ревностно охраняемых консерваторами.

В мартовские дни 1917 г. армейское командование высказалось за отречение Николая II. Этот «предательский» акт, нарушавший офицерскую присягу, современные монархисты считают свидетельством существования «военного заговора» против царя. Но генералы поддержали отречение непопулярного и во многом утратившего их собственное доверие монарха перед лицом мощного низового движения, которое не представлялось возможным подавать силой в условиях мировой войны. Они оказались готовы пожертвовать царем и монархией ради предотвращения гражданской войны и победы над внешним противником – то есть во имя своеобразно понимаемых интересов России, которые для этого поколения военных уже не были тождественны верности престолу, выраженной в монархической присяге.

В рамках диссертационного исследования была прослежена история т. н. кружка «младотурок» – группы офицеров Генерального штаба и членов Комиссии Государственной обороны III Государственной думы, собиравшихся на неформальные совещания для обсуждения поступавших в Думу законопроектов военного ведомства и общих военно-стратегических вопросов. Проведенное исследование позволило уточнить и расширить существующие в историографии нечеткие представления о кружке «младотурок». Обнаруженная в фондах Российского государственного военно-исторического архива записка за авторством делопроизводителя Канцелярии Государственной думы, отставного капитана П. М. Михайлова проливает свет на то, как за участниками кружка закрепилось прозвище «младотурки». Записка Михайлова, по сути, представляет собой обстоятельный донос, в котором «военно-думский» кружок Гучкова-Гурко

изображается в качестве ядра конспиративной организации, готовившей военный переворот по турецкому образцу. Можно с уверенностью утверждать, что обвинения в составлении военного заговора были беспочвенны. И все же история «младотурок» была проявлением реального политического конфликта. Михайлов стремился подать себя в качестве консервативного верноподданного монархиста. Он указывал, что участие находящихся на действительной службе офицеров в работе парламента (а именно так следует трактовать консультирование депутатов) было несовместимо с его представлениями о верности присяге и воинском долге. Военные, участвовавшие в совещаниях с думцами, занимали должности, не позволявшие им напрямую вмешиваться в решение стратегических вопросов. Более того, по букве закона они вообще не имели права заниматься политикой. В то время как смысл предоставления депутатам «экспертных консультаций» как раз и заключался в том, чтобы получить возможность через Думу влиять на оборонную политику государства, тем самым изменяя структуру принятия решений и нарушая сложившиеся властные иерархии. С точки зрение консерваторов, подобное было абсолютно неприемлемо – наряду с официально уполномоченными инстанциями: Военным министерством, Главным управлением Генерального штаба, Военным советом, ранее Советом государственной обороны и т. п. существовал еще и некий неофициальный орган, консультировавший депутатов. Это воспринималось как отступление от «нормального» законного течения дел, что в конечном итоге являлось посягательством на прерогативы императора.

Деятельность кружка отражала две тенденции. С одной стороны, депутаты стремились явочным порядком расширить свои полномочия в военной сфере, не желая ограничиваться вотированием бюджетных ассигнований без сущностного обсуждения вопросов устройства и реформирования вооруженных сил, как это предусматривалось 96 ст. Основных государственных законов. С другой стороны, «прогрессивно» мыслящие профессионалы-генштабисты стремились наладить отношения с депутатами

для того, чтобы облегчить прохождение военных кредитов и опереться на народное представительство в борьбе против традиционного влияния «придворных сфер» (прежде всего великих князей, но так же и самого царя), тормозившего модернизацию армии. Русско-японская война обнаружила серьезные недостатки подготовки русской армии. Борьба за приведение вооруженных сил страны в соответствие с современными требованиями приобретала политический оттенок, поскольку главным препятствием на пути реформ становился консерватизм «верхов», чрезмерное влияние традиционных придворных элит и самого царя. Таким образом, традиционная монархическая лояльность (как и в случае с авторами «Военного голоса») входила в противоречие с корпоративными интересами и экспертным знанием.

«Младотурки» действовали не на свой страх и риск. Деятельность кружка санкционировал и поддержал военный министр А. Ф. Редигер. Он лично инициировал неформальные контакты с депутатами. Редигер рассчитывал с помощью Думы провести определенные меры (прежде всего обновить высший командный состав и изменить сами принципы кадровой политики, ограничив влияние «безответственных» великих князей), не находившие поддержки у императора. Министр потерпел неудачу. Налаживая сотрудничество с Думой и октябристами, Редигер следовал «конституционному» курсу премьера П. А. Столыпина. Замена Редигера В. А. Сухомлиновым, которому Николай II недвусмысленно дал понять, что не потерпит сближения военного министра с Думой, стала победой находившихся в жесткой оппозиции к Столыпину правых. Записка Михайлова как раз предназначалась думским правым и Сухомлинову, который воспользовался содержавшимися в ней обвинениями для того, чтобы пресечь деятельность кружка генерала Гурко, постепенно удалив его участников из столицы. Сухомлинов осуществил возврат к традиционной «верноподданнической» политической модели, в которой военный министр опирался исключительно на доверие монарха. Таким образом, историю кружка «младотурок» следует рассматривать в качестве

эпизода противостояния консервативной и «прогрессивной» группировок военной элиты. В свою очередь, конфликты в военной среде были составной частью основного политического конфликта, раскалывавшего элиты третьеиюньской монархии: консерваторы оказывали систематическое противодействие сторонникам умеренных прогрессивных реформ с опорой на народное представительство.

Прозвище «младотурки» закрепилось не только за членами кружка генерала Гурко. На втором этапе реализации проекта удалось изучить историю другого приобретшего политический оттенок конфликта в военной среде. После Русско-японской войны остро встал вопрос о реформе Николаевской академии Генерального штаба. Продолжавшаяся в течение нескольких лет работа официальных комиссий, собиравших суждения авторитетных специалистов о ситуации в Академии, не привела к выработке четкого плана реформ. Серьезные преобразования начались в Академии по инициативе «снизу». В 1909 г. группа «молодых» профессоров во главе с Н. Н. Головиным задалась целью поставить преподавание в Академии на более прикладной лад, сократив количество лекционных часов в пользу практических занятий по тактике, на которых офицеры в небольших группах учились совместно вырабатывать решения боевых задач. Головин и его товарищи ориентировались на методики, принятые в аналогичных Николаевской академии учебных заведениях Франции и Германии. Им удалось заручиться поддержкой тогдашнего начальника Академии Д. Г. Щербачева, однако «старшие» профессора и некоторые влиятельные члены Конференции академии категорически выступили против нововведений. Они усмотрели в планах Головина и его сторонников покушение на традиции русской национальной школы «военного искусства» и прямую угрозу своему авторитетному положению. Далее события развивались по очень схожему с ситуацией вокруг думской Комиссии обороны сценарию. Поддерживавший «старших» профессоров «заведующий обучающимися в Академии офицерами» полковник М. Д. Бонч-Бруевич был вхож в дом министра

Сухомлинова, которого хорошо знал по службе в штабе Киевского военного округа. Согласно воспоминаниям сторонника Головина А. К. Кельчевского, Бонч-Бруевич указал Сухомлинову на «опасный» образ действий «молодых» профессоров, разрушавших традиции Академии, не считаясь с авторитетом старших по службе и начальства, уподобив их турецким военным заговорщикам. После личной инспекции министра и его доклада императору лидеры «младотурок» и покровительствовавший им Щербачев были удалены из Академии, а ее начальником стал далекий от военной науки «свитский» генерал Енгалычев. Таким образом, изначально как будто совершенно не политический спор о подходах к преподаванию обернулся борьбой за власть между сторонниками «прогрессивных» реформ и бдительно охранявшими свои главенствующие позиции консерваторами.

Если одни группы офицерства вовлекались в политические конфликты, пытаясь добиться реформ и изменить порядок принятия решений, то политическая мобилизация других происходила по линии борьбы с революцией. В их понимании поражение, нанесенное России Японией, было не закономерным итогом изъянов военной подготовки и стратегического планирования, а случайностью, следствием неудачного выбора начальников. Революция для них также не вытекала из предшествующего развития страны, а явилась плодом деятельности враждебных России сил – таинственных чужеродных заговорщиков, сумевших идейно подчинить себе русскую интеллигенцию и с ее помощью взволновать народ.

Список использованных источников и литературы

Источники

Неопубликованные источники

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. 555. А.И. Гучков.

Ф. 579. П. Н. Милюков.

Ф. Р-1005. Верховный трибунал при Всероссийском центральном исполнительном комитете.

Ф. 1467. Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц.

Ф. Р-6559. В. А. Замбржицкий.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 776. Главное управление по делам печати.

Ф. 1278. Государственная дума.

Ф. 1405. Министерство юстиции.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

Ф. 1. Канцелярия Военного министерства.
Ф. 248. П. М. Михайлов.
Ф. 400. Главный штаб.
Ф. 409. Послужные списки, аттестации и наградные листы офицеров русской армии.
Ф. 830. Совет государственной обороны.
Ф. 868. Комитет по образованию войск при Военном совете.
Ф. 962. Верховная комиссия, учрежденная 25 июля 1915 г. для всестороннего расследования обстоятельств, послуживших причиной несвоевременного и недостаточного пополнения запасов воинского снабжения армии.
Ф. 970. Военно-походная канцелярия Его императорского величества.
Ф. 2000. Главное управление Генерального штаба.

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ)

Ф. 369. В. Д. Бонч-Бруевич.

Рукописный отдел Института русской литературы (ИРЛИ)

Ф. 303. Л. Л. Толстой.

Центральный городской исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб)

Ф. 1695. Прокурор Петроградской судебной палаты.

Опубликованные источники

Периодические издания

Военный голос.
Русский инвалид.
Русское чтение.
Офицерская жизнь.
Новое время.
Речь.
Разведчик.
Слово.
Страна.
Туркестанская военная газета.
Русское знамя.
Руль.
Наша жизнь.
Голос.
XX век.
Правительственный вестник.
Московские ведомости.
Русский вестник.
Красный архив.
День.
Русское слово.

Воспоминания, дневники и публицистика

1. Апушкин. В. А. Куропаткин. Из воспоминаний о Русско-японской войне. СПб., 1907. – 149 с.

2. Будний И. Побежденные: повесть горькой действительности. М., 1907. – 80 с.

3. Военная энциклопедия под ред. В. Ф. Новицкого в 18-ти т. 6. СПб., 1912. – 645 с.

4. Геруа Б. В. Воспоминания о моей жизни. Т. 1. Париж, 1969. – 275 с.

5. Глинка Я. В. Одиннадцать лет в Государственной Думе, 1906–1917: Дневник и воспоминания. М., 2001. – 400 с.

6. Головин Н. Н. Высшая военная школа. СПб., 1909. – 126 с.

7. Грулев М. В. Записки генерала-еврея. М., 2007. – 270 с.

8. Гурко В. И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914—1917. М., 2007. – 399 с.

9. Гучков А. И. Александр Иванович Гучков рассказывает…: Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. – 143 с.

10. Деникин А. И. Путь русского офицера. М., 2012. – 669 с.

11. Деникин А. И. Старая армия; Офицеры. М., 2005. – 503 с.

12. Дневники императора Николая II. 1894–1918 гг. Ч. 1. Т. 1. 1894–1904 гг. / Отв. ред. С.В. Мироненко. М., 2011. – 1101 с.; М., 2012. Т. 2. Ч. 1. – 824 с.

13. Из воспоминаний Э. В. Экка / Публ. Ю. В. Алехина // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. М., 2001. Т. XI. С. 443–449.

14. Китай или мы. Курск, 1904. – 23 с.

15. Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М. – Берлин, 2014. – 643 с.

16. Маклаков В. А. Первая Государственная дума. Воспоминания современника. 27 апр. – 8 июля 1906 г. М., 2006. – 333 с.

17. Мельник Т.Е. Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции. Белград, 1921. – 83 с.

18. Мошков В. А. Новая теория происхождения человека и его вырождения, составленная по данным зоологии, геологии, археологии, антропологии, этнографии, истории и статистики. Т.1. Происхождение человека. Варшава, 1907. – 239 с.

19. Мошков В. А. Механика вырождения. 1912 г. – начало «железного века» в России. Варшава, 1910. – 192 с.

20. Новицкий В. Памяти Д. П. Парского // Военная наука и революция. Военно-научный журнал. 1922. Кн. I. С. 190–195.

21. Новицкий В. Ф. На пути к усовершенствованию государственной обороны. СПб., 1909. – 172 с.

22. Оберучев К. М. Офицеры в русской революции. Нью-Йорк, 1918. – 46 с.

23. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Т. VI / под ред. П. Е. Щеголева. М. – Л., 1926. – 415 с.

24. Парский Д. П. Причин наших неудач на войне с Японией. Необходимые реформы в армии. СПб., 1906. – 71 с.

25. Переписка Николая и Александры Романовых. М. – Л., 1927. Т. V. – 303 с.

26. Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. Т. 1. М., 1924. – 240 с.

27. Политические права военных. СПб., 1906. – 40 с.

28. Редигер А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2-х т. Т. 1. М., 1999. – 576 с.; Т. 2. М., 1999. – 528 с.

29. Рёрберг Ф. П. Исторические тайны великих побед и необъяснимых поражений. Записки участника Русско-японской войны 1904—1905 гг. и члена военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны 1906—1909 гг. Мадрид, 1967. – 211 с.

30. Речь Скобелева в Париже. 1882 г. // Красный архив. 1927. Т. 27. С. 219–220.

31. Савич Н. В. Воспоминания. СПб., 1993. – 490 с.

32. Сурин Ф. И. Смерть героя Скобелева. Что дороже золота, любви, жизни? СПб., 1913. – 104 с.

33. Сухомлинов В. А. Воспоминания. М. – Л., 1928. – 438 с.

34. Толстой Л. Л. В Ясной поляне. Правда об отце и его жизни. Прага, 1923. – 48 с.

35. Толстой Л. Л. Опыт моей жизни; Переписка Л. Н. и Л. Л. Толстых. М., 2014. – 573 с.

36. Толстой Л. Л. Памятка русского солдата. СПб., 1907. – 16 с.

37. Ухтомский Э. Э. К событиям в Китае. Об отношениях Запада и России к Востоку. СПб., 1900. – 87 с.

38. Ухтюбижский П. Русский народ в Азии. СПб., 1913. – 99 с.

39. Череп-Спиридович А. И. Как избавить Россию от экономического и политического рабства. СПб., 1911. – 52 с.

40. Шварц А. В. фон. Из дневника инженера. Ч. 1. Заметки по полевой фортификации. СПб., 1906. – 48 с.; Ч. 2. Некоторые фортификационные данные борьбы за Порт-Артур. СПб, 1906. – 19 с.

Нормативные акты и официальная документация

41. Главный штаб. Циркуляры за 1907 год. СПб., 1908.

42. Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв I. Сессия I. Т. I. СПб., 1906; Созыв III. Сессия II. СПб., 1908.

43. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1912.

44. Приказ по военному ведомству. 1906. № 123.

Литература

45. Айрапетов О. Р. «Дело Мясоедова». XX век начинается... // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2009. № 23. С. 110–129.

46. Айрапетов О. Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию (1905–1917). М., 2003. – 256 с.

47. Айрапетов О. Р. Пресса и цензура в Русско-японскую войну // Русско-японская война 1904–1905: взгляд через столетие: международный исторический сборник / под ред. О. Р. Айрапетова. М., 2004. С. 341–354.

48. Афанасьев Г. Ю. Воссоздание императорского российского флота в дебатах III Государственной Думы и общественных дискуссиях 1906–1912 гг.: автореф. дисс. на соиск. учен. степ. к. ист. н. СПб., 2010. – 24 с.

49. Басинский П. В. Лев в тени Льва. М., 2015. – 512 с.

50. Белогуров С. Б. История военной периодической печати в России (XIX –начало XX вв.).: автореф. дисс. на соиск. уч. степ. д. ист. н. М., 1997. – 52 с.

51. Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986. – 237 с.

52. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. М., 1973. – 616 с.

53. Буравченков А. А. Роль демократического офицерства в революции. Киев, 1990. – 47 с.

54. Васин. И. Армия и революция (Борьба московских большевиков за солдатские массы в трех революциях). М., 1973. – 240 с.

55. Волков С. В. Российское офицерство как служилое сословие // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. М., 2000. С 515–534.

56. «Время идет интереснейшее…» (Письма Л. Л. Толстого к Николаю II) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год. СПб., 1996. Вступ. статья, публикация и комментарий В.Н. Абросимовой и С.Р. Зориной. С. 98–169.

57. Ганин А. В. «Мозг армии» в период «русской смуты»: Статьи и документы. М., 2013. – 878 с.

58. Ганин А. В. Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны. Противостояние командных кадров. 1917–1922 гг. М., 2019. – 317 с.

59. Ганин А. В. Первый красный боевой генерал: Дмитрий Павлович Парский // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 16. М., 2014. С. 205–294.

60. Генерал Куропаткин — государственный и военный деятель Российской империи. К 170-летию со дня рождения. Коллективная монография / под ред. В.П. Сальникова. СПб., 2018. – 369 с.

61. Голосенко И. А. Военная социология в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2. С. 153–158.

62. Гофман Э. Тотальные институты. М., 2019. – 464 с.

63. Гребенкин И. Н. Российское офицерство и политическая жизнь России в начале XX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. 2009. Вып. 3(71). С. 220–228.

64. Гребенкин И. Н. Долг и выбор: русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. М., 2015. – 528 с.

65. Гущин А. В. Русская армия в войне 1904–1905 гг.: историко-антропологическое исследование влияния взаимоотношений военнослужащих на ход боевых действий. СПб., 2014. – 256 с.

66. Дягтерев А. П. Военные проблемы в деятельности Государственной думы России (1906–1917) // Армия и общество. М., 2000. № 1. С. 105–112.

67. Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978. – 246 с.

68. Дятлов В. И. Экзотизация и «Образ врага»: синдром «Желтой опасности» в дореволюционной России // Идеи и идеалы. 2014. № 2 (20). С. 23–41.

69. Ермаков В. А. Антимасонская деятельность русской монархической эмиграции "первой волны" (1917–1940) // Интерактивная наука. 2018. № 3 (25). С. 23–36.

70. Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903 гг. М., 1973. – 350 с.

71. Зайончковский П. А. Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны // П. А. Зайончковский (1904–1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 24–69

72. Зверев А. М., Туниманов В. А. Лев Толстой. М., 2007. – 784 с.

73. Зверев. В. О. Система мер противодействия угрозам военной безопасности Российской империи (1904–1914 годы). Дисс. на соиск. уч. степ. д. и. н. Омск, 2017. – 482 с.

74. Изединов А. А. На сопках Маньчжурии: в лабиринте странных решений. М., 2018. – 574 с.

75. Каменев А. И. Офицер — профессия идейная // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. М., 2000. С. 451–482.

76. Каминский В. В. Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии. СПб., 2011. – 734 с.

77. Каминский В. В. Русские генштабисты в 1917–1920 годах. Итоги изучения // Вопросы истории. 2002. № 12. С. 40–50.

78. Каминский В. В., Веременко В. А. М. Д. Бонч-Бруевич – один из основателей Красной армии: страницы биографии // Новейшая история России. 2018. Т. 8. Вып. 1. С. 57–69.

79. Карский А. А. 52-й драгунский Нежинский полк. Русско-японская война. СПб., 2021. – 425 с.

80. Керсновский А. А. История русской армии. Т. 4. М., 1994. – 368 с.

81. Кобылин В. С. Император Николай II и заговор генералов. М., 2008. – 427 с.

82. Кожевин В. Л. Российское офицерство и февральский революционный взрыв. Омск, 2011. – 260 с.

83. Курбанов С. О. Россия и Корея в конце XIX–начале XX века // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в новое время. СПб., 2011. С. 337–359.

84. Лазарев М. С. Ликвидация ставки старой армии как очага контрреволюции // Вопросы истории. 1968. № 3. С. 43–57.

85. Ларюэль М. «Желтая опасность» в работах русских националистов начала века // Русско-японская война (1904–1905). Взгляд через столетие. М., 2004. С. 579–592.

86. Ломунов К. Н. Лев Толстой в современном мире. М., 1975. – 493 с.

87. Лукоянов И. В. «Не отстать от держав…». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. СПб., 2008. – 664 с.

88. Манхейм К. Консервативная мысль // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. – 700 с.

89. Масальский В. Н. Скобелев: исторический портрет. М., 1998. – 414 с.

90. Михайленок О. М. Государство и армия в России. 19–21 века. М., 2006. – 328 с.
91. Могильнер М. Homo imperii. История физической антропологии в России. М., 2008. – 512 с.
92. Мультатули П. В. Кругом измена, трусость и обман. Подлинная история отречения Николая II. М., 2012. – 443 с.
93. Мультатули, П. В. Залесский, К. А. Русско-японская война 1904–1905 гг. М., 2015. – 815 с.
94. Павлов Д. Б. Русско-японская война 1904–1905 гг.: Секретные операции на суше и на море. М. СПб., 2016. – 460 с.
95. Партии демократических реформ, Мирного обновления, Прогрессистов: документы и материалы, 1906–1916 гг. М., 2002. – 528 с.
96. Патрикеева О. А. Государственная дума Российской империи на страницах газеты «Новое время» // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2014. № 1. С. 160–168.
97. Петров С. Г. Провинциал в столице (А. Н. Брянчанинов) // Диалог культур и цивилизаций в глобальном мире: VII Международные Лихачевские научные чтения, 24–25 мая 2007 г. СПб., 2007. С. 487–488.
98. Пирогов Д. В. Военная общественность и военное министерство на пути к сотрудничеству // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2014. № 60. С. 61–68.
99. Пирогов Д. В. Вопросы подготовки русской армии к войне в военной периодике 1905–1914 гг.: Дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 2016. – 282 с.
100. Поликарпов В. Д. Военная контрреволюция в России: 1905–1917 гг. М., 1990. – 389 с.
101. Половинкин В. Н., Фомичев А. Б. Поход в бессмертие: анализ опыта Русско-японской войны. СПб., 2013. – 616 с.
102. Русские фольклористы : биобиблиографический словарь XVIII–XIX вв. : в 5 т. Т. 3 : Краинский – О. СПб., 2018. – 768 с.
103. Савинкин А. Е. Заветные идеалы русского офицерского корпуса // Офицерский корпус Русской Армии. Опыт самопознания. М., 2000. С. 535–609.
104. Санборн Дж. «Малые реформы» в эпоху Прогрессивизма: случай российской армии // Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916. СПб., 2021. С. 349–365.
105. Сергеев Ю. С. "Иная земля, иное небо...". Запад и военная элита России. М., 2001. – 282 с.

106. Сидорова И. Б. Ученое братство: Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878–1931). Казань, 2014. – 304 с.

107. Симашенков П. Д. Деятельность органов власти по укреплению морального духа офицеров русской армии в межвоенное десятилетие (1905–1914 гг.). М., 2015. – 181 с.

108. Суряев В. Н. Армейское офицерство и революция 1905–1907 гг. в России // Codrul Cosminului. 2015. Вып. 21. С. 125–142.

109. Схиммельпенник ван дер Ойе. Д. Отношения между военными и гражданскими в III Думе // Последняя война императорской России. М., 2002. С. 10–42.

110. Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009. – 419 с.

111. Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Русский ориентализм. Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до белой эмиграции. М., 2019. – 285 с.

112. Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. М., 2000. – 496 с.

113. Тольц. В. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М., 2013. – 332 с.

114. Турбина Е. Публика: краткий очерк понятия // Публичная сфера: теория, методология, кейс стади. Коллективная монография под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. М., 2013. С. 25–34.

115. Туманова А. С. Общественные организации в России. Правовое положение. 1860–1930-е гг. М., 2019. – 479 с.

116. Фольклористическое наследие В. А. Мошкова. Антология. СПб., 2003. – 164 с.

117. Фуллер В. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009. – 373 с.

118. Хутарев-Гарнишевский В. В. Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи. М., 2020. – 640 с.

119. Чирков А. А. Думские комиссии по обороне: состав, задачи, результаты деятельности (1907–1917 гг.).: Дисс. на соиск. уч. степ. к. ист. н. М., 2016. – 270 с.

120. Чирков А. А. Взаимоотношения думской комиссии по государственной обороне с Военным и Морским министерствами в 1907–1917 гг. // Военно-исторический журнал. 2016. № 2. С. 38–44.

121. Шартье Р. Культурные истоки Французской революции. М., 2001. – 253 с.

122. Шацилло К. Ф. «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967. № 4. С. 103–116.

123. Шацилло К. Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М., 2000. – 398 с.

124. Шемякин А. Л. По стопам С. А. Никитина («славянская Москва» и Сербия в 1878–1917 гг.) // Славяне и Россия. 2013. № 1. С. 586–609.

125. Шкловский В. Б. Лев Толстой. М., Молодя гвардия. 1964. – 864 с.

126. Шмитт К. Понятие политического. СПб., 2016. – 569 с.

127. Bushnell J. The Tsarist Officer Corps, 1881–1914: Customs, Duties, Inefficiency // The American Historical Review, Oct., 1981, Vol. 86, No. 4. pp. 753–780.

128. Fuller William C. Jr. Civil-Military Conflict in Imperial Russia 1881–1914. Princeton, 1985. – 336 p.

129. Habermas J. The structural transformation of the public sphere: an inquiry into a category of bourgeois society. Cambridge, 1989. – 328 p.

130. Hull I. Absolute Destruction: Military Culture and the Practices of War in Imperial Germany. Cornell University Press, 2005. – 400 p.

131. Lohr. E. Nationalizing the Russian Empire. The campaign against enemy aliens during World War I. Harvard University Press, 2003. – 237 p.

132. Markus G. Der Fall Redl. Vienna, 1984. – 286 s.

133. Menning B. Bayonets before Bullets: The Imperial Russian Army, 1861–1914. Bloomington, 1992. – 352 p.

134. Rich D. The Tsar's Colonels: Professionalism, Strategy, and Subversion in Late Imperial Russia. London, 1998. – 310 p.

135. Steinberg J. All the Tsar's Men. Russia's General Staff and the Fate of the Empire 1898–1914. Baltimore, 2010. – 408 p.

136. Weber E. Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France, 1870–1914. Stanford, 1976. – 632 p.

137. Weinerman E. Racism, Racial Prejudice and Jews in Late Imperial Russia // Ethnic and Racial Studies. 1994. Vol. 17. № 3. pp. 691–707.

138. Wildman. A. The end of the Russian imperial army. The Old Army and the Soldiers' Revolt (March–April 1917). Princeton, 1980. – 440 p.